

ISSN 2307-5309

A stylized map of Altai Krai is centered on the page, outlined in white and filled with a light blue gradient. A bright white lightning bolt strikes the map from the top right. The map is overlaid on a background of blue and white curved lines.

АЛТАЙСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

**Выпуск № 1 (25)
2019**

Алтайский юридический вестник

Научный журнал Барнаульского юридического института МВД России

№ 1 (25) 2019

Главный редактор:

Анохин Ю.В., д-р юрид. наук, доцент

Зам. главного редактора:

Плаксына Т.А., д-р юрид. наук, доцент

Ответственный за выпуск:

Авдюшкин Е.Г.

Состав редакционного совета:

Абызов Р.М., д-р юрид. наук, профессор,
заслуженный юрист РФ
Анисимов П.В., д-р юрид. наук, профессор,
заслуженный юрист РФ
Аничкин Е.С., д-р юрид. наук, доцент
Арыстанбеков М.А., д-р юрид. наук, доцент
Афанасьев В.С., д-р юрид. наук, профессор,
заслуженный юрист РФ
Баранов А.М., д-р юрид. наук, профессор
Бекетов О.И., доктор юрид. наук, профессор
Бучакова М.А., доктор юрид. наук, доцент
Васильев А.А., д-р юрид. наук, доцент
Герасименко Ю.В., д-р юрид. наук, профессор,
заслуженный юрист РФ
Гончаров И.В., д-р юрид. наук, профессор
Деришев Ю.В., д-р юрид. наук, профессор
Ким Д.В., д-р юрид. наук, профессор
Князьков А.С., д-р юрид. наук, доцент
Кодан С.В., д-р юрид. наук, профессор
Корякин И.П., д-р юрид. наук
Кузьмина И.Д., д-р юрид. наук, доцент
Мазунин Я.М., д-р юрид. наук, профессор
Сизимова О.Б., д-р юрид. наук, доцент
Сумачев А.В., д-р юрид. наук, доцент
Филиппов П.М., д-р юрид. наук, профессор
Харитонов А.Н., д-р юрид. наук, профессор
Чечетин А.Е., д-р юрид. наук, профессор
Шарапов Р.Д., д-р юрид. наук, профессор
Шепель Т.В., д-р юрид. наук, профессор

Состав редакционной коллегии:

Арсенова Н.В., канд. юрид. наук, доцент
Белицкий В.Ю., канд. юрид. наук, доцент
Бублик И.Г., канд. юрид. наук, доцент
Галиев Р.С., канд. юрид. наук
Ермаков С.В., канд. юрид. наук
Кругликова О.В., канд. юрид. наук, доцент
Михалева Д.А., канд. юрид. наук, доцент
Овчинникова О.Д., канд. юрид. наук, доцент
Репьев А.Г., канд. юрид. наук
Репьева А.М., канд. юрид. наук
Семенюк Р.А., канд. юрид. наук, доцент
Сорокина А.Г., канд. юрид. наук, доцент
Чесноков А.А., канд. юрид. наук, доцент
Шкурихина Н.В., канд. юрид. наук, доцент
Шмидт А.А., канд. юрид. наук

Ответственный секретарь:

Жолобова Ю.С.

Редактура: О.Н. Татарниковой, Ю.С. Жолобовой

Компьютерная верстка: О.Н. Татарниковой

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Свидетельство
о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-57487
от 27.03.2014

Журнал включен в Перечень
рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть
опубликованы основные научные
результаты диссертаций
на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой
степени доктора наук

Включен в систему РИНЦ 23.04.2013
(договор № 245-04/2013)

Подписной индекс
распространителя
по договору подписки
с ОАО «Роспечать» 70801

Учредитель: Барнаульский
юридический институт МВД России.
Свободная цена.

Адрес и телефоны редакции, издателя,
типографии: 656038, Алтайский край, г. Барнаул,
Барнаульский юридический институт
МВД России,
ул. Чкалова, 49, (3852) 37-92-70, 37-91-49.
[www.http://vestnik.buimvd.ru](http://vestnik.buimvd.ru).
E-mail: altvest@buimvd.ru

Научно-исследовательский
и редакционно-издательский отдел.

Подписано в печать 20.02.2019.
Выход в свет 25.02.2019.
Заказ № 50. Формат 60х84/8.
Ризографирование.
Усл. п.л. 19,3. Тираж 100 экз.

© Барнаульский юридический
институт МВД России, 2019

Altai Law Journal

Science Journal of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

№ 1 (25) 2019

Editor-in-Chief:

Anokhin Yu.V., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor

Deputy Editor-in-Chief:

Plaksina T.A., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor

Responsible for Issue:

Avdyushkin Ye.G.

Editorial Advisory Board:

Abyzov R.M., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor, Honored lawyer of Russia
Anichkin E.S., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor
Anisimov P.V., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor, Honored lawyer of Russia
Afanasyev V.S., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor, Honored lawyer of Russia
Arystanbekov M.A., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Baranov A.M., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Beketov O.I., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Buchakova M.A., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor
Chechetin A.E., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Filippov P.M., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Gerasimenko Yu.V., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor, Honored lawyer of Russia
Goncharov I.V., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Derishev Yu.V., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Kim D.V., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Kharitonov A.N., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Knjazkov A.S., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor
Kodan S.V., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Koryakin I.P., PhD. (Doctor of Juridical Sciences)
Kuzmina I.D., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor
Mazunin Ya.M., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Sizemova O.B., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor
Sumachev A.V., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor
Sharapov R.D., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Shepel T.V., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Vasiliev A.A., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor

Editorial Review Board:

Arsenova N.V., PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor
Belitskij V.Yu., PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor
Bublik I.G., PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor
Chesnokov A.A., PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor
Galiev R.S., PhD. (Candidate of Juridical Sciences)
Ermakov S.V., PhD. (Candidate of Juridical Sciences)
Kruglikova O.V., PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor
Mikhaleva D.A., PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor
Ovchinnikova O.D., PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor
Repev A.G., PhD. (Candidate of Juridical Sciences)
Repeva A.M., PhD. (Candidate of Juridical Sciences)
Semenyuk R.A., PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor
Shkurikhina N.V., PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor
Shmidt A.A., PhD. (Candidate of Juridical Sciences)
Sorokina A.G., PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor

Executive Secretary:

Zholobova Yu.S.

Proofreading: O.N. Tatarnikova, Yu.S. Zholobova

Desktop publishing: O.N. Tatarnikova

The journal is registered in Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications. Registration certificate PI No. FS77-57487 dated 27.03.2014.

The journal is included into the List of peer-reviewed scientific journals recommended by Higher Attestation Commission for publishing of major results of dissertations for the degree of Ph.D. (Doctor and Candidate of sciences)

Journal indexing:
RINTS contract
No. 245-04/2013 (23.04.2013)

Subscription index in the catalog of «RosPechat»
Agency Ltd is 70801

Founder: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
Uncontrolled price.

Address of editor, editor's and printing office: 656038, Altai territory, Barnaul, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Chkalovstr., 49, (3852) 37-92-70, 37-91-49.
[www. http://vestnik.buimvd.ru](http://vestnik.buimvd.ru)
E-mail: altvest@buimvd.ru

Research-evaluation and publishing department.

Passed for printing 20.02.2019.
Issue date 25.02.2019.
Order 50. Format 60x84/8.
Conventional printed sheets 19,3.
Issue 100 copies.

© Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019

Содержание

Государственно-правовое регулирование общественных отношений

<i>Грязнова Т.Е., Москаленко Г.Е.</i> Учение о солидарности власти и народа Б.А. Кистяковского	7
<i>Логинова Т.Д.</i> Законодательные новеллы в сфере обеспечения права личности на информационную безопасность	11
<i>Овчинникова О.Д., Шаганян А.М., Фризен П.Д.</i> Сравнительный анализ основных обязанностей стран социалистической правовой системы	17
<i>Репьев А.Г.</i> Иммунитет как правовое преимущество: дефинитивный аспект	23
<i>Федин И.Г.</i> Добросовестность в российской правовой практике	28

Административное право и административный процесс

<i>Головкин В.В., Сергеев М.В.</i> Административная реформа в системе МВД: проблемы и перспективы ...	35
<i>Гришаков А.Г.</i> Деятельность участкового уполномоченного полиции по профилактике административных правонарушений и раскрытию преступлений с использованием систем видеонаблюдения	39
<i>Кригер Ю.А., Федяев Е.А.</i> Обжалование постановлений по делам об административных правонарушениях в электронном виде	44

Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право

<i>Ботвин И.В.</i> Региональные особенности оперативно-разыскной профилактики преступности	49
<i>Каменский Н.А.</i> К вопросу об объекте уголовно-правовой охраны состава преступления, предусмотренного ст. 201.1 УК РФ	53
<i>Коренная А.А.</i> Квалификация преступлений, совершаемых с использованием криптовалюты	59
<i>Плаксина Т.А.</i> Некоторые проблемы применения норм об освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (уголовно-правовые аспекты)	64
<i>Попова А.С.</i> Некоторые пробелы в законодательном регулировании защиты жизни и здоровья медицинских работников от противоправных действий пациентов и пути их преодоления	72
<i>Смирнов А.И., Орлов С.В., Бушлякова Д.В.</i> О совершенствовании методик раннего выявления лиц, вовлеченных в незаконный оборот наркотиков, и организации индивидуальной профилактической работы с ними	78
<i>Сумачев А.В., Шуранова О.А., Пузыревский Р.В.</i> «Предупредительный эффект» уголовного наказания	84
<i>Тепляшин П.В., Федорова Е.А.</i> Криминологические детерминанты, тенденции и прогноз преступности в Сибирском федеральном округе	89

Уголовный процесс, криминалистика, судебная экспертиза, оперативно-разыскная деятельность

<i>Бураков Е.В.</i> Организационные и правовые вопросы раскрытия преступлений по фактам безвестного исчезновения граждан	97
<i>Ермаков С.В.</i> Критерии провокации в оперативно-разыскной деятельности	101
<i>Лобачева Г.К.</i> Инновационные технические средства – возможности использования для криминалистических исследований	108
<i>Охлутина А.Н.</i> Проблема однозначности выделения признаков подписей и ее влияние на процесс автоматизации экспертных исследований	115
<i>Попова Е.И., Латыпова К.С.</i> Типичные судебные ситуации по уголовным делам о нарушении правил дорожного движения и безопасности транспортных средств, связанных с наездами на пешеходов, и рекомендации государственному обвинителю по их разрешению	121
<i>Черепанова Л.В.</i> Следственные действия, какими им быть?	128

Гражданско-правовые отношения

<i>Гайнов И.Д.</i> Контроль за расходами отдельных должностных лиц: проблемы правоприменения	133
<i>Озманов Н.А.</i> Contra proferentem как способ толкования договора и возможность разрешения вопроса дефектности его условий	138
<i>Радонова А.В.</i> Эволюция законодательного регулирования льгот в Российской Федерации	141
<i>Сулова С.И., Белозерцева В.В.</i> Сделкоспособность несовершеннолетних лиц	145

Имена, события, даты

<i>Давыдов С.И., Дудко Н.А., Неймарк М.А., Петухов Е.Н.</i> Научное наследие профессора Е.Н. Тихонова и его влияние на становление и развитие криминалистической науки (к 80-летию со дня рождения)	149
---	-----

CONTENTS

STATE AND LEGAL REGULATION OF PUBLIC RELATIONS

<i>Gryaznova T.E., Moskalenko G.E.</i> The Doctrine of Solidarity between the Authorities and the People of B.A. Kistyakovsky	7
<i>Loginova T.D.</i> Legislative Innovations in the Sphere of the Right Ensuring of the Individual to Information Security	11
<i>Ovchinnikova O.D., Shaganyan A.M., Friesen P.D.</i> Comparative Analysis of Major Responsibilities of the Countries of Socialist Legal System	17
<i>Repev A.G.</i> Immunity as Legal Advantage: Definition Aspect	23
<i>Fedin I.G.</i> Conscientiousness in the Russian Legal Practice	28

ADMINISTRATIVE LAW AND ADMINISTRATIVE PROCESS

<i>Golovko V.V., Sergeev M.V.</i> Administrative Reform in the System of the Ministry of Internal Affairs: Problems and Prospects	35
<i>Grischakov A.G.</i> Activity of District Police Officers in the Prevention of Administrative Offenses and Disclosure of Crimes Using Video Surveillance Systems	39
<i>Kruger Yu.A., Fedyaev E.A.</i> The Appeal of Resolutions on Cases on Administrative Offenses in Electronic Format	44

CRIMINAL LAW, CRIMINOLOGY, PENAL LAW

<i>Botvin I.V.</i> Regional Features of Operational-Investigative Prevention of Crime	49
<i>Kamenskiy N.A.</i> Revisiting the Object of Criminally-Legal Protection of the Crime under Article 201.1 of the Criminal Code of the Russian Federation	53
<i>Korennaya A.A.</i> Qualification of Crimes Committed with the Use of Cryptocurrency	59
<i>Plaksina T.A.</i> Some Problems of Application of the Rules on Release from Criminal Liability with the Appointment of a Judicial Fine (Criminal Law Aspects)	64
<i>Popova A.S.</i> Some Gaps in the Legislative Regulation of Life and Health Protection of Medical Workers from the Illegal Actions of Patients and Ways of Overcoming them	72
<i>Smirnov A.I., Orlov S.V., Bushlyakova D.V.</i> About Improvement of Techniques for early Detection of Persons who are Involved in Illicit Drug Trafficking and the Organization of Individual Prevention Work with them	78
<i>Sumachev A.V., Shuranova O.A., Puzyrevsky R.V.</i> «Preventive Effect» of Criminal Punishment	84
<i>Teplyashin P.V., Fedorova E.A.</i> Criminological Determinants, Trends and Crime Forecast in the Siberian Federal District	89

CRIMINAL PROCEDURE, CRIMINALISTICS, FORENSICS ENQUIRY, INVESTIGATIVE ACTIVITY

<i>Buryakov E.V.</i> Organizational and Legal Issues Related to Crimes Disclosure by Facts of Unknown Disappearance of Citizens	97
<i>Ermakov S.V.</i> Criteria of Provocation in the Operatively-Investigative Process	101
<i>Lobacheva G.K.</i> Innovative Technology – Usability for Forensic Research	108
<i>Okhlupina A.N.</i> The Problem of Unambiguous Identification of Signatures and its Impact on the Automation of Expert Research	115
<i>Popova E.I., Latypova K.S.</i> Standard Legal Situation in Criminal Cases of the Violation of Traffic and Vehicle Safety Related Pedestrian Accidents and Recommendations on Settlements by Public Prosecutor	121
<i>Cherepanova L.V.</i> Investigative actions, what should they be?	128

CIVIL LEGAL RELATIONS

<i>Gainov I.D.</i> Expenditure Control of Public Officials: Problems of Law Enforcement.....	133
<i>Ozmanov N.A.</i> Contra Proferentem as a Way of Interpreting a Contract and the Possibility of Resolving the Issue of the Defectiveness of its Terms.....	138
<i>Radonova A.V.</i> Evolution of Legislative Regulation of Benefits in the Russian Federation.....	141
<i>Suslova S.I., Belozertseva V.V.</i> Bargaining Capacity of Minors	145

NAMES, EVENTS, DATES

<i>Davidov S.I., Dudko N.A., Neymark M.A., Petukhov E.N.</i> Scientific Heritage E.N. Tikhonov and its Impact on the Formation and Development of Criminalistic Science (to the 80th Anniversary of the Birth)	149
---	-----

Государственно-правовое регулирование общественных отношений

УДК 340.12

Т.Е. Грязнова, доктор юрид. наук, доцент

Омская академия МВД России

E-mail: griaznova-te@yandex.ru;

Г.Е. Москаленко

Омская академия МВД России

E-mail: glmos55@yandex.ru

УЧЕНИЕ О СОЛИДАРНОСТИ ВЛАСТИ И НАРОДА Б.А. КИСТЯКОВСКОГО

Б.А. Кистяковский различает правовую и социально-экономическую формы солидарности власти и народа. Учение о солидарности лежит в основе теории правового и социального государства автора. Критерий разграничения правового и социального государства – осуществление социальной политики, направленной на обеспечение права на достойное человеческое существование.

Ключевые слова: солидарность, либерализм, Б.А. Кистяковский, правовое государство, народное представительство.

T.E. Gryaznova, PhD. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: griaznova-te@yandex.ru;

G.E. Moskalenko

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: glmos55@yandex.ru

THE DOCTRINE OF SOLIDARITY BETWEEN THE AUTHORITIES AND THE PEOPLE OF B.A. KISTYAKOVSKY

B.A. Kistyakovsky distinguishes between legal and socio-economic forms of solidarity between the authorities and the people. The doctrine of solidarity underlies the theory of the legal and social state of the author. The criterion for distinguishing between a legal and a social state is the implementation of a social policy aimed at ensuring the right to a dignified human existence.

Key words: solidarity, liberalism, B.A. Kistyakovsky, the rule of law, popular representation.

Б.А. Кистяковский принадлежит к той замечательной плеяде отечественных либеральных правоведов, которая оказала значительное влияние на формирование и развитие не только российской, но и западноевропейской политико-правовой мысли XX в. Широкий спектр интересов этого ученого, личное знакомство с ведущими умами эпохи – Г. Зиммелем, В. Виндельбантом, Г. Кельзеном, Г. Еллинеком и др., прекрасная осведомленность в новейших подходах к трактовке государственно-правовых явлений, а главное толерантное отношение к многообразию существующих в юриспруденции направлений и школ позволили ему создать оригинальное учение, во многом примирившее абсолютно несовместимые на первый взгляд идеи. Именуя свой подход плюралистическим, Б.А. Кистяковский разрабатывает интегративную теорию права и концепцию солидарности власти и народа; и если первая достаточно хорошо известна, то вторая, к сожалению, оказалась вне поля зрения современного научного сообщества.

Констатируя наличие в истории человечества широкого круга государственных типов и форм, преимущественное внимание Б.А. Кистяковский уделяет государству правовому, в интерпретации которого определяющую роль играет понятие солидарности.

Появление межличностной солидарности Б.А. Кистяковский, как и М.М. Ковалевский, рассматривает в качестве главной причины возникновения общества и государства. «Государство само по себе есть пространственно самая обширная и внутренне наиболее всеобъемлющая форма вполне организованной солидарности между людьми» [10, с. 323], – пишет автор.

В отличие от исторически предшествующих форм, в частности государства абсолютно-монархического, правовое государство, по мнению ученого, представляет собой «правовую организацию народа, обладающую во всей полноте своей собственной, самостоятельной и первичной, то есть ни от кого не заимствованной властью» [10, с. 242].

Признавая относительную автономность институтов государства и права, свойственную начальным этапам политической организации общества, Б.А. Кистяковский подчеркивает определяющую роль права в процессе совершенствования государственных форм. «Доставляя государству опору, право вместе с тем постепенно обязывает его самого следовать правовым предписаниям и нерушимо их соблюдать. Идя этим путем, право с течением времени все больше и больше расширяет свое господство над государством. В конечном результате этого процесса право перестраивает государство и превращает его в правовое явление или в создание права» [5, с. 250-251], – поясняет автор.

Разделяя взгляды большинства российских либеральных юристов на правовое государство как феномен Нового времени, Б.А. Кистяковский абстрагируется от активно дискутируемой его современниками, в частности А.Д. Градовским, В.М. Гессеным, Н.И. Лазаревским, Н.И. Палиенко, С.А. Котляревским, проблемы соотношения государства правового и конституционного [4, с. 293; 2, с. 28, 58; 1, с. 30, 66, 67, 439; 12, с. 5-12; 14, с. 147, 148, 153, 155-156; 15, с. 342; 11, с. 118-119, 234-248, 275, 285-288, 326-329]. Правовое государство трактуется автором в русле подходов таких европейских теоретиков, как Р. Моль, В. Гумбольдт и Ф. Шталь, в качестве пришедшего на смену полицейскому государству государства конституционного, обеспечивающего наличие правопорядка, направленного на охрану и реализацию личных, имущественных и политических прав граждан.

Предложенный Б.А. Кистяковским взгляд на признаки правового государства в той или иной мере разделяют такие корифеи российской юриспруденции, как Н.М. Коркунов, Ф.Ф. Кокошкин, Н.И. Лазаревский и С.А. Котляревский: это – связанность и ограниченность государства правом, наличие представительной формы правления, разделение властей, наличие прав и свобод граждан, их равенство перед законом и судом, всеобщее избирательное право, развитие местного самоуправления.

Особое внимание Б.А. Кистяковский уделяет такому признаку государства, как власть, которая, с точки зрения автора, ни в коем случае не должна ассоциироваться с принуждением, но обязана иметь нравственную основу и оправдание в глазах народа. Это накладывает на нее определенные ограничения, закрепленные в нормах права. Поэтому «в конституционном государстве власть перестает быть фактическим господством людей и становится господством правовых норм» [10, с. 281], – пишет автор. Таким образом, в правовом государстве есть только одна государственная власть – власть права. Власть отдельных индивидов и государственных органов носит неперсонифицированный характер и является подзаконной.

Особого внимания в теории Б.А. Кистяковского заслуживает чрезвычайно актуальная и для сегодняшнего дня идея солидарности власти и народа. Мыслитель различает две формы солидарности власти и народа: правовую и социально-экономическую.

Под правовой солидарностью ученый понимает формальное равенство людей, при котором каждый гражданин наделяется неотъемлемыми правами, создающими равную для всех сферу свободы и предоставляющими возможность участия в формировании органов народного представительства [8, с. 380]. Воплощение правовой солидарности возможно при условии признания и утверждения властью неотъ-

емлемых, неприкосновенных и неотчуждаемых прав личности [6, с. 2]. К числу таких прав мыслитель относит: неприкосновенность личности и жилища; свободу слова, совести и передвижения; тайну переписки; право создания союзов, организаций и участия в них; презумпцию невиновности; право на защиту и др. [7, с. 81]. В результате утверждения данных прав человек становится основной ценностью государства и в то же время опорой существующей власти; тем самым реализуется идея солидарности индивидов, общества и государства.

Социально-экономическая солидарность власти и народа предполагает, по Б.А. Кистяковскому, наличие материальной состоятельности и социальной устроенности граждан, необходимых для полноценной реализации их прав и свобод. Автор однозначно утверждает, что «наряду с гражданскими и политическими правами должны быть поставлены права социальные, наряду со свободой от вмешательства государства в известную сферу личной и общественной жизни и с правом на участие в организации и направлении государственной деятельности должно быть поставлено право каждого гражданина требовать от государства обеспечения ему нормальных условий экономического и духовного существования» [9, с. 490; 7, с. 13].

Общеизвестно, что «право на достойное человеческое существование» в России впервые было упомянуто В. Соловьевым, обосновавшим его с нравственной и религиозной точек зрения. П.И. Новгородцев, развивая мысль В. Соловьева, указывает на юридическую составляющую проблемы. «Высказать в самом законе принцип поддержки всех слабых и незащищенных – это значит возвысить в них чувство собственного достоинства, укрепить сознание, что за них стоит сам закон» [13, с. 8], – пишет автор.

Согласно взглядам А.Д. Градовского, современное государство должно регулировать экономические отношения в той мере, в какой это позволит должным образом осуществлять его социальную функцию. Пример позитивного опыта подобной деятельности демонстрирует Англия, в которой парламент уделяет большое внимание социальному законодательству. Социальный вопрос «в смысле... совокупности нужд, желаний, надежд, страстей и даже мечтаний определенных классов существует, и от способов постепенного решения его зависит... дальнейшее развитие государственных форм, усвоенных западной Европой» [3, с. 28-29], – отмечает исследователь.

С точки зрения Н.И. Палиенко, современное государство должно не только формально определяться в своей организации и деятельности правом, но и выражать нормы социальной справедливости. В связи с этим автор считает неотъемлемой частью государ-

ственной политики реализацию широкой социальной программы, направленной на культурное развитие и улучшение экономического положения народа. «Основной задачей права... является осуществление требований общественной солидарности и идеалов общественной справедливости. Поэтому справедливое уравнивание и обеспечение условий свободного существования и развития всех граждан государства и, следовательно, особенное внимание к насущным интересам обездоленных классов населения – вот первая неотложная задача правовой политики современного государства» [14, с. 162], – утверждает он.

Таким образом, правовое государство интерпретируется отечественными учеными как институт, обеспечивающий юридический порядок в целях не только охраны, но и реализации личных и имущественных прав граждан, создания условий для осуществления разумных человеческих потребностей.

Будучи убежденным, что солидарность власти и народа является высшей целью правового государства [6, с. 4], Б.А. Кистяковский вынужден признать, что цель эта достижима лишь отчасти: правовая солидарность, являющаяся основой конституционного государства, не может быть подкреплена солидарностью социально-экономической. Достижение последней автор связывает с образованием государства принципиально нового типа – государства социалистического. Очевидно, что данный вывод был во многом обусловлен тем влиянием, которое оказал на мировоззрение ученого весьма популярный в конце XIX в. марксизм. Общеизвестно, что в юности Б.А. Кистяковский был сильно увлечен этой доктриной; идея о тесной взаимосвязи экономики и государственно-правовых институтов, о предопределенности «настройки» «базисом» была положена им в основу учения о социально-экономической солидарности власти и народа.

Поскольку, как отмечает автор, правовая и юридическая природа социалистического государства исследована явно недостаточно, что в немалой степени обусловлено отсутствием исторического опыта существования подобных форм, единственным фундаментальным отличием социалистического государства от существующих правовых моделей может служить лишь соответствующий уровень развития экономики, позволяющий проводить широкое социальное законодательство, которое даст возможность каждому гражданину в полной мере реализовать свое право на достойное существование.

Указанный Б.А. Кистяковским критерий разграничения правового и социалистического государства приводит к мысли о весьма отдаленном сходстве предлагаемой автором модели с классическими моделями социализма. На наш взгляд, более уместно говорить о приверженности ученого тео-

рии правового социального государства, активно разрабатываемой российской юридической наукой на рубеже веков. Только в правовом социальном государстве в полной мере найдет воплощение принцип как правовой, так и социально-экономической солидарности.

В целом можно сказать, что под солидарностью Б.А. Кистяковский понимает основанное на свободе единство интересов, созданное путем социального компромисса и нацеленное на утверждение личности как высшей ценности путем законодательного закрепления и реализации ее неотъемлемых прав.

Литература

1. Гессен В.М. Основы конституционного права. Петроград, 1917.
2. Гессен В.М. Теория правового государства. СПб., 1913.
3. Градовский А.Д. Государственное право важнейших европейских держав // Собр. соч. А.Д. Градовского: в 5 т. СПб., 1900.
4. Градовский А.Д. Государственное право: лекции, читанные в 1881-1882 академическом году. СПб., 1882.
5. Кистяковский Б.А. Государство и личность // Русская философия собственности XVII-XX. СПб., 1993.
6. Кистяковский Б.А. Государственное право (общее и русское). Лекции Б.А. Кистяковского, читанные в Московском коммерческом институте в 1908/1909 академическом году // Кистяковский Б.А. Философия и социология права. СПб., 1999.
7. Кистяковский Б.А. Права человека и гражданина // Вопросы жизни. 1905. № 1.
8. Кистяковский Б.А. Путь к господству права. М., 1915.
9. Кистяковский Б.А. Социальные науки и право: очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916.
10. Кистяковский Б.А. Философия и социология права. СПб., 1999.
11. Котляревский С.А. Власть и право. Проблема правового государства. СПб., 1915.
12. Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1908.
13. Новгородцев П.И. О праве на существование // Свободное знание. 1905.
14. Палиенко Н.И. Правовое государство и конституционализм // Вестник права. 1906.
15. Палиенко Н.И. Учение о существе права и правовой связанности государства. Харьков, 1908.

УДК 342.7

Т.Д. Логинова

адъюнкт Барнаульского юридического института МВД России

E-mail: log0707@mail.ru

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ НОВЕЛЛЫ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА ЛИЧНОСТИ НА ИНФОРМАЦИОННУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ

В статье анализируются изменения, произошедшие в законодательстве Российской Федерации в сфере обеспечения права личности на информационную безопасность. В качестве фундаментального документа в сфере обеспечения информационной безопасности рассмотрена Доктрина информационной безопасности Российской Федерации: выделены основные направления обеспечения права личности на информационную безопасность, акцентировано внимание на закреплённом в ней принципе соблюдения баланса между свободой информационного обмена и безопасностью. Автором делается вывод о том, что данный принцип находит свое отражение и в иных нормативных правовых актах в сфере обеспечения права личности на информационную безопасность. При этом принимаемые в законодательстве поправки, направленные на ограничение свободы информационного обмена, не противоречат реализации гражданских прав личности, а, напротив, выступают в качестве эффективной меры противодействия информационным угрозам.

Ключевые слова: информационное общество, информационные и коммуникационные технологии, интересы личности в информационной сфере, право личности на информационную безопасность, информатизация, Доктрина информационной безопасности, свобода информационного обмена.

T.D. Loginova

postgraduate student of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: log0707@mail.ru

LEGISLATIVE INNOVATIONS IN THE SPHERE OF THE RIGHT ENSURING OF THE INDIVIDUAL TO INFORMATION SECURITY

The article analyses the changes in the legislation of the Russian Federation in the sphere of the right ensuring of the individual to information security. The author considers the Doctrine of informational security of the Russian Federation as a fundamental instrument in the field of information security; the basic directions of the right ensuring of the individual to information security are highlighted. Special attention is paid to the principle enshrined therein a balance between freedom of information exchange and security. The author concludes that this principle is also reflected in other normative legal acts in the sphere of the right ensuring of the individual to information security. While the measures taken by the restrictions on the freedom of exchange of information is not contrary to the realization of civil rights of the individual, but rather, serve as effective measures against information threats.

Key words: information society, information and communication technologies, the interests of the individual in the information sphere, the individual's right to information security, informatization, Doctrine of information security, freedom information exchange.

Формирование в современном обществе новых правоотношений в связи с развитием электронного правительства, механизма электронного правосудия, цифровой экономики, системы интернет-банкинга, в связи с созданием электронных баз данных, активным включением в повседневную жизнь информационных и коммуникационных технологий требует соответствующих изменений в области правового регулирования. В условиях глобализации и стремительного научно-технического прогресса информационные технологии представляют собой неотъемлемую часть жизнедеятельности современного общества. Интенсивное развитие информационно-коммуникационных технологий играет существенную роль в развитии государств, экономики, государственного управления, что отражается в растущем спросе на них [1, с. 8]. Нельзя не согласиться с мнением А.А. Чеботаревой, которая справедливо отмечает, что «новая парадигма глобализации информационного общества, характеризующаяся по сравнению с предыдущими интенсивностью использования глобальных сетей, трансграничностью, что вызывает многочисленные деструктивные явления, информационные риски и угрозы, обнаруживает наличие корреляционной зависимости между ними и прогрессирующими проблемами безопасности и перераспределяет акценты с правового обеспечения информационной безопасности в направлении сбалансированной политики правового обеспечения институционально – личности, общества и государства» [17, с. 39]. В российской концепции Конвенции ООН «Об обеспечении международной информационной безопасности», разработанной Советом Безопасности России, Министерством иностранных дел России и Институтом проблем информационной безопасности Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, информационная безопасность определяется как «состояние защищенности интересов личности, общества и государства от угроз деструктивных и иных негативных воздействий в информационном пространстве» [2, с. 15]. Безусловно, провести четкую грань между интересами личности, общества и государства в сфере информационной безопасности невозможно, т.к. данные интересы взаимосвязаны и взаимозависимы друг от друга. Вместе с тем в данном исследовании мы предпримем попытку рассмотреть именно те законодательные новеллы, которые непосредственно направлены на обеспечение права личности на информационную безопасность как одно из важнейших направлений обеспечения безопасности.

Информационные и коммуникационные технологии предоставляют личности широкие возможности, позволяющие реализовать свои права, значительно экономя материальные и физические ресурсы, актив-

но участвовать в жизни общества и государства, совершенствовать способы и условия коммуникации, кроме того, информационное общество создает все необходимые предпосылки для саморазвития и самореализации личности. Динамично развивающиеся процессы информатизации, происходящие в XXI в., оказывают непосредственное влияние на все сферы общественной жизни, формируют новые правоотношения, что требует ответной реакции со стороны законодателя на происходящие изменения. Указанным вопросам в Российской Федерации уделяется в последнее время значительное внимание: вносятся изменения в действующие либо принимаются новые нормативные правовые акты. В данном исследовании рассмотрим, какие изменения произошли в сфере обеспечения права личности на информационную безопасность в течение последних лет.

Прежде всего стоит остановиться на основополагающем документе в сфере обеспечения информационной безопасности – Доктрине информационной безопасности Российской Федерации (далее – Доктрина) [10]. Принятие новой редакции Доктрины в декабре 2016 г. явилось закономерным следствием развития и усовершенствования общественных отношений в сфере обеспечения информационной безопасности, становления информационного общества, расширения возможностей использования информационных технологий в различных целях, в т.ч. и противоправных, увеличения числа кибератак как на рядовых граждан, так и на государственные и промышленные объекты.

Представляется важным, что в новой Доктрине национальные интересы Российской Федерации в информационной сфере раскрываются через необходимость обеспечения и защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина, регулирующих круг информационных правоотношений. Кроме того, в ней акцентируется внимание на вопросах защиты частной жизни граждан при обработке персональных данных. В целом приоритетность обеспечения и защиты прав и свобод человека от информационных угроз прослеживается по всему тексту Доктрины, а также данное направление обозначено первым в списке национальных интересов Российской Федерации. В число основных угроз национальной безопасности вошли увеличение числа преступлений, связанных с нарушением конституционных прав и свобод человека и гражданина, в т.ч. в части, касающейся неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны, при обработке персональных данных с использованием информационных технологий. Таким образом, Доктрина обозначила основы обеспечения права личности на информационную безопасность, требующие дальнейшего законодательного развития.

Особый интерес, на наш взгляд, представляет закрепленный в Доктрине принцип деятельности органов государственной власти, который звучит как «соблюдение баланса между потребностью граждан в свободном обмене информацией и ограничениями, связанными с необходимостью обеспечения национальной безопасности, в т.ч. в информационной сфере», в то время как предыдущая Доктрина базировалась на принципе свободного информационного обмена. В этой связи актуальным представляется вопрос, являются ли обоснованными ограничения свободного информационного обмена в новой Доктрине? Рассуждая на поставленный вопрос, представляется убедительной позиция А.В. Туликова, который отмечает, что «неограниченный приоритет как информационной безопасности, так и информационной свободы вступает в противоречие с правовыми ценностями и принципами правового государства и автономией личности. Несмотря на то, что между ними существует конфликт, они взаимосвязаны – свобода может быть выражена через безопасность, которая определяет ее пределы. Каждая из этих правовых ценностей выступает опорой для другой и выражается через нее. Это означает, что в системе правовых ценностей они находятся на одном уровне и соотношение между ними является равновесным» [16, с. 74]. Объясняется это, на наш взгляд, тем, что абсолютная, безграничная свобода не может гарантировать безопасность, а государство с тотальным контролем и ограничениями нельзя назвать свободным. Между свободой и безопасностью необходимо поддерживать баланс, предполагающий разумные правовые ограничения с целью обеспечения информационной безопасности в целом и права личности на информационную безопасность в частности. Закрепление данного принципа в новой Доктрине является адекватным ответом на вызовы современного информационного общества, где все чаще и чаще информационные технологии используются в противоправной деятельности. А реализация указанного принципа представляется одним из эффективных способов обеспечения права личности на информационную безопасность.

Анализ последних нововведений в сфере обеспечения права личности на информационную безопасность позволяет обнаружить тенденцию к использованию указанного в Доктрине принципа в иных нормативных правовых актах и активную реакцию на него со стороны общественности и средств массовой информации.

Широкое обсуждение в обществе получил так называемый в средствах массовой информации «Пакет Яровой», под которым понимаются изменения, внесенные в ряд федеральных законов, имеющие антитеррористическую и антиэкстремистскую на-

правленность, а также нацеленные на борьбу с противоправным контентом. Особого интереса в контексте проводимого исследования заслуживают нормы, направленные на противодействие распространению противоправного контента. Так, с 1 июля 2018 г. на оператора связи возлагается обязанность по хранению сообщений электросвязи в нулевом объеме, а с 1 октября 2018 г. – по хранению в полном объеме сообщений электросвязи в течение 30 суток. При этом по требованию уполномоченных государственных органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации, в установленных законодательством случаях операторы связи обязаны предоставить вышеуказанные данные [12].

Данные поправки вызвали множество споров в обществе, которые были аргументированы тем, что указанные изменения нарушают неприкосновенность частной жизни, могут стать причиной утечки конфиденциальной информации и требуют значительных материальных затрат от организаторов распространения информации, что, в свою очередь, отразится и на пользователях. Подобные мнения высказывались и в научной литературе. Так, А.В. Шигуров в своей работе дает критический анализ новых положений и отмечает, что внесение рассматриваемых изменений было ошибочным шагом законодателя, ограничивающим конституционные права человека несоразмерно тем целям, которые он декларирует, и ожидаемым положительным последствиям [18, с. 38]. Е.В. Злотникова отмечает, что «совершенствование антитеррористических мер приводит к систематическому ограничению демократических прав и свобод граждан, за которые они боролись на протяжении длительного периода истории» [4].

Мы, в свою очередь, полагаем, что рассмотренные поправки не нарушают права и свободы человека и гражданина ввиду того, что вышеуказанные данные могут быть запрошены уполномоченными органами в предусмотренных законом случаях, в связи с нарушением гражданином закона. При иных обстоятельствах переписка граждан либо аудио-, видео- или иные сообщения никаким образом обнаружены быть не могут. Как и прежде, операторы сети будут обязаны шифровать данные, а уполномоченные органы смогут получить ключи шифрования только по судебному запросу. При этом Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъясняет, что факты доступа к вышеуказанным данным без судебного разрешения либо без согласия лица, которому эти данные принадлежат, будут являться нарушением тайны переписки и телефонных переговоров [13].

Вместе с тем считаем, что принятые «Пакетом Яровой» поправки в законодательство имеют позитивное значение в том случае, когда появится не-

обходимость доступа к личной переписке в целях предъявления ее в качестве доказательства в суде при необходимости защиты права личности на информационную безопасность. Это может быть актуально, например, при противодействии кибербуллингу, который получает все большее распространение на территории Российской Федерации.

Кибербуллинг представляет собой травлю, оскорбления или угрозы, высказываемые по отношению к жертве, как правило, ребенку или подростку, с помощью средств электронной коммуникации, в частности сообщений в социальных сетях, мгновенных сообщений, электронных писем и текстовых сообщений. Выступая на международном форуме по кибербезопасности, глава Российского регионального общественного центра интернет-технологий Сергей Гребенников отметил, что «в 2017 году выявили следующий тренд: почти половина подростков в интернете сталкивается с кибербуллингом, то есть, если говорить по-русски, это унижения. Это иногда приводит к очень плачевным последствиям – подростки заканчивают жизнь самоубийством» [14]. Вместе с тем, если в Российской Федерации законодатель только сравнительно недавно обратил внимание на данную проблему, то в зарубежных странах уже выработан ряд мер, направленных на борьбу с данным явлением. Так, в Южной Корее с 2007 г. действует закон, направленный на борьбу против травли в Интернете. В 2011 г. в Соединенных Штатах Америки (в Белом доме) состоялась встреча на высшем уровне, посвященная вопросам интернет-травли. На данной встрече представителями Facebook было принято решение о создании отдела медиации по спорам. Закон, предусматривающий уголовную ответственность за кибербуллинг, с 2015 г. действует в Новой Зеландии. Министерство образования Франции при поддержке Facebook приняло решение о том, что преследователи в Интернете должны быть идентифицированы и при определенных обстоятельствах освобождены от занятий или исключены из школ. При этом на учителей школ возлагается обязанность по учету контента блогов обучающихся.

Как уже отмечалось выше, в Российской Федерации противодействие вопросам кибербуллинга только набирает свои обороты. Так, Федеральная нотариальная палата признала за нотариусами право заверять скриншоты переписок, подтверждающих факт травли, издевательств и оскорблений. Заверенный документ может стать основой для запуска судебного процесса. Также принимаются меры, направленные на повышение информационной безопасности детей: принята соответствующая Концепция [9], направленная на повышение уровня медиаграмотности среди детей, пресечение доступа к запрещенной к обороту информации, в т.ч. блокировку сайтов, содержащих подобную информацию.

В целях защиты детей от вредной информации в декабре 2018 г. также внесены поправки в федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Так, к списку запрещенной для распространения информации добавлена информация, направленная на склонение или иное вовлечение несовершеннолетних в совершение противоправных действий, представляющих угрозу для их жизни и (или) здоровья либо для жизни и (или) здоровья иных лиц. Согласно новым изменениям, на владельца сайта в сети Интернет возлагается обязанность по незамедлительному удалению (с момента получения уведомления от провайдера) интернет-страницы, содержащей информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено [7].

Для этой же цели, а также для пресечения доступа к противоправной информации приняты меры, направленные на пресечение функционирования инструментов обхода блокировок и достижения анонимности в интернете (закон об анонимайзерах) [8]. Данный закон устанавливает запрет на использование информационно-телекоммуникационных сетей и информационных ресурсов, которые обеспечивают доступ к запрещенным на территории Российской Федерации источникам информации, а также на анонимный выход в сеть Интернет.

Кроме «Пакета Яровой», в сфере обеспечения права личности на информационную безопасность общественный резонанс вызвало также постановление Правительства Российской Федерации, направленное на урегулирование работы мессенджеров [11]. Согласно данному постановлению, на организатора обмена мгновенными сообщениями (мессенджера) возлагается обязанность по идентификации пользователей по номеру телефона. Иными словами, пользоваться мессенджером сможет только тот абонент, на которого оформлена сим-карта. Мобильные операторы на основании запроса от мессенджера будут обязаны предоставлять информацию об абоненте. Если в течение 20 минут с момента получения запроса оператор не предоставит данную информацию о пользователе либо уведомит о том, что в базе данных о нем отсутствует информация, доступ пользователя к мессенджеру будет прекращен и впоследствии заблокирован. Вместе с тем стоит отметить, что Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций выработаны строгие требования по отношению к операторам персональных данных, занимающихся их сбором и обработкой, за нарушение которых предусмотрена административная ответственность в виде штрафа. Представляется, что рассмотренные меры по идентификации пользователей мессенджеров станут основой для создания безопасной коммуникационной среды, обеспечивающей воз-

возможности личности по реализации права свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом.

Немаловажное значение в вопросах обеспечения информационной безопасности сыграла частичная декриминализация статьи 282 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) «Возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства», которая предусматривала ответственность за так называемые «дела о лайках и репостах». С 8 января 2019 г. в данную статью внесены поправки, согласно которым действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека или группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а также принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично, в т.ч. с использованием средств массовой информации или через интернет, будут признаваться уголовно наказуемыми в случае, если они совершены лицом после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года. Как подчеркивается в пояснительной записке, это делается «в целях исключения случаев привлечения к уголовной ответственности за деяния, совершенные однократно и не представляющие серьезной угрозы для основ конституционного строя и безопасности государства» [15]. За последние несколько лет в России появились десятки осужденных за «экстремизм в социальных сетях». Особая напряженность вокруг данных дел достигла своего накала летом 2018 г., когда было возбуждено сразу несколько громких уголовных дел, получивших общественную огласку, в отношении жителей Алтайского края, поводом к которым стали сохраненные публикации в социальной сети «ВКонтакте». Широкое обсуждение данных дел послужило отправной точкой для решения вопроса о смягчении законодательства в данной сфере, в частности частичной декриминализации статьи 282 УК РФ.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации также не остался в стороне при обсуждении «дел о лайках и репостах». 20 сентября 2018 г. было принято постановление, содержащее рекомендации для судей при рассмотрении подобных дел. В постановлении говорится о том, что «гарантированные Конституцией и международно-правовыми актами свобода мысли и слова <...> могут быть ограничены только в исключительных случаях». Пленум призывает судей при рассмотрении дел об «экстремизме в социальных сетях» изучать данные о личности обвиняемого на предмет приверженности радикальной идеологии, участия в экстремистских объединениях, привлечения ранее к административной или уголовной ответ-

ственности. При этом необходимо также учитывать факт личного создания либо заимствования лицом соответствующих аудио-, видеофайлов, текста или изображения, содержание всей страницы данного лица, сведения о деятельности такого лица до и после размещения информации, в т.ч. о совершении действий, направленных на увеличение количества просмотров и пользовательской аудитории [6]. Такое внимание со стороны государственных органов к данной проблеме обусловлено необходимостью преодоления формализма и установления законодательных пределов ограничения свободы слова при привлечении к ответственности по делам об экстремизме. Свобода мысли и слова, свобода выражения мнений и убеждений являются важным аспектом обеспечения права личности на информационную безопасность. При этом, как уже отмечалось выше, указанные свободы не могут быть неограниченными и неприкосновенными, в отношении них должны действовать определенные ограничения, с одной стороны, защищающие личность от намеренного злоупотребления такой свободой и, с другой стороны, препятствующие государству применять карательные меры за высказывания, противоречащие официальной точке зрения.

Подводя итог вышеизложенному, стоит согласиться с выводами А.К. Жаровой о том, что «в XXI веке информация выступает в качестве нового класса социальных ресурсов, существующих, с одной стороны, независимо от человека, но, с другой стороны, формирующихся самим человеком на протяжении истории развития общества. Обладание данным ресурсом, его защита и безопасность рассматриваются как необходимая составляющая государственного суверенитета» [3, с. 3]. При этом право на свободу информационного обмена должно признаваться и гарантироваться государством. Однако абсолютная свобода влечет за собой определенные, вполне обоснованные риски и угрозы праву личности на информационную безопасность, а также всей государственной безопасности в целом. Поэтому закрепленный в Доктрине информационной безопасности принцип «соблюдение баланса между потребностью граждан в свободном обмене информацией и ограничениями, связанными с необходимостью обеспечения национальной безопасности, в том числе в информационной сфере» является вполне обоснованным и основан на части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации, которая определяет, что «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, обеспечения обороны страны и безопасности государства» [5].

Литература

1. Галиев Р.С., Новикова В.С. Международно-правовые основы информационной безопасности в сети Интернет // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2014. № 2 (27). С. 8-10.
2. Галиев Р.С., Алимов А.А., Зверев П.Г. Роль МВД России в обеспечении международной и национальной безопасности государства: монография. Барнаул: БЮИ МВД России, 2018.
3. Жарова А.К. Право и информационные конфликты в информационно-телекоммуникационной сфере. М.: Янус-К, 2016. 246 с.
4. Злотникова Е.В. Ограничение демократических прав и свобод государства в период повышенной террористической угрозы: прихоть правительства или необходимость? // Государственное регулирование общественных отношений: электронный научный журнал. 2016. № 3 (17). URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_27264540_63807961.pdf.
5. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
6. О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.09.2018 № 32. URL: <http://www.vsrfl.ru>.
7. О внесении изменений в статью 15.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статью 5 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»: федеральный закон от 18.12.2018 № 472-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: федеральный закон от 29.07.2017 № 276-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2017. № 31 (Часть I). Ст. 4825.
9. О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138¹, 139, 144¹, 145, 145¹ Уголовного кодекса Российской Федерации): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.09.2018 № 32. URL: <http://www.vsrfl.ru/>.
10. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.
11. Об утверждении Концепции информационной безопасности детей: распоряжение Правительства РФ от 02.12.2015 № 2471-р // Собрание законодательства РФ. 2015. № 49. Ст. 7055.
12. Об утверждении правил идентификации пользователей информационно-телекоммуникационной сети Интернет организатором сервиса обмена мгновенными сообщениями: постановление Правительства РФ от 27.10.2018 № 1279. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Об утверждении Правил хранения операторами связи текстовых сообщений пользователей услугами связи, голосовой информации, изображений, звуков, видео- и иных сообщений пользователей услугами связи: постановление Правительства РФ от 12.04.2018 № 445 // Собрание законодательства РФ. 2018. № 17. Ст. 2489.
14. Официальный сайт Международного форума по кибербезопасности. URL: <https://runet-id.com/event/csf18>.
15. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/558345-7>.
16. Туликов А.В. Информационная безопасность и права человека в условиях постиндустриального развития (теоретико-правовой анализ): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 180 с.
17. Чеботарева А.А. Информационная безопасность личности в глобальном информационном обществе: теоретико-правовые аспекты // Российская юстиция. 2016. № 8. С. 39-42.
18. Шигуров А.В. Нарушение конституционных прав граждан России «Антитеррористическим пакетом» И. Яровой // Мир науки и образования. 2016. № 4 (8). С. 32-38.

УДК 342.7

О.Д. Овчинникова, канд. юрид. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: olesya901@mail.ru;

А.М. Шаганиян, канд. юрид. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: sha-anneta@mail.ru;

П.Д. Фризен, канд. юрид. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ СТРАН СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

В статье рассматриваются особенности юридических обязанностей как меры должного поведения в странах социалистического лагеря. Подробно анализируются обязанности, закрепленные в конституциях существующих народно-демократических республик. Проводится их сравнение между собой, а также с обязанностями, закрепленными в основных законах других государств. Изложение материала сопровождается иллюстрацией примеров из зарубежного законодательства.

Ключевые слова: юридическая обязанность, обязанность, социалистический лагерь, Вьетнам, Китай, Корея, Куба.

O.D. Ovchinnikova, PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: olesya901@mail.ru;

A.M. Shaganyan, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: sha-anneta@mail.ru;

P.D. Friesen, PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

COMPARATIVE ANALYSIS OF MAJOR RESPONSIBILITIES OF THE COUNTRIES OF SOCIALIST LEGAL SYSTEM

The article considers the features of legal obligations as measures of proper behavior in the countries of socialist legal system. The duties enshrined in the constitutions of the existing people's democratic republics are analyzed in detail. They are compared with each other, as well as with the obligations enshrined in the basic laws of other states. The presentation of the material is accompanied by an illustration of examples from foreign legislation.

Key words: legal duty, duty, socialist camp, Vietnam, China, Korea, Cuba.

Апогей роста количества социалистических государств, возникших как результат освободительной борьбы рабочего класса, в процессе которой свержается господство буржуазии и утверждается диктатура пролетариата, выпал на 40-50 гг. прошлого века. К числу таких стран относились Албания, Югославия, Чехословакия, Болгария, Вьетнам, Венгрия, Румыния, часть Германии, Польша, Китай, Монголия, Лаос, Северная Корея и Куба. Драматический распад Советского Союза оказал серьезное влияние на остальные социалистические страны, вследствие чего на сегодняшний день их список значительно сократился и представлен следующими социалистическими государствами: Северная Корея, Куба, Вьетнам, Китай и Лаос.

Одной из особенностей этих государств выступает господство марксистско-ленинской идеологии, заключающейся в превалировании общественных интересов над личными.

Сама категория «юридические обязанности» неоднократно рассматривалась различными учеными, однако единого мнения по ее содержанию не достигнуто. Большинство правоведов сходятся во мнении, что юридическая обязанность есть «мера должного поведения» [13, с. 503].

Ранее обсуждались различные мнения авторов по данному вопросу, и предлагалось понимание юридической обязанности как формально определенное предписание, выражающее личные, общественные и (или) государственные интересы и представляющее собой меру должного поведения, выраженную в категоричной форме, т.е. не предполагающую иных вариантов поведения для ее адресатов, обеспеченную возможностью применения мер психического, физического или организационного воздействия уполномоченных на то органов государства, должностных лиц на сознание и поведение субъектов [12].

Юридическая обязанность имеет собственное содержание, т.е. по аналогии с противопоставлением сути субъективного права представляет собой следующие четыре составляющие (требования): требование не препятствовать контрагенту пользоваться своим благом; требование не совершить определенные активные действия или воздержаться от их совершения; требование для обязанного лица отреагировать на законные притязания управомоченного лица; требование нести ответственность за неисполнение таких притязаний.

В литературе имеется точка зрения, согласно которой существует юридическая обязанность без корреспондирующего ей субъективного права [1, с. 63], в реальности же это сложно представить. Поскольку пропадает сама ценность императива юридической обязанности при отсутствии законных притязаний контрагента. При таком условии может возникнуть

искушение такой обязанностью пренебречь, а значит создать благоприятные условия (почву) для дестабилизации законности и правопорядка.

Следует отметить, что и юридические обязанности, закрепленные в высших законах стран социалистического лагеря, имеют ряд специфических черт. К ним, как правило, относятся закрепление в нормах актов высшей юридической силы; императивность, которую следует понимать как то, что данные обязанности невозможно проигнорировать или юридически оспорить; их содержание может быть нестандартным по отношению к сути аналогичных обязанностей в не социалистических державах; некоторые демократические завоевания, признанные как права и свободы, в конституциях социалистических государств трансформированы в обязанности. Кроме того, некоторые основные обязанности направлены на удовлетворение не только государственных, но и общественных интересов. Так, труд в социалистическом обществе является как правом, так и обязанностью, а иногда и делом чести каждого гражданина. Причем «добровольный безвозмездный труд, выполняемый на благо всего общества в области промышленности, сельского хозяйства, техники, искусства и в сфере услуг, признается как средство формирования коммунистического сознания нашего народа. Долг каждого работника безукоризненно выполнять задачи, соответствующие его должности» (ст. 45 Конституции Кубы) [2].

Безусловно, число основных обязанностей в конституциях государств с различными их формами оказывается количественно нестандартным по отношению к их основным правам и свободам. Существует несколько разновидностей закрепления в главных национальных законах государств прав, свобод и обязанностей. Так, например, первая Конституция США 1778 г. [3] провозгласила только права и свободы граждан. Действующая Конституция Республики Албании 1998 г. не содержит в себе обязанностей граждан, а лишь упоминает о них в ч. 1 ст. 16: «Основные права и свободы, равно как и обязанности, предусмотренные в Конституции для албанских граждан, распространяются одинаково» [4] на всех физических и юридических лиц, находящихся на территории Республики Албания. Аналогичное положение закреплено и в Конституции Монголии [5]. В ряде случаев права, свободы и обязанности содержатся в одной главе (Конституция Социалистической Республики Вьетнам 1992 г. [6], Конституция Кубы 1976 г. [2]). Интересно структурированы конституции ФРГ от 23 мая 1949 г. с изменениями и дополнениями на 20 октября 1997 г. и Греции от 11 июня 1975 г., в которых, несмотря на то, что отдельные разделы именуются как «Основные права» и «Личные и социальные права», т.е. не содержат в себе упоминания

нение о должном поведении, все же в тексте данных разделов имеются нормы права, содержащие обязанности граждан.

Бесспорно, что объем прав, свобод и обязанностей (в т.ч. реальный, а не провозглашенный) в различных государствах чаще всего зависит от формы государства, в т.ч. существующего политического режима, основ конституционного строя и роли главы государства.

Одним из ярких примеров социалистического государства является Китайская Народная Республика (далее – Китай), Конституция которой принята на 5-й сессии Всекитайского собрания народных представителей V созыва 4 декабря 1982 г. с изменениями и дополнениями от 1999 г. [7]. В главе II «Основные права и обязанности» Конституции Китая получили закрепление не только вполне привычные для всех демократических государств обязанности по уплате налогов (ст. 56), прохождению военной службы (ст. 55), соблюдению Конституции и законов (ст. 53), но и нетривиальные обязанности граждан, например: обязанность супругов по планированию семьи (ст. 49), уважение норм общественной морали, соблюдение трудовой дисциплины и общественного порядка (ст. 53), защита единства государства и сплоченности всех национальностей страны (ст. 52), защита безопасности, чести и интересов Родины (ст. 54).

Интересную формулировку получила ст. 53, устанавливающая необходимость исключительно граждан выполнять обязанности, предусмотренные Конституцией и законами. Следовательно, можно констатировать, что объем юридических обязанностей у различных субъектов права разнится в зависимости не только от конституционно-правового (основного) статуса личности, но и от дополнительного правового статуса лица (граждане, иностранные граждане, граждане с двумя и более гражданствами и лица без гражданства). Так, в соответствии со ст. 55 Конституции Китая и закона «О военной службе» от 1 октября 1984 г. (в ред. 1998 г.) иностранцы не имеют ни права, ни обязанности нести военную службу, поскольку «защита отечества и отражение агрессии – священный долг каждого гражданина Китайской Народной Республики», а также это их «почетная обязанность». Реализация данной обязанности возложена на граждан страны – представителей как мужского, так и женского пола, с той лишь поправкой, что женщины подлежат призыву «исходя из необходимости вооруженных сил». Общий призывной возраст составляет 18 лет, однако в определенных случаях он может быть снижен. Китайская военная служба представляет собой совмещение службы по призыву и добровольной службы (сверхсрочная служба), на которую можно поступить после двух лет службы по призыву,

а также службы в запасе. Можно констатировать, что конституционная обязанность только граждан Китая «отражать агрессию» является воплощением учения Мао Цзэдуна о борьбе с врагами, согласно которому подобная обязанность возлагается непосредственно на граждан страны.

Традиционной для современных государств является обязанность платить налоги. Китай в данном случае не является исключением (ст. 56 Конституции Китая). Причем, если в конституции указано, что данное правило распространяется только на граждан Китая, то сложившаяся практика доказывает иное. Так, по китайскому налоговому законодательству налоги платят не только граждане, но и иностранные граждане и лица без гражданства, если ими была получена прибыль на территории Китая.

Считаем необходимым остановиться на таких обязанностях, как обеспечение сохранности общественной собственности, соблюдение трудовой дисциплины, общественного порядка и норм общественной морали, которые нашли свое отражение в ст. 53 Конституции Китая. Первая часть рассматриваемой нормы права посвящена общественной собственности, что является закономерным в силу закрепленной формы правления «народная республика». Следовательно, все средства производства принадлежат народу, а именно трудящимся. Так, ст. 12 Конституции Китая закрепляет, что «социалистическая собственность священна и неприкосновенна». Социалистические лозунги нашли свое отражение и в положениях Основного закона, который гласит, что «социалистическая общественная собственность ликвидирует систему эксплуатации человека человеком, осуществляет принцип «от каждого – по способностям, каждому – по труду». Тем не менее, несмотря на это, все иные установленные Конституцией Китая формы собственности (частная, коллективная, общественная и государственная) также охраняются законом.

Трудовая дисциплина, по мнению китайского законодателя, является залогом успешного выполнения всех социалистических трудовых соревнований, трудовых норм, планов и процедур. Причем она же является составной частью общественного порядка, который формируется на основе соблюдения всех социальных норм. Следует подчеркнуть, что в данной правовой системе особая роль отводится не только правовым нормам, но и нормам морали.

Как и воинская обязанность, «труд является почетной обязанностью всех трудоспособных граждан» (ст. 42 Конституции Китая). Эта же статья закрепляет постулат, что граждане Китая имеют право на труд и обязаны трудиться, что демонстрирует дуалистичность данной нормы. С одной стороны, это обязанность экстраполируется на всех граждан государства, с другой стороны, это право, которое может реализо-

ваться в зависимости от желания субъекта, например при выборе вида трудовой деятельности.

Таким образом, рассмотрев некоторые обязанности, установленные Конституцией Китая, можно сделать вывод, что основные из них довольно подробно регламентированы. Их перечень схож со многими аналогичными обязанностями европейских государств. Однако определенная часть этих императивов носит ярко выраженный социалистический характер, что соответствует современным реалиям и является отражением сложившегося в этих государствах политического режима.

Представляют научный интерес основные обязанности, провозглашенные в Конституции Республики Кубы (от 15 февраля 1976 г.) [2]. Как и в других основных законах государств, примкнувших к социалистическому лагерю, правам и обязанностям посвящен отдельный VII раздел. Труд, как и в Китае, также имеет двойственный характер и является одновременно правом и обязанностью, а также делом чести каждого гражданина (ст. 45). Следует заметить, что подобные неоднозначные характеристики труда свойственны не только странам социалистического лагеря, но и ряду правовых демократических государств, с тем лишь различием, что в них декларируются свобода труда и право на труд. Конституцией Кубы установлена категория «добровольный безвозмездный труд», выполняемый на благо всего общества в области промышленности, сельского хозяйства, техники, искусства и в сфере услуг, который признается как средство формирования коммунистического сознания народа (ст. 45) [2]. Характерно, что каталог основных обязанностей для лиц, находящихся на территории Кубы, очень незначителен. В основном такие обязанности сводятся к долгу каждого: беречь государственную и общественную собственность, блюсти дисциплину труда, уважать права других, соблюдать правила социалистического общежития и выполнять гражданские и общественные обязанности (ст. 64), а также обязанности защиты Родины (ст. 65), соблюдения Конституции и законов (ст. 66). Характерно, что измена Родине провозглашается как самое тяжкое преступление (ст. 65) (причем аналогичная норма установлена и в Конституции Кореической Народной Демократической Республики (с. 86)). Интересным является факт отсутствия в Основном законе положений об обязанности уплаты налогов. Так, с одной стороны, это объясняется доминирующим количеством государственных предприятий (деятельность которых не облагается налогами), на которых трудоустроены граждане, получающие очень низкую заработную плату, с другой стороны, отсутствие указания о них в Конституции не является основанием считать, что налоговая система полностью отсутствует. Так, долгое время жи-

тели «острова свободы» были освобождены от обязательных платежей в пользу государства. Связано это было с тем, что 85% жителей страны работали на государственных предприятиях, получали низкую заработную плату (около 20 долларов) и не платили никаких налогов [10]. Однако все изменилось после 1995 г., когда была создана Национальная налоговая служба. На сегодняшний день список объектов налогообложения довольно разнообразен, в него входят не только вполне привычные для нас налоги: на добавочную стоимость, автотранспорт, земельные участки, но и налоги: на получение официальных документов, обмен жилой площади, услуги лиц, занятых в сфере телефонной и телеграфной связи, снабжение водой и электричеством и др. Продолжается политика введения новых объектов налогообложения, которая объясняется отчасти желанием правительства обеспечить новые рабочие места в «частном» секторе.

Следует отметить, что аналогичная ситуация с отсутствием норм по обязательной уплате налогов в конституции сложилась и в Северной Корее. Так, статья 25 Основного закона данного государства закрепляет норму, согласно которой в стране, «где отменена налоговая система, все непрерывно растущие материальные богатства общества целиком направляются на подъем благосостояния трудящихся». Постепенная отмена налогов происходит с 1960-х гг. По официальным данным, 21 марта 1974 г. был принят закон о полной отмене системы налогообложения. Таким образом, КНДР стала первой в мире страной, свободной от налогов (и насколько мы знаем, пока единственной) [11]. Однако в реальности под ширмой отмены налоговой системы в стране была упразднена и исчезла из лексического оборота и сама категория «налог», а обязательные платежи с различных субъектов и объектов правовых отношений продолжают взиматься. Обоснованием подобной внутренней политики руководства страны является необходимость реформирования экономики и введения нормальной системы функционирования хозяйственных отношений на рыночной основе, а также стремление преодолеть санкции, введенные против государства, обеспечение пополнения казны.

Кроме того, зачастую в конституционных обязанностях выражается ответственность личности перед обществом и государством. Следует подчеркнуть, что основные обязанности граждан социалистических государств сочетают в себе качества юридического веления с качествами морального императива, а их реализация обеспечивается действием нравственно-долженствования и законом. Роль морального компонента особенно значима для китайской правовой системы, она обусловлена многовековой традицией регулирования общественных отношений.

Обращаясь к тексту Конституции КНДР от 27 декабря 1972 г. с изменениями от 9 апреля 1992 г., а именно главе V «Основные права и обязанности граждан» [8], следует обратить внимание на то, что из 24 статей только в 6 закреплены обязанности граждан. Так, помимо таких вполне стандартных обязанностей, как защита отечества (ст. 86), соблюдение законов государства (ст. 81), установление труда в качестве священного долга и дела чести гражданина (ст. 83), имеются обязанности по «защите идейно-политического единства и сплоченности народа», «охране чести и достоинства гражданина КНДР», а также «повышению своей революционной бдительности» (ст. 85) [8]. Кроме того, законодателем провозглашен принцип коллективизма: «Один за всех, все за одного» (ст. 63), как основа прав и обязанностей граждан. Как и в предыдущих текстах основных законов исследуемых стран, в Конституции КНДР провозглашено право на труд (ст. 70). Вызывает интерес и обязанность граждан КНДР «бережно и с любовью относиться к государственной и общественной собственности, бороться против всяческих явлений расхищения и расточительства, по-хозяйски, рачительно вести хозяйство страны» (ст. 84). Категория «любовь» по отношению к видам собственности, пожалуй, впервые встречается в тексте Основного закона государства. Чаще всего в нормативных правовых актах высшей юридической силы данная дефиниция применяется в контексте со словами «Родина», «труд», «наука», «социализм» (например, ст. 24 Конституции Китайской Народной Республики) [7].

Еще одним представителем социалистического пути развития является Народно-Демократическая Республика Лаос, закрепляющая конституционно-правовой статус своих граждан и органов в Конституции от 15 августа 1991 г. [9]. Стоит отметить, что, как и в большинстве социалистических государств, правам и свободам посвящена отдельная глава, именуемая «Фундаментальные права и обязанности граждан». Однако имеет место закрепление отдельных обязанностей в других главах. Так, обязанность граждан защищать окружающую среду и природные ресурсы (ст. 17) и обязанность следовать положениям конституции и действующего законодательства (ст. 10) сформулированы в главе, посвященной устройству государственного строя. Кроме того, обязанность в отношении норм Основного закона сформулирована дважды, если в ст. 10 говорится об «обязанности следовать положениям конституции и действующего законодательства», то согласно ст. 34 «граждане обязаны соблюдать конституцию и законы». Кроме того, зафиксированы обязанности по уплате налогов и сборов (ст. 35), защите страны и безопасности граждан (ст. 36).

Достаточно большой перечень обязанностей закреплён в Конституции Вьетнама от 15 апреля 1992 г. [6], согласно ему, помимо стандартных обязанностей: трудиться (ст. 55), учиться (ст. 59), беречь и сохранять государственное имущество и общественные интересы (ст. 78), соблюдать Конституцию, законы, охранять государственную безопасность и общественный порядок (ст. 79), платить налоги (ст. 80), имеют место и специфические. Так, граждане обязаны соблюдать санитарные правила и общественную санитарии (ст. 61).

Общим выводом из проведенного анализа является утверждение, что совокупность основных обязанностей человека и гражданина в странах социалистического лагеря опирается на сочетание юридических установлений, норм морали и традиций, присущих, прежде всего, нравственной основе жизни общества, что делает их реализацию человеком и обеспечение государством более эффективными. Кроме того, в деле подкрепления конституционно-правовых императивов большую долю занимает идеологическое и воспитательное воздействие на сознание и поведение граждан, что представляется позитивным опытом в решении данного вопроса.

Таким образом, конституционные обязанности граждан социалистических стран представляется возможным подразделить на общие и конкретные. При этом общими являются обязанности признания, соблюдения и защиты прав и свобод других лиц, соблюдения основных и иных законов, сохранения исторического и культурного наследия, природы и окружающей среды.

Конкретными обязанностями являются забота о детях и нетрудоспособных родителях, получение основного общего образования, плата законно установленных налогов и сборов, защита государства.

Кроме того, анализ конституций зарубежных стран позволяет сформулировать ряд выводов:

1) все рассмотренные конституции содержат в себе главу или раздел, содержащие в себе не только основные права, свободы, но и обязанности. Хотя в названиях разделов конституций отдельных государств не содержится упоминания об обязанностях, в тексте тем не менее присутствует их перечень;

2) отдельные основные законы социалистических государств содержат в себе гораздо больше обязанностей, чем в аналогичных законах демократических государств;

3) необходимо отметить, что наблюдается закрепление в каталоге конституционных обязанностей предписаний, характерных для других отраслей права. Так, изначально обязанность по соблюдению дисциплины и режима на рабочем месте характерна для трудового права, однако она возложена на граждан Китая согласно ст. 53 «...соблюдать трудовую дис-

циплину и общественный порядок, уважать нормы общественной морали» [7], граждан Лаоса – ст. 34 «...придерживаться трудовой дисциплины» [9];

4) в современных конституциях социалистических государств в перечень основных обязанностей граждан входят: обязанность соблюдать законы, во-

инская обязанность, обязанность трудиться, охрана социалистической собственности. В отдельных основных законах таких стран закреплены обязанности по уплате налогов, планированию семьи, заботе о памятниках культуры и окружающей среде, а также обязанность учиться.

Литература

1. Кечежян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958.
2. Конституция Кубы 1976 г. // Конституции государств (стран) мира. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=50> (дата обращения: 13.06.2018).
3. Конституция США 1778 г. // Конституции государств (стран) мира. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=168> (дата обращения: 13.06.2018).
4. Конституция Албании 1998 г. // Конституции государств (стран) мира. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=104> (дата обращения: 05.06.2018).
5. Конституция Монголии // Конституции государств (стран) мира. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=33> (дата обращения: 13.06.2018).
6. Конституция Социалистической Республики Вьетнам 1992 г. // Конституции государств (стран) мира. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=26> (дата обращения: 13.06.2018).
7. Конституция Китайской Народной Республики // Конституции государств (стран) мира. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=31> (дата обращения: 17.06.2018).
8. Конституция Кореической Народной Демократической Республики // Конституции государств (стран) мира. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=30>.
9. Конституция Народной Демократической Республики Лаос // Конституции государств (стран) мира. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=31> (дата обращения: 17.06.2018).
10. Куба без ретуши: возможно или нет «карибское экономическое чудо»? URL: <https://ru.exrus.eu/Kuba-bez-retushi-vozmozhno-ili-net-karibskoye-ekonomicheskoye-chudo-id4f72bbf16ccc190d2a0008ab> (дата обращения: 17.06.2018).
11. Налоги в Северной Кореи. URL: <http://opisdela.ru/?p=1733> (дата обращения: 17.06.2018).
12. Овчинникова О.Д., Шаганян А.М. Юридические обязанности через призму теоретико-правового анализа положений Конституции Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 2.
13. Теория государства и права: учебник / А.С. Пиголкин, А.Н. Головистикова, Ю.А. Дмитриев, А.Х. Саидов; под ред. А.С. Пиголкина. М., 2005. 613 с.

УДК 34.03

А.Г. Репьев, канд. юрид. наук

докторант Саратовской государственной юридической академии,

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: rejev-artem@yandex.ru

ИММУНИТЕТ КАК ПРАВОВОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО: ДЕФИНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

Автор, анализируя существующие в науке, законодательстве и судебной практике подходы к определению понятия правового иммунитета, выделению сущностных составляющих, приходит к тезису о смешении его в процессе правотворчества и правоприменения с категориями «привилегия», «льгота», «неприкосновенность» и «неответственность». Обосновывая элементы отличия вышеуказанных феноменов от иммунитета с опорой на существующее законодательство и юридическую доктрину, в исследовании аргументируется тезис о необходимости четкой типологии системы правовых преимуществ, одним из элементов которой является иммунитет. Доказывается, что дефиниция правового иммунитета как типа преимущества, предложенная по результатам исследования автором, будет выступать отправной точкой изучения его сущностных и содержательных составляющих, видового деления, выделения отличительных качеств от смежных категорий правоведения. Предложения, высказанные в работе, могут способствовать устранению законодательных дефектов технико-юридического характера, обусловленных отсутствием терминологической опоры системы правовых преимуществ.

Ключевые слова: правовое преимущество, иммунитет, льгота, неприкосновенность, привилегия, неответственность.

A.G. Rejev, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

doctoral candidate of Saratov State Legal Academy

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: rejev-artem@yandex.ru

IMMUNITY AS LEGAL ADVANTAGE: DEFINITION ASPECT

The author, analyzing the approaches to definition of a concept of legal immunity, allocation of his intrinsic components existing in science, the legislation and jurisprudence, comes to a thesis about his mixture in the course of law-making and law enforcement with categories «privilege», «inviolability» and «not responsibility». The author demonstrates elements of difference of the above-stated phenomena from immunity, with a support on the existing legislation and the legal doctrine. It gives reasons about need of accurate typology of system of legal advantages, with one of elements of which is reasoned, the immunity is.

It is proved that the definition of legal immunities as a type of advantage proposed by the author's research will be the starting point for studying its essential and meaningful components, species division, and distinguishing distinctive qualities from related categories of jurisprudence. The proposals may contribute to the elimination of legislative defects of a technical-legal nature, due to the lack of a terminological support for a system of legal advantages.

Key words: legal advantage, immunity, privilege, inviolability, privilege, not responsibility.

Правовая категория «иммунитет», несмотря на то, что неоднократно становилась предметом отраслевых (в большей степени уголовно-процессуальных) исследований, все же заслуживает более пристального теоретико-правового анализа. Рассматривая несколько лет назад в рамках диссертационного исследования понятие, сущность и содержание, классификацию иммунитетов в праве, мы должны констатировать сегодня, что эволюционирование правовых систем мира, взаимопроникновение семей романо-германского и англо-саксонского (прецедентного) права привело к смене парадигмы восприятия данного юридического феномена.

Понятие «иммунитет» часто употребляется в синонимичном контексте (при формулировании нормативных положений о неприкосновенности лиц, имеющих специальный правовой статус). Это первое, что обращает на себя внимание. Во-вторых, иммунитет стал лишаться самостоятельной категориальной составляющей. Попытки искусственно «втиснуть» его в конструкцию льготно-правового регулирования либо обозначить в качестве привилегии, не отдавая отчета о самостоятельном характере последней, имеют место на страницах научной печати.

Изложенное детерминирует объективные потребности определения дефинитивного аппарата категории «иммунитет», выделения ее сущностных составляющих в системе правовых преимуществ, вследствие чего возможно предложить первые шаги к унификации законодательства, предусматривающего различные формы отступления от равноправия.

Термин «иммунитет» правоведением был заимствован из области медицины. С этой точки зрения он означает невосприимчивость организма к возбудителям болезней и определенным видам яда [16, с. 267]. Именно в этой связи ввиду незавершившейся транстерминологизации латинского термина в русский, продолжающегося процесса становления качественной правовой характеристики, аспектов закрепления в источниках права и законодательстве, а также толкования мнения относительно него неоднозначны.

Наиболее распространенной позицией, которая, к сожалению, не может удовлетворить наш научный поиск, является та, что связывает иммунитет со льготой или привилегией, считая его их разновидностью. Такая точка зрения в своей нерациональности и недальновидности, как думается, не может отвечать целям доктрины права и юридической техники. К примеру, Г.С. Беляева, О.А. Горелова, И.Р. Забугин, М.Н. Кузьмин, А.П. Лиманская и другие считают иммунитет «особой льготой и привилегией» [2, с. 113; 4, с. 57; 10, с. 65; 17, с. 14; 18, с. 97; 32, с. 61], Н.В. Сидорова пишет, что иммунитет «может быть реализован в виде привилегии» [25, с. 89], а третьи и вовсе

не видят «практического применения их разделения» [27, с. 138].

Краткий филологический анализ указанных терминов и их дефиниций позволяет опровергнуть доводы вышеуказанных авторов. Словарь В.И. Даля терминам «привилегия» и «льгота» хотя и дает несколько идентичное толкование, однако уточняет, что «льгота» означает облегчение от податей, провинностей, налогов, работ, большая свобода в чем-либо, а «привилегия» понимается как исключительное право в ремеслах и промыслах, личное право, преимущество [7, с. 243, 403].

Полагаем, это неслучайно, поскольку в таком случае акценты расставлены:

- во-первых, относительно субъектного состава лиц, пользующихся данными «особыми» правами. «Льготы, — пишет В.И. Даль, — предоставлялись переселенцам и выражались в том, что в течение трех лет они освобождались от податей», а «привилегиями пользовались высшие сословия, которым были даны права и преимущества перед простым народом» [7, с. 243, 403];

- во-вторых, применительно к процессу словообразования. Стержнем термина «льгота» являются такие речевые обороты, как «облегчение», «помощь», а «привилегии» — «поддержка», «большая свобода в чем-либо». Это подтверждается не только толкованием данных явлений словарями, но и их доктринальным пониманием, локальной правотворческой и судебной практикой. Ядро понятия «иммунитет» составляют такие обороты, как «нераспространение общих законов», «неприкосновенность».

С этой стороны закономерной выглядит позиция ученых, подкрепленная, помимо всего прочего, многолетним неприятием отечественной (в особенности советской) правовой наукой иностранных терминов, которые считают иммунитет разновидностью неприкосновенности [1, с. 8], ее частью [28, с. 128], нередко отождествляя их [31, с. 226] либо допуская терминологическое смешение [24, с. 6]. Некоторые из них, в числе которых А.А. Исаенков, Д.Б. Савельев, на наш взгляд, подменяют категорию неприкосновенности иммунитетом через институт *гарантии*. В частности, запрет на взыскание «минимума имущества, необходимого для существования должника-гражданина и членов его семьи», трактуемый законодателем в качестве неприкосновенности [21], а вышеуказанными авторами — иммунитета [12, с. 92-93; 23, с. 69-78], вовсе не означает, что лицо обладает подобным преимуществом. На это есть ряд причин.

Во-первых, иммунитет, как известно, обеспечивает лицо возможностью не подчиняться определенным обязанностям и запретам, быть неподверженным мерам государственного принуждения в силу социально полезной (государственной, политиче-

ской и иной) деятельности в целях стимулирования ее беспрепятственного осуществления. В данных примерах подобный аспект не просматривается.

Во-вторых, иммунитет не выступает инструментом сглаживания претерпевания нарушителем неблагоприятных последствий. В рассматриваемом случае, как и в других существующих в законодательстве, для лиц, преступивших закон, предусмотрена возможность сохранения благ, необходимых для существования, обеспечения себя минимальными необходимыми условиями жизнедеятельности. К примеру, взыскание «по исполнительным документам не может быть обращено на следующее имущество, принадлежащее гражданину-должнику на праве собственности: предметы обычной домашней обстановки и обихода, вещи индивидуального пользования (одежда, обувь и другие), за исключением драгоценностей и других предметов роскоши; топливо, необходимое семье гражданина-должника для приготовления своей ежедневной пищи и отопления в течение отопительного сезона своего жилого помещения; средства транспорта и другое необходимое гражданину-должнику в связи с его инвалидностью имущество» [6, ч. 1 ст. 446].

В-третьих, приведенный авторами пример скорее говорит о недопустимости ограничения основополагающих прав (в данном случае на пользование жилищем) сверх меры, требуемой для достижения целей правильного и своевременного исполнения судебных актов. В противном случае нормы о неприкосновенности жилища [15, ст. 25; 9; 29] либо телесной и физической неприкосновенности [15, ст. 22] также нужно именовать иммунитетами. Однако запрет осмотра жилого помещения, личного досмотра станет восприниматься как проявление иммунитета только в случае имеющих основания на их осуществление и одновременный запрет такового в силу специального правового статуса субъекта.

В-четвертых, лицо может быть лишено иммунитета, а неприкосновенности – нет, она лишь может быть ограничена. Иммунитет не должен быть непреодолимым барьером при реализации государственных полномочий и мер принуждения, чего нельзя сказать о неприкосновенности, которая выступает фундаментальным правом каждого, залогом построения демократического, правового государства и развития гражданского общества. В этом ракурсе, видимо, не совсем удачным представляется понимание иммунитета и через термин «неответственность» [19, с. 96; 2, с. 115] как в формально-юридическом аспекте, так и психологическом (как правило, негативном) восприятии социумом.

Полагаем, что в имеющемся виде мы наблюдаем феномен технико-юридической точности законодателя при формулировании нормы права. Запрет на

взыскание минимума имущества должника является неприкосновенностью в чистом виде, вызванной гуманным, общечеловеческим отношением к преступившему закон. В противном случае не ясно, в чем преимущество, выгода лица, пользующегося таким «иммунитетом». В сохранение того малого, что позволит ему не пополнить ряды лиц без определенного места жительства? А.А. Исаенков несколько ниже в своей работе сам отмечает, что рассматриваемая законодательная норма «необходима для существования должника-гражданина и членов его семьи» [12, с. 94].

Как думается, доктринальное смешение произошло в результате расширительного толкования *гарантирующей составляющей* иммунитета. Подобная его природа выражена в обладании элементами:

а) неприкосновенности в таком объеме, который превышает общеустановленный;

б) неподверженности, которая до действия иммунитета вовсе отсутствовала у субъекта. Иммунитет никак не влияет на сохранение минимального, так называемого базового уровня неприкосновенности. Убеждены, что гарантия – более широкая категория, чем иммунитет. Каждый иммунитет по своей сущности есть гарантия, но не каждая гарантия – иммунитет.

Иммунитет не тождествен неприкосновенности и еще по ряду обстоятельств:

1) выступая самостоятельным правовым феноменом, категорией юриспруденции, средством правового регулирования, направленным на защиту от ограничения личной неприкосновенности, свободы путем ареста, заключения под стражу и т.д., иммунитет отнюдь не является естественным правом каждого индивида, принадлежащим ему от рождения [5]. Он распространяется на условиях четко определенных критериев и пределов:

- субъекты общественных отношений, имеющие специальный правовой статус;

- заранее обозначенный отрезок времени, период (к примеру, исполнения обязанностей по конкретной замещаемой должности);

2) в силу естественно-правовой природы, междunarодного и конституционного характера нарушение права на неприкосновенность воспринимается государством как преступление и охраняется уголовным законом [30], чего нельзя сказать об иммунитете;

3) иммунитет, в отличие от неприкосновенности, является результатом проявления государственной воли, устанавливается в том числе для придания статуса максимальной защищенности субъектам отношений, выполняющим значимые социальные и государственные функции, и имеет конкретно очерченные границы своего действия, точно прописанные в законе;

4) этимология термина «иммунитет», сущностное понимание данной категории включают в том

числе и «неприкосновенность», однако дефиниция только этой составляющей не ограничивается.

Что касается неответственности как элемента иммунитета, мы убеждены, что иммунитет не имеет и не должен иметь абсолютного характера, выступать в роли своеобразной «индальгенции» от всех проступков и преступлений. Он может быть в ряде случаев отменен, ограничен либо от него могут отказаться сами обладатели иммунитета [3, ст. 11]. Подобная качественная характеристика иммунитета связана с тем, что данная категория права из законного и эффективного юридического средства превращается в препятствующий фактор. В этой связи на основе проведенного анализа можем заключить, что наряду с элементом «неприкосновенность» юридическая природа иммунитета включает такой элемент, как «неподверженность».

В частности, ряд авторов необоснованно, на наш взгляд, сужают, ограничивают функциональное (охранительное, гарантирующее) действие иммунитета, связывая его исключительно с юридической ответственностью. В частности, К.А. Ишеков рассматривает иммунитет как изъятие, видит в нем особый порядок привлечения к ответственности [13, с. 184, 384]. Схожего мнения придерживаются Н.И. Иголевич и Н.С. Конева, указывая, что иммунитет «обеспечивает повышенную правовую защиту в сфере юридической ответственности» [11, с. 35].

Несколько шире понимают иммунитет С.А. Старостина и С.В. Пилявец, полагая, что он распространяется еще и на «запрет совершения определенных властно-распорядительных действий государства и должностных лиц в отношении субъектов», им обладающих [26, с. 74]. Некоторые усматривают в иммунитете правостимулирующую роль [4, с. 57; 10, с. 65; 18, с. 97; 20, с. 256-257].

Ввиду взаимосвязи иммунитета и юридической ответственности некоторые ученые ограничивают его действие только лишь публичными функциями, осуществляемыми должностными лицами государ-

ства [2, с. 114; 17, с. 14; 22, с. 89], видя в этом отличие его от схожих институтов (привилегии, льготы). Подобная позиция не бесспорна.

Во-первых, относительно субъектного состава, поскольку иммунитетом наделены не только «лица, занимающие особое положение в государстве», но и иные субъекты, в их числе само государство, его граждане. Подтверждением этому служат международные акты, национальное законодательство России, предоставляющие определенному кругу субъектов преимущество – право на иммунитет. К примеру, «Вправе отказаться от дачи свидетельских показаний: 1) гражданин против самого себя; 2) супруг против супруга, дети, в том числе усыновленные, против родителей, усыновителей, родители, усыновители против детей, в том числе усыновленных; 3) братья, сестры друг против друга, дедушка, бабушка против внуков и внуки против дедушки, бабушки» [6, ч. 4 ст. 69].

Во-вторых, выделение в качестве специфического признака иммунитета его цели – обеспечение выполнения международных, государственных и общественных функций, служебных официальных обязанностей – является скорее общим признаком, присущим как иммунитету, так и привилегии. Норма международного правового акта гласит: «Привилегии и иммунитеты предоставляются должностным лицам в интересах Совета Европы, а не для их личной выгоды» [3, ст. 19]. Схожая формулировка содержится и в иных международных правовых актах [8, 14].

Таким образом, наше видение относительно дефиниции правового иммунитета сводится к тому, что это *юридически оформленное преимущество, состоящее в правомерном наделении конкретно обозначенных субъектов права дополнительными гарантиями, заключающимися в их неприкосновенности при привлечении к юридической ответственности и неподверженности обязанностям и запретам, установленным национальным законодательством и нормами международного права.*

Литература

1. Агафонов В.В. Правовой иммунитет – нарушение или исключение из принципа равенства всех перед законом? // Академический вестник. 2012. № 1 (19). С. 8-10.
2. Беляева Г.С. Правовой режим в общетеоретическом измерении: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. 240 с.
3. Генеральное соглашение о привилегиях и иммунитетах Совета Европы от 02.09.1949 // Бюллетень международных договоров. 1997. № 5. С. 27-32.
4. Горелова О.А. Иммунитет как отступление от конституционного принципа равенства для отдельных категорий лиц // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2014. № 3-4. С. 57-60.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 03.08.2018), ч. 1 ст. 150 // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2018. № 22. Ст. 3040.
6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (в ред. от 03.08.2018) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532; 2018. № 32 (ч. II). Ст. 5133.
7. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1998. Т. 2. 779 с.

8. Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014; в ред. от 08.05.2015; с изм. и доп., вступ. в силу с 12.08.2017), ст. 16 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 16.01.2018).
9. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (в ред. от 03.08.2018), ст. 3 // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 14; 2018. № 32 (ч. II). Ст. 5134.
10. Забугин И.Р. Стимулы в специальных правовых режимах // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2011. № 1 (4). С. 64-68.
11. Иоголевич Н.И., Конева Н.С. Правовые иммунитеты и конституционный принцип равенства перед законом и судом // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 1 (19). С. 34-41.
12. Исаенков А.А. Развитие представления об иммунитетах в российской науке гражданского процессуального права // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2014. № 2. С. 92-95.
13. Ишеков К.А. Реализация конституций и уставов субъектов Российской Федерации органами государственной власти: конституционно-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2014. 459 с.
14. Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении от 13.01.1993, п. «е» ст. VIII // Собрание законодательства РФ. 1998. № 6. Ст. 682.
15. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
16. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Рус. яз., 1998. 848 с.
17. Кузьмин М.Н. Особенности расследования преступлений, совершенных лицами, по должности обладающими правовым иммунитетом: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014. 220 с.
18. Лиманская А.П. Специальные правовые режимы: общетеоретический анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2014. 186 с.
19. Макарова З.В., Конева Н.С. Категория «иммунитет» в конституционном праве России // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2012. № 20. С. 94-99.
20. Мирошник С.В. Теория правового стимулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2003. 380 с.
21. Об исполнительном производстве: федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (в ред. от 03.08.2018; с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2018), ст. 4 // Собрание законодательства РФ. 2007. № 41. Ст. 4849; 2018. № 24. Ст. 3400.
22. Обеднин В.К. О некоторых аспектах юридического иммунитета // Подходы к решению проблем законодательства и правоприменения: межвуз. сборник научных трудов. Омск: Омский юридический институт МВД России, 1997. Вып. 2. С. 89-96.
23. Савельев Д.Б. Имущественный иммунитет на единственное жилое помещение гражданина: обеспечение баланса прав кредиторов и должников // Журнал российского права. 2014. № 11. С. 69-78.
24. Савченко Н.А. Президентский иммунитет: правовое обеспечение неприкосновенности Президента РФ // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 9. С. 6-10.
25. Сидорова Н.В. Привилегия против самообвинения и доказательственное значение показаний, полученных в результате соглашения о сотрудничестве // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2010. № 2 (12). С. 89-94.
26. Старостина С.А., Пилявец С.В. Институт юридической ответственности парламентариев в российском законодательстве: конституционно-правовой и административно-правовой аспекты // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 2 (36). С. 74-76.
27. Стовбун В.Д. Иммунитеты и привилегии международной организации космической связи «Интерспутник» // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2009. № 4. С. 137-146.
28. Тарнаков О.Г. Иммунитеты в уголовном процессе: монография. М.: Юрлитинформ, 2011. 144 с.
29. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 29.07.2018), ст. 12 // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921; 2018. № 31. Ст. 4818.
30. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 29.07.2018), ст. 139 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; 2018. № 31. Ст. 4818.
31. Фролова М.В. Правовой иммунитет Президента РФ // Взаимосвязь конституционного и уголовно-го судопроизводства: сборник статей по мат-лам Всероссийской научно-практ. конф-ции (22 марта 2013 г.) / Л.М. Аширова, М.С. Белоковылский, С.В. Бурмагин и др.; сост. К.Б. Калиновский, Т.В. Соколов. СПб.: Северо-Западный филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия правосудия», 2013. С. 226-234.
32. Шаталов А.С. Современное состояние процессуального механизма уголовного преследования специальных субъектов и вопросы его оптимизации // Человек: преступление и наказание. 2015. № 1. С. 57-70.

УДК 340.114

И.Г. Федин

аспирант Алтайского государственного университета

E-mail: fedinig@mail.ru

ДОБРОСОВЕЩНОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ ПРАКТИКЕ

В статье с практических позиций рассматриваются вопросы, связанные с отсутствием достаточной разработки в российской юридической науке такой универсальной категории, как «добросовестность», тогда как условия глобализации обязывают прибегнуть к таким мероприятиям. В отличие от предшествующих исследований в этой области автор предлагает оригинальный подход к пониманию развития добросовестности в отечественном правоведении, чем обосновывает сущность и тождественность правовых понятий «совесть» и «добросовестность». Исследуя проблемы, связанные с данными категориями, автор приходит к выводу, что увеличение их концентрации в российском законодательстве напрямую связано с падением нравственности населения страны, а применение концептов, связанных с понятием «совесть», обосновывается эффективностью воспитательного воздействия, оказываемого ими. В завершение работы делается вывод, что в настоящее время, когда перед страной стоит задача формирования развитого и самодостаточного государства, воспитание добросовестности населения позволит укрепить экономический оборот и основать его на началах, свойственных цивилизационным основам России.

Ключевые слова: добро, совесть, добросовестность, bona fides, обычай, нравственные нормы, генезис правовых категорий, российская правовая культура.

I.G. Fedin

postgraduate student of Altai State University

E-mail: fedinig@mail.ru

CONSCIENTIOUSNESS IN THE RUSSIAN LEGAL PRACTICE

The article from a practical point of view addresses issues related to the lack of sufficient development in the Russian legal science of such universal category as «conscientiousness», whereas the conditions of globalization oblige to resort to such measures. Unlike previous research in this area, the author suggests an original approach to understanding the development of good faith in the Russian jurisprudence, which substantiates the essence and identity of the legal concepts of «conscience» and «conscientiousness».

Exploring the problems associated with these categories, the author concludes that the increase in their concentration in the Russian legislation is directly related to the decline in the morality of the population, and the use of concepts related to the concept of «conscience» is justified by the effectiveness of the educational impact of them. As part of the completion of the work, it is concluded that at present, when the country is faced with the task of forming a developed and self-sufficient state, educating the good faith of the population will strengthen the economic turnover and base it on the principles typical of the civilizational foundations of Russia.

Key words: good, conscience, conscientiousness, bona fides, custom, ethical standards, genesis of legal categories, Russian legal culture.

В настоящее время, когда в условиях глобализации на фоне борьбы различных идеологических течений моральные основания права придают остракизму, перед Российской Федерацией стоит задача формирования полноценного гражданского общества путем развития права. Одним из факторов укрепления правовой системы в таких условиях является развитие в отечественном законодательстве традиционных регуляторов. К числу последних относится активно развивающийся на сегодняшний день во всех отраслях российской системы права принцип добросовестности.

Несмотря на огромное множество правовых исследований, посвященных рассмотрению принципа добросовестности, науковедческий анализ соответствующей категории в рамках отечественной правовой культуры не производился, поскольку данный принцип принято рассматривать исключительно как концепт, вытекающий из древнеримского «*bona fides*». Так, в одном из исследований, касающихся добросовестности, Л.А. Ломакина указала, что «категория добросовестности исторически уходит своими корнями в римское право (*bona fides*)...» [10, с. 66]. Это предопределяет необходимость постановки и рассмотрения вопроса, вынесенного в название настоящей статьи.

Как следует из понятия «добросовестность», оно является составным из понятий «добро» и «совесть». И если понятие «добро», которое согласно «Словарю русского языка» С.И. Ожегова следует понимать как все хорошее и полезное [13, с. 165], не вызывает затруднений при поверхностной референции, то слово «совесть» является более сложным для характеристики.

Согласно толковому словарю В.И. Даля, в понятии «совесть» среди прочих признаков необходимо выделять такие черты, как внутреннее сознание добра и зла; чувство, побуждающее к истине и добру, отвращающее ото лжи и зла; невольная любовь к добру и к истине; прирожденная правда, в различной степени развития [5, с. 515-516]. Таким образом, сравнивая понятия «совесть» и «добросовестность», необходимо констатировать, что совесть как определенный механизм даже без явной ссылки на другие понятия содержит в себе необходимость оценки волевых актов на предмет их соответствия концепту «добро». Полностью идентично следует характеризовать и понятие «добросовестность», как уже содержащее в себе ссылку на понятие «добро» и предопределяющее его учет в рамках совестных актов. Следовательно, понятие «добросовестность» и понятие «совесть» являются тождественными. Использование же в категории «добросовестность» ссылки на концепт «добро» обосновывается одним из сложившихся в российской культуре подходов к допустимому использованию

данных понятий в рамках одной смысловой единицы. Предпочтение же, отдаваемое законодателем именно понятию «добросовестность», и его широкое распространение в нормативных актах объясняются реализацией таких принципов правотворческой техники при формулировании нормативных положений, как: изложение норм закона на простом и доступном языке, ясность и понятность закона для широкого круга лиц разного статуса, конкретность и определенность формулировок закона.

Исходя из изложенного, в дальнейшем в рамках настоящего исследования генезиса соответствующего концепта в российской правовой культуре понятия «совесть» и «добросовестность» будут использоваться как синонимичные категории.

Нормы, определяющие добросовестное поведение как наиболее приемлемую форму общественной коммуникации, складывались на Руси в течение длительного времени и берут свое начало из древности. Известным является то, что одним из признаков норм-обычаев является регулирование ими наиболее устойчивых общественных отношений на протяжении длительного времени [19]. Вместе с тем, как указал В.М. Баранов, «нормы правового обычая нередко выражаются в пословицах, поговорках, афоризмах, обрядах» [1, с. 269]. Следовательно, древнюю историю формирования тех или иных правил поведения можно отследить через пословицы.

Применительно к рассматриваемому концепту исторические особенности отношения к нему со стороны общества определяют следующие пословицы: «Хоть мощна пуста, да совесть чиста»; «Лучше на гривну убытку, чем на алтын стыда»; «Деньги потеряешь – можно нажить, а совесть потеряешь – беду узнаешь»; «У него совести мешок: что хочешь положи»; «Добрая совесть злему ненавистна»; «Добрая совесть любит обличение»; «Злая совесть стоит палача»; «Глаза – мера, душа – вера, совесть – порука»; «Они стыд за углом делили да за углом и схоронили»; «Душа – христианская, да совесть-то – цыганская»; «Совесть без зубов, а грызет»; «Волосом сед, а совести нет» [18]. Перечисленные пословицы показывают, что в архетипе русского правосознания с древних времен запечатлен ряд правил, указывающих на истинно добросовестное поведение как естественное для человеческих отношений.

В.В. Сорокин, выражая подобную точку зрения, писал по этому поводу: «У русского народа с момента его зарождения и поры становления бездушные юридические нормы вытеснялись правовыми ценностями религиозно-нравственного порядка, теплом сердечных человеческих отношений» [26, с. 301]. Законодательство древнерусского периода встречает ссылку на понятие «добро» как одно из немногих оценочных понятий. Русская Правда, например, в

пространной редакции содержит норму наследственного права следующего содержания: «А матери которой сынъ добръ, перваго ли, другаго ли, тому же дасть свое; аче и вси сынове еи будутъ лиси, а дче-ри можетъ дати, кто ю кормить» [21]. Такой пример древнерусского права явно свидетельствует о поддержании в обществе перечисленных выше стереотипов поведения. Дефицит на нормы, связанные с принуждением к «доброй совести», говорит об отсутствии значимости законодательных регуляторов в этой области.

Другие памятники последующего древнего правотворчества также не обнаруживают актов, регулирующих вопросы, связанные с совестью. Но в дальнейшем соответствующие акты начинают получать развитие. Одно из самых главных наставлений памятника XVI в. «Домострой», адресованных домохозяевам, звучит следующим образом: «Следовать всем христианским законам и жить с чистой совестью и в правде, с верой творя волю Божию и соблюдая заповеди его, и себя утверждая в страхе Божьем, в праведном житии...» [17]. Это положение указывает на то, что необходимость в принуждении к совестливому поведению все еще отсутствовала.

Особое отношение к добросовестности участников правоотношений в российской правовой культуре показывает учреждение в Российской империи в 1775 г. особого органа «Совестного суда», который не имел аналогов в Европе [22, с. 122]. Данный суд был призван рассматривать дела не по закону, а «по совести», руководствуясь принципом «естественной справедливости». Роль данного органа сводилась к тому, чтобы стороны конфликта посредством суда совести могли разрешить спор не с помощью закона, а обоюдно, руководствуясь добросовестными и обоюдными намерениями. Это указывает на то, что соответствующие правовые конструкции зиждились на началах саморегуляции. Правовое регулирование того периода осуществлялось путем сочетания нормативного и обычного регулирования на основе традиционной нравственности, в т.ч. совести.

Несмотря на ярко выраженные в правосознании русского народа ориентированные на добросовестность черты национального характера, в дальнейшем в связи с постепенной трансформацией сложившегося уклада и копированием западных образцов законодательного регулирования одноименный принцип получает свое постепенное развитие в российском законодательстве. Так, изданный в 1832 г. Свод законов Российской империи уже содержал статьи со ссылкой на добросовестность. Например, в статье 1538 и статье 1539 данного нормативного акта добросовестность фигурирует в качестве основания для толкования сделки [24]. В дальнейшем тенденцию к формализации права и отклонению законо-

дателя от традиционных взглядов на добросовестность отразил отказ от «Суда совести» в 1866 г. [23, с. 160]. При этом в обществе того периода были еще сильны традиционные взгляды на необходимость добросовестного поведения без принудительного вмешательства государства. Например, известным является то, что еще в конце XIX в. если русский купец давал слово, уже не требовалось подписывать какие бы то ни было договоры, меморандумы, соглашения, обязательства. Между тем разрабатываемый Проект гражданского уложения Российской империи подготавливал почву для утверждения добросовестности в качестве главенствующего принципа частного права [20]. Таким образом, генезис принципа добросовестности в российском праве показывал противоречивые тенденции. С одной стороны, традиционный образ хозяйственных отношений в России требовал опираться на совесть, что исключало необходимость нормативной регуляции соответствующих секторов отношений, с другой – законодатель, компилируя западные образцы правового регулирования, стремился к повсеместному внедрению в законодательство принципа и конструкций, которые стало принято переводить понятием русского языка «добросовестность». При этом необходимо иметь в виду, что указанная компиляция была необоснованной, т.к. с иностранных западных языков понятия заимствующихся конструкций, традиционно приравняемые к добросовестности и вытекающие из древнеримского «bona fides», не могли переводиться этим понятием, поскольку, как указывает А.В. Сергеева, будучи специалистом по преподаванию русского языка как иностранного: «Слово "совесть" как отдельная лексема отсутствует в европейских языках, поскольку переводится словом, производным от латинского *consentia*, что соответствует русскому "знание"» [25, с. 137].

Регрессивной трансформации добросовестности как категории российского правосознания и развитию одноименной правовой формы способствует дальнейшее внедрение в традиционное российское право западных идей. В.В. Сорокин отмечает, что в конце XIX – начале XX в. в российской правовой мысли наблюдается крен в пользу западной теории «естественного права» [26, с. 429]. И.А. Ильин писал по этому поводу: «Весь внутренний правовой опыт человека начал постепенно мельчать и искажаться. Новое правосознание становилось все менее христианским, все менее религиозным, все более безбожным; религиозный дух и смысл начал все более и более покидать правовую и политическую жизнь.... Правосознание разучилось видеть добро и зло, право и несправедливость; все стало условным и относительным, водворилась буржуазная беспринципность и социальное безразличие» [8, с. 215]. Снижение, таким образом, значимости традиционных регуляторов спо-

собствовало развитию принудительных механизмов обеспечения незлоупотребительного правоосуществления, в т.ч. категории «добросовестность» в формальном праве.

Говоря о дальнейшем генезисе принципа добросовестности в российском праве, необходимо отметить, что в современной юридической науке устоявшейся является точка зрения, указывающая на то, что в советский период истории категория «добросовестность» не была распространена и не развивалась, на что, например, указывает М.М. Якубчик [31, с. 113]. Однако, по нашему мнению, вопреки данной точке зрения именно в советский период истории России категория «добросовестность» в силу вышеуказанных причин получила свое развитие.

Так, в отличие от ранее существовавшего дореволюционного законодательства ГК РСФСР 1922 г. легально вводит в нормативное регулирование категорию «добросовестность», задействуя ее в регламентации договорных отношений (ст. 43, 197 кодекса), в регулировании вопросов, связанных с истребованием имущества от недобросовестного приобретателя (ст. 60 кодекса), в упорядочении отношений, связанных с возмещением убытков добросовестным и недобросовестным владельцем (ст. 59 кодекса) [3]. Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 г. [15] и Гражданский кодекс РСФСР 1964 г. [4] используют понятие «добросовестность» и его антоним в каждом из этих документов при регулировании тех же отношений более пятнадцати раз, добавив категорию «добросовестность», помимо указанных отношений, в авторское право. В последующий период категория «добросовестность» также внедрялась в многочисленные законодательные и подзаконные, а также иные правовые акты, в т.ч. в законодательство об адвокатуре [12], о кооперации [14].

В то же время, несмотря на официальную государственную идеологию, отрицающую частнопредметное регулирование, к которому традиционно относят принцип добросовестности, последний получил и свое начальное доктринальное оформление. Так, в 1966 г. В.П. Грибанов, перечисляя принципы советского права, указал, что к таковым относится и принцип добросовестности как одно из моральных начал, относящееся к правилам социалистического общежития и моральным принципам общества, играющее значительную роль в период строительства коммунизма [6]. Как видно, принцип добросовестности в советский период, хотя и не получал самостоятельного значения, однако развивался наряду с другими началами советского законодательства и рассматривался как конструкция, имеющая этическое содержание. Последний аспект указывает на то, что генезис категории «добросовестность» продолжал нести в

себе преемственные черты поддержания в народе традиционной нравственности, основанной на совести.

Последующий ход изменений, касающихся добросовестности в отечественном правогенезе, отмечается в связи с известными событиями 90-х гг. XX в., дальнейшим упадком данного морального принципа в рамках правосознания, что на практике выразилось в кардинальном увеличении в обществе как разного рода злоупотреблений, так и правонарушений, в т.ч. уголовно-правовых деяний. Желание законодателя укрепить моральные основы не только хозяйственной жизни, но и иных общественных сфер страны привело к утверждению добросовестности как главенствующего принципа в современном отечественном праве.

Тем не менее на сегодняшний день добросовестность всеми участниками отечественной правовой сферы без исключения продолжает необоснованно рассматриваться как заимствованная категория, произошедшая от древнеримского «*bona fides*». Это обстоятельство не позволяет изжить множество проблем, связанных с развитием добросовестности в России как преобладающей модели социального поведения, отражающей традиционные взгляды на концепт «совесть» как необходимый аспект надлежащего отечественного социокультурного взаимодействия.

Вместе с тем категория «добросовестность» является собой высокую степень самобытности в национальной культуре. Р.С. Сулипов, анализируя национальные правовые традиции, отмечает, что «особенностью российского правосознания стала неразрывная связь права с нравственными духовными началами, с христианской добродетелью. В правосознании россиян нравственное право в целом всегда доминировало над юридическим. Поступать по законам совести, а не по писаным законам было общепринято в России. Юридический закон был замещен законом моральным, вместо правового сознания функционировала религиозно ориентированная совесть» [27, с. 23]. Следовательно, «совесть» и идентичная ей категория «добросовестность» обладают такими религиозно-нравственными (духовными) чертами и высокой значимостью в национальном правосознании, которые возвышают последние над юридическими предписаниями. В этом проявляется не только самобытность категории «добросовестность», но и ее ценность для правового регулирования в целом. В.В. Безбах, рассматривая данные вопросы в рамках цивилистики, приходит к выводу, что «русская наука гражданского права повторила смену всех западноевропейских школ и течений, не утратив при этом собственных традиций и самостоятельности, «не забыв конкретные задачи русской действительности»

[2, с. 141]. Это подтверждает полную актуальность указанных выводов о добросовестности и на сегодняшний день и указывает на возможность сохранения традиционного понимания определенных концептов в новых правовых формах.

По мнению Р.В. Насырова, «в российском правосознании проявляется глубинное стремление не просто к формальному порядку, а к "царству добра и справедливости". Но эта цель не может быть достигнута простым отождествлением закона (позитивного права) с нравственностью и справедливостью. Российская правовая культура сможет реализовать свои без сомнения положительные задатки, если в конце концов научится не противопоставлять закон и право (справедливость) и не растворять их друг в друге, а отведет формальному праву (закону) в общественной жизни свое место» [11, с. 191]. Таким образом, оптимальное сочетание традиционных для российского правосознания взглядов на концепт «совесть» с положениями законодательства является принципиально важной задачей для развития национального права и продвижения его в сторону «добра» и «справедливости».

Между тем общемировая культура на сегодняшний день проявляет обратные по значению тенденции, влияние которых на российское право, все более интегрирующееся в международную правовую систему, способствует отдалению национального правосознания от утверждения в нем идеалов «добра» и «совести» и замене их на утилитарные принципы западной культуры.

Такие веяния мировой культуры выражаются и в позициях отечественных ученых, исследующих категорию «добросовестность». Например, А.В. Ульянов считает, что в современный период с устранением идеологических барьеров отпала необходимость наполнения категории «добросовестность» этическим содержанием. Необходимо согласиться с тем, что «добросовестность» и «недобросовестность» – этически нейтральные явления [28, с. 137]. По нашему мнению, такие подходы в свете изложенного об исследуемом предмете недопустимы. Перечисленные тенденции намеренной деградации и последующей редукции концептуальных основ российского правосознания «добра» и «совести» указывают на возросшую необходимость противодействия данным процессам посредством воспитания и укрепления указанных нравственных начал путем дальнейшего развития в российской правовой системе принципа «добросовестность». Подобные выводы в своих размышлениях отражает А.С. Панарин, отмечая, что «вопрос восстановления духовной власти высших начал совести, нормы и нравственного убеждения есть по истине главный вопрос современности» [16, с. 244]. Придерживаясь идентичной точки зре-

ния, Л.В. Щенникова указала, «что принцип добросовестности должен выступить проводником идеи воспитания в людях качеств правдивости, почтительности, настойчивости, вежливости, доброты» [29, с. 10]. Следовательно, именно категория «добросовестность», согласуясь с потребностями и ценностями российского общества, эффективно реализует в рамках правового воздействия воспитательную функцию, стимулируя участников правоотношений подвергать свои действия сознательному анализу на предмет соответствия их концептам «добра» и «совести», что способствует восстановлению в стране нравственно-правовой культуры.

Как указывает В.Д. Зорькин, «Россия, ее система права все еще находятся в стадии переходного периода. Правовая реформа как необходимое условие этого перехода и дальнейшего развития России предполагает не только реформирование законодательства, судебной системы и других институтов власти, но и трансформацию правосознания – профессионального и обывательского. Будет оправданным утверждение, что главная из реформ, определяющая успех всех остальных, – правовая реформа, итогом которой должна стать соответствующая трансформация правосознания, в России все еще не завершена» [7, с. 451]. Народы и государства держатся только правосознанием своих граждан и своих правителей. И от воспитания его зависит вся будущность России [7, с. 79]. Считаем, что коннотация понятия «добросовестность» в праве путем включения в него традиционных смыслов и доктринального обоснования таких процедур является необходимой. Это позволит постепенно «скорректировать» правосознание и сформировать у населения правильное понимание концепта «добросовестность», направив развитие национального права в традиционное русло.

В одном из своих интервью, приуроченных к широкомасштабным изменениям в уголовном законодательстве страны, заслуженный адвокат Генрих Падва высказался: «Коррупцию нельзя искоренить, ее можно только свести к минимуму, но уголовного кодекса недостаточно. Нужно сделать так, чтобы за определенные действия было стыдно» [9]. Если же учесть, что стыд – это одна из внутренних психологических реакций на бессовестное поведение, то выходит, что укрепление добросовестности в правосознании путем воспитательного воздействия способствует минимизации правонарушений, в т.ч. коррупционных как одних из самых опасных и подавляющих.

По мнению Л.В. Щенниковой, выраженному в одной из работ данного автора, «учитывая принципы добросовестности и справедливости в гражданском законодательстве, мы сможем реально сделать российский рынок цивилизованным» [30, с. 121].

Считаем, что в настоящее время, когда перед страной стоит задача формирования развитого и самодостаточного государства, воспитание добросовестности населения позволит укрепить экономический оборот и основать его на началах, свойственных цивилизационным основам России.

Анализ рассматриваемой категории, учитывая ее правовую природу и многогранное положительное

влияние, оказываемое на российское правосознание и право, позволяет охарактеризовать «добросовестность» как национальное достояние, заслуживающее защиты и охраны, как важнейшую ценность, имеющую значение не только для сохранения и развития подлинной правовой культуры страны, но и для существования российского государства в условиях мировой глобализации.

Литература

1. Баранов В.М. Теория государства и права: учебник / под ред. В.К. Бабаева. М.: Юрист, 2003. 592 с.
2. Безбах В.В. Гражданское право // Развитие русского права во второй половине XIX – начале XX века / В.М. Клеандрова, Л.Е. Лаптева, Е.А. Скрипилев; отв. ред. Е.А. Скрипилев. М.: Наука, 1997. 368 с.
3. Гражданский кодекс РСФСР 1922 года // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901808921> (дата обращения: 10.01.2018).
4. Гражданский кодекс РСФСР 1964 года // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6095.htm (дата обращения: 19.01.2018).
5. Даль В.И. Толковый словарь великорусского языка: в 4 т.; т. 4: С–У. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 576 с.
6. Грибанов В.П. Принципы осуществления гражданских прав // Вестник Московского университета. Серия: Право. 1966. № 3. URL: http://civil.consultant.ru/elib/books/1/page_22.html (дата обращения: 21.01.2018).
7. Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. 2-е изд., доп. М.: Норма, 2008. 592 с.
8. Ильин И.А. Путь духовного обновления / сост., авт. предисл., отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 1216 с.
9. Интервью адвоката Генриха Падвы // Самое важное / Punctum Saliens (Выпуск 09). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=VWyyAdkB59A> (дата обращения: 26.01.2018).
10. Ломакина Л.А. Влияние судебной практики на совершенствование законодательства о дисциплинарной ответственности // Журнал российского права. 2015. № 4. С. 61-66.
11. Насыров Р.В. Человек как самоценность: О формулировке ст. 2 Конституции РФ 1993 г. Барнаул, 2008. 344 с.
12. Об утверждении Положения об адвокатуре РСФСР: Закон РСФСР от 20.11.1980 // Ведомости ВС РСФСР. 1980. № 48. Ст. 1596.
13. Ожегов С.И. Словарь русского языка: около 60 000 слов и фразеологических выражений / под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. 25 изд., испр. и доп. М.: ООО «Издательство Оникс», 2006. 972 с.
14. О кооперации в СССР: Закон СССР от 26.05.1988 № 8998-XI (ред. от 07.03.1991, с изм. от 15.04.1998) // Ведомости ВС СССР. 1988. № 22. Ст. 355.
15. Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 года // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901868109> (дата обращения: 10.01.2018).
16. Панарин А.С. Православная цивилизация в современном мире. М.: Эксмо: Алгоритм, 2001. 541 с.
17. Пилипов В. Так ли плох был домострой. URL: <http://www.12urokovpravoslavie.ru/content/12/10-06.html> (дата обращения: 06.01.2018).
18. Пословицы о совести // Большой сборник пословиц. URL: <http://posloviz.ru/category/sovest> (дата обращения: 25.12.2017).
19. Право в системе социального регулирования. URL: https://textbook.news/osnovyi-prava_816/pravo-sisteme-sotsialnogo-114034.html (дата обращения: 25.12.2017).
20. Проект Гражданского уложения Российской империи. URL: <http://constitutions.ru/?p=4930> (дата обращения: 07.01.2018).
21. Пространная Русская Правда (по Троицкому списку второй половины XIV в.). URL: http://belpc.ru/education/teachers/senchilov/theory/prost_r_p.html (дата обращения: 06.01.2018).
22. Разумов Е.В. Правоприменительная практика совестных судов Российской Империи // Теория и практика общественного развития. 2014. № 17. С. 122-123.
23. Разумов Е.В. Создание и деятельность совестного суда в казанской губернии // Теория и практика общественного развития. 2014. № 16. С. 159-160.
24. Свод Законов Российской империи. Т. X. Ч. 1. СПб., 1900.

25. Сергеева А.В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. 8-е изд. М.: Флинта: Наука, 2012. 320 с.
26. Сорокин В.В. Понятие и сущность права в духовной культуре России: монография. М.: Проспект, 2007. 480 с.
27. Сулипов Р.С. Правовые традиции России: теоретико-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. 28 с.
28. Ульянов А.В. Добросовестность в гражданском праве // Журнал российского права. 2014. № 6. С. 133-140.
29. Щенникова Л.В. Идеология гражданского законодательства // Законодательство. 2010. № 4. С. 10-13.
30. Щенникова Л.В. Справедливость и добросовестность в гражданском праве России (несколько вопросов теории и практики) // Государство и право. 1997. № 6. С. 119-121.
31. Якубчик М.М. Комплексное понятие добросовестности: соотношение с доктриной злоупотребления правом // Журнал российского права. 2012. № 10. С. 107-115.

Административное право и административный процесс

УДК 351.74:342.9

В.В. Головкин, доктор юрид. наук, профессор

Омская академия МВД России

E-mail: golovkovlad@yandex.ru;

М.В. Сергеев

адъюнкт Омской академии МВД России

E-mail: schokscha1@mail.ru

АДМИНИСТРАТИВНАЯ РЕФОРМА В СИСТЕМЕ МВД: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Современный этап деятельности органов внутренних дел Российской Федерации характеризуется качественными изменениями организационной структуры и правовой регламентации. Результаты анализа современной системы подразделений органов государственной власти, осуществляющих охрану общественного порядка и общественную безопасность, дали авторам основание подвергнуть критике существующую организацию охраны общественного порядка относительно обособленными подразделениями. Авторы статьи анализируют зарубежный опыт охраны общественного порядка, вносят предложения по административной реформе органов внутренних дел, в частности подразделений патрульно-постовой службы полиции, дорожно-патрульной службы, вневедомственной охраны Росгвардии, участковых уполномоченных полиции с передачей их функций в Главное управление по охране общественного порядка Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Ключевые слова: полиция, патрульно-постовая служба, дорожно-патрульная служба, организация службы, патрульная служба.

V.V. Golovko, PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: golovkovlad@yandex.ru;

M.V. Sergeev

postgraduate student of Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: schokscha1@mail.ru

ADMINISTRATIVE REFORM IN THE SYSTEM OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS: PROBLEMS AND PROSPECTS

The current stage of the activities of internal affairs bodies of the Russian Federation is characterized by qualitative changes in the organizational structure and legal regulation. The results of the analysis of the modern system of divisions of public authorities engaged in the protection of public order and public safety gave the authors reason to criticize the existing organization of the protection of public order with respect to separate divisions. The authors of the article analyze the foreign experience of public order protection, make proposals on administrative reform of internal affairs bodies, in particular, the units of the patrol and patrol service of the police, the road patrol service, the private security of the Federal National Guard Troops Service, district police officers with the transfer of their functions to the General Directorate for the Protection of Public Order Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Key words: police, patrol service, Highway patrol service, service organization, patrol service.

В современных условиях работы органов внутренних дел МВД России важно отметить, что в ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [10] законодатель четко определил, что полиция предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности. Сотрудники правоохранительных органов охраняют общественный порядок путем организации и несения патрульно-постовой службы на улицах и других общественных местах или реагирования на сведения об угрозах правам и свободам граждан, общественной безопасности или общественному порядку [9, с. 48].

Как и ранее, в настоящее время службу по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности в общественных местах осуществляют: строевые подразделения патрульно-постовой службы полиции (далее – ППС); строевые подразделения дорожно-патрульной службы (далее – ДПС); подразделения и воинские части войск национальной гвардии; участковые уполномоченные полиции (далее – УУП) и другие сотрудники органов внутренних дел, когда они участвуют в организации и несении службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности в общественных местах, в т.ч. при проведении массовых мероприятий.

Привлекается значительное количество сил и средств не только различных подразделений, но и с 2017 г. ведомств. Как результат, возникают значительные проблемы в организации их разумного использования, осуществлении эффективного взаимодействия и контроля за несением службы, своевременном доведении информации об изменениях оперативной обстановки, а в случае необходимости и в оказании помощи. Негативное влияние на уровень взаимодействия и оперативность реагирования оказывает отсутствие в городских отделах (отделениях) полиции субъекта Российской Федерации собственных строевых подразделений.

Проведенное анкетирование сотрудников строевых подразделений ППС, ГИБДД и УУП показало, что лишь 40% респондентов определяют уровень взаимодействия с дежурными частями территориальных подразделений как высокий, 15% – как низкий; среди сотрудников строевых подразделений ОВО Росгвардии высокий уровень определили 34%, низкий – 43%.

Кроме того, 44% опрошенных сотрудников строевых подразделений ППС, ГИБДД отметили, что переподчинение подразделений вневедомственной охраны Росгвардии негативно сказалось на эффек-

тивности охраны общественного порядка (9% отметили положительно и 47% не заметили разницу).

В настоящее время основным документом, содержащим решение о расстановке патрульно-постовых нарядов на длительный период, является план комплексного использования сил и средств по охране общественного порядка (единая дислокация). Комплексность в несении патрульно-постовой службы, по мнению В.В. Гордиенко, позволяет наиболее плотно «закрывать» обслуживаемую территорию в интересах задач всех служб ОВД, наряды которых выполняют свои функции на улицах и других общественных местах [11, с. 117].

Однако, на наш взгляд, как раз специфичность задач, стоящих перед подразделениями, а также существенные различия в компетенции не позволяют комплексность, изложенную в плане единой дислокации, реализовать на практике.

Несомненно, что на качество охраны общественного порядка также влияет существенная разница в полномочиях сотрудников различных служб. В ходе анкетирования 47% респондентов отметили, что в процессе служебной деятельности они встречались со случаями, когда сотрудники полиции не реагировали на правонарушения по причине нежелания заниматься не свойственными им обязанностями.

Можно согласиться с мнением профессора С.В. Дмитриева, который утверждает, что: «...представляется ошибочной ориентация МВД России на формирование ГИБДД как органа, обладающего "исключительной компетенцией" в сфере контроля дорожного движения, и всемерное ограничение соответствующих полномочий других служб милиции, отдалившее их от участия в решении одной из актуальнейших проблем социума. Использование потенциала прочих служб органов внутренних дел позволит существенно сократить численность личного состава подразделений ДПС и сконцентрировать его усилия на обеспечении бесперебойного дорожного движения...» [4, с. 10].

Поддерживая эту точку зрения, необходимо также отметить, что основным видом нарядов строевых подразделений патрульно-постовой службы, дорожно-патрульной службы и вневедомственной охраны является автопатруль (в строевых подразделениях вневедомственной охраны – группа задержания), передвижения этих автопатрулей проходят в основном по одним и тем же маршрутам, выполняя каждый свою специальную задачу, практически друг за другом, что подтверждается проведенным мониторингом движения нарядов наружных служб за дежурные сутки. Объединение сил этих служб позволит, на наш взгляд, повысить эффективность охраны общественного порядка и безопасности граждан.

Кроме того, важно отметить, что одной из основных служб правопорядка в сфере профилактики правонарушений в общественных местах также является служба участковых уполномоченных полиции. Будучи сотрудниками органов внутренних дел, они не ограничены законодательством одним направлением правоохранительной работы, а наделены широким кругом полномочий в различных сферах, в т.ч. обеспечения безопасности дорожного движения. Считаем, что объединение службы участковых уполномоченных полиции с ППС и ДПС значительно повысит уровень борьбы с преступностью в общественных местах.

Необходимость административной реформы основных органов и подразделений МВД России показывает и международный опыт организации охраны общественного порядка и общественной безопасности. Например, в *Казахстане* объединение участковой службы полиции, патрульной и дорожной полиции позволило исключить дублирование нарядов на одном маршруте патрулирования, увеличилась их плотность на улицах и в других общественных местах. Это, в свою очередь, положительно повлияло на своевременность прибытия нарядов полиции к месту происшествия, выявление и пресечение административных правонарушений, раскрытие преступлений по горячим следам и в целом на состояние криминальной ситуации. Аналогичный положительный опыт работы полиции имеется и в России, в частности в Ленинградской области и г. Санкт-Петербурге [2].

В *Соединенных Штатах Америки* в обязанности патрульных полицейских, кроме традиционных (предупреждение преступлений и других правонарушений; расследование преступлений и других правонарушений; поддержание общественного порядка), входит: проведение профилактических мероприятий, устранение нарушений порядка, пресечение преступлений, регулировка и контроль дорожного движения, участие в розыске скрывшихся преступников, сбор информации, необходимой для других отраслевых служб, оказание помощи гражданам в экстренных ситуациях, не связанных с правонарушениями [8, с. 24]. Функции патрульных нарядов не ограничиваются охраной порядка лишь на улицах и в других общественных местах, а распространяются и на жилой сектор [1, с. 17]. Подобная организация охраны общественного порядка в общественных местах (одним подразделением с широкими полномочиями) существует в ряде стран ближнего и дальнего зарубежья (Япония, Великобритания, ФРГ, Украина).

Обратимся к международному опыту организации охраны общественного порядка и общественной безопасности в общественных местах.

В развитых государствах мира обеспечение публичной безопасности путем охраны правопорядка в общественных местах, контроля за соблюдением законов, постановлений и распоряжений органов власти (центральных и местных), оказания помощи отдельным гражданам, когда их жизни, здоровью, имуществу угрожает опасность или нарушаются их гражданские права, а также населению в целом при чрезвычайных обстоятельствах является одной из главных задач полиции и патрульной службы в частности, поскольку последняя в силу своей многофункциональности и универсальности является основной в полицейской системе [11, с. 41]. Применительно к рассматриваемому вопросу интересен опыт *Японии*, где функция охраны общественного порядка осуществляется низовыми звеньями – полицейскими постами и пунктами. Правительство Японии уделяет большое внимание функционированию в населенных пунктах полицейских «будок» (Koban) [8, с. 45]. Они (Koban), как утверждают сами японские авторы, являются «сердцем» полиции. Каждая полицейская будка обслуживает свою территорию и является структурным подразделением полицейского участка [4]. На каждом городском пункте дежурят от трех до пяти сотрудников полиции. Сотрудники патрульно-постовой службы, несущие службу на постах и пунктах Японии, находятся на постоянном патрулировании закрепленной за ними территории, тесно взаимодействуют с каждой семьей, предприятием [8, с. 45]. Такая организация патрульной службы наравне с иными мерами позволяет правоохранительным органам Японии демонстрировать высокие показатели, характеризующие общественный порядок и безопасность.

Административные реформы МВД коснулись и Республики Казахстан. С апреля 2012 г. по апрель 2013 г. на базе ДВД Павлодарской области и УВД города Тараз Республики Казахстан апробирован пилотный проект службы «Универсальный полицейский» путем объединения патрульной и дорожной полиции. Он показал положительные результаты, и руководством МВД Казахстана было принято решение внедрить подобную практику по всей стране [8]. Объединение указанных служб позволило исключить дублирование нарядов на одном маршруте патрулирования, увеличилась их плотность на улицах и в других общественных местах. С 1 ноября 2013 г. дорожная полиция в Казахстане окончательно упразднена. Бывшие инспекторы УДП вошли в состав управлений административной полиции.

В качестве предварительного итога, полагаем, необходимо сделать вывод о создании в системе МВД России на уровне территориального органа единой структуры (строевого подразделения патрульной службы), подчинив ее главному управле-

нию по обеспечению охраны общественного порядка и координации взаимодействия между органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации (далее – ГУООП), объединив в нее как структурно, так и функционально строевые подразделения патрульно-постовой службы полиции, дорожно-патрульной службы, вневедомственной охраны Росгвардии, участковых уполномоченных полиции.

Эти выводы подтверждаются и социологическими исследованиями, проведенными авторами. Так, например, 39% опрошенных положительно оценили возможные результаты объединения сил и средств участковых уполномоченных полиции, дорожно-патрульной службы, патрульно-постовой службы и вневедомственной охраны в одно подразделение, 79% из которых отметили, что это будет способствовать лучшему взаимодействию; 32% опрошенных результаты возможного объединения оценили отрицательно,

наибольший процент отрицательных ответов (63%) дало анкетирование сотрудников дорожно-патрульной службы (для примера ППС – 45%, ОВО – 26%).

Результаты исследования дают нам основание ожидать положительную в целом реакцию сотрудников строевых подразделений на предполагаемые изменения. Предлагаемая нами реорганизация позволит исключить дублирование нарядов на одном маршруте патрулирования, увеличить плотность нарядов на улицах и других общественных местах, исключить случаи отказов в помощи по причине отсутствия соответствующей компетенции, повысить уровень доверия населения к полиции; они также создадут организационные предпосылки для универсализации и систематизации законодательства, регламентирующего деятельность полиции по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности.

Литература

1. Белоусов Н.М., Коновалов Д.Н., Крылов Б.С., Писчасов А.И., Родионов К.С. Патрульно-постовая служба в полициях буржуазных стран: учебное пособие / под ред. Б.С. Крылова. М., 1984. 78 с.
2. Бирюков П.Н. Полиция Японии: общие положения // Евразийский юридический журнал. 2015. № 8 (87). URL: <https://eurasia-law.ru/nashi-rubriki/politsiya-gosudarstv-mira/politsiya-yaponii> (дата обращения: 15.07.2018).
3. Губанов А.В. Полиция Запада: основы деятельности по охране правопорядка. М., 1993.
4. Дмитриев С.Н. Правовые организационные и тактические проблемы деятельности дорожно-патрульной службы Государственной инспекции безопасности дорожного движения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М.: Академия управления МВД России, 2003. 35 с.
5. Заядуллаев М.З. Зарубежный опыт системы охраны общественного порядка и профилактики правонарушений в населенных пунктах // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. М., 2017. № 2.
6. Интернет-словарь Академик. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1320689> (дата обращения: 14.09.2018).
7. Комментарий к Федеральному закону «О полиции» (постатейный) / Ю.Е. Аврутин, С.П. Булавин, Ю.П. Соловей и др. М.: Проспект, 2012. 352 с.
8. Куракин А.В., Костенников М.В., Мышляев Н.П. Правовое регулирование деятельности полиции по профилактике правонарушений в зарубежных государствах // Полицейская деятельность. 2015. № 1.
9. Лупов Д.В. Совершенствование правового обеспечения деятельности граждан по охране общественного порядка // Российский следователь. 2014. № 21.
10. О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.
11. Организация деятельности служб и подразделений полиции по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности: учебник для студентов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. В.В. Гордиенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2014. 463 с.
12. Официальный сайт МВД Республики Казахстан. URL: http://mvd.gov.kz/portal/page/portal/mvd/MVD/mvd_nav_main1/reform (дата обращения: 22.09.2018).

УДК 351.745.5:342.9

А.Г. Гришаков, канд. юрид. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: grischakow@buimvd.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧАСТКОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО ПОЛИЦИИ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ И РАСКРЫТИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИСТЕМ ВИДЕОНАБЛЮДЕНИЯ

Статья детализирует роль участкового уполномоченного полиции в предупреждении административных правонарушений, выявлении, пресечении и раскрытии преступлений, совершенных на территории административного участка, с помощью систем видеонаблюдения. Предлагаются различные варианты правоприменительной деятельности, посредством которых можно увеличить количество камер видеонаблюдения в жилом секторе, что, в свою очередь, окажет позитивное влияние на состояние правопорядка. По замыслу автора активизировать граждан в данном направлении целесообразно при проведении ежегодных отчетов перед населением, а также в процессе профилактического обхода обслуживаемой территории.

Ключевые слова: административный участок, выявление, пресечение и раскрытие преступлений, очевидцы происшествия, задержание, участковый уполномоченный полиции, жилой сектор, лестничная площадка, придомовая территория, парковочные места автотранспорта, подъезд дома, лифт, многоквартирный жилой дом, системы видеонаблюдения, ежегодный отчет, профилактический обход.

A.G. Grischakov, PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: grischakow@buimvd.ru

ACTIVITY OF DISTRICT POLICE OFFICERS IN THE PREVENTION OF ADMINISTRATIVE OFFENSES AND DISCLOSURE OF CRIMES USING VIDEO SURVEILLANCE SYSTEMS

The article details the role of the district police officers in the prevention of administrative offenses, the exposition, suppression and detection of crimes committed in the territory of the administrative district, using video surveillance systems. There are various options for law enforcement, through which they can increase the number of video surveillance cameras in the residential sector, which, in turn, will have a positive impact on the law and order. According to the author's idea, it is expedient to activate citizens in this direction when conducting annual reports to the population, as well as preventive pound a beat.

Key words: administrative area, exposition, suppression and detection of crimes, witnesses of the incident, detention, district police officer, residential sector, staircase, house territory, parking spaces of vehicles, house entrance, elevator, apartment building, video surveillance systems, annual report, preventive pound a beat.

Участковый уполномоченный полиции принимает активное участие в выявлении, пресечении и раскрытии преступлений, совершенных на территории административного участка. Ведомственным нормативным правовым актом [1] на него возложен определенный алгоритм действий, который он обязан выполнить при поступлении информации о происшествии. Так, при получении сообщения о преступлении участковый уполномоченный полиции немедленно докладывает о происшествии оперативному дежурному территориального органа МВД России, после чего устанавливает обстоятельства его совершения, выясняет состояние пострадавшего, устанавливает данные заявителя, возможных очевидцев.

Анализ правоприменительной практики органов внутренних дел показывает, что большинство преступлений совершается в малолюдных местах жилого сектора (в подъездах, лифтах, не освещенных частях придомовой территории многоквартирных домов, гаражах и т.д.), вследствие чего отсутствуют очевидцы происшествия, которые могли бы предоставить информацию о правонарушителе. При этом пострадавший, как правило, находится в стрессовом состоянии и не может дать описание внешности нападавшего, вспомнить какие-либо особые приметы, его одежду или в каком направлении он скрылся.

Очевидно, что без описания внешности и предметов одежды подозреваемого задержать виновное лицо по горячим следам или установить его личность и раскрыть преступление позже практически невозможно. В этой связи перед участковым уполномоченным полиции встает весьма проблематичный вопрос, связанный с идентификацией лица, совершившего преступление, определением его местонахождения и задержанием.

Полагаем, что преступления против личности, общественной безопасности и общественного порядка могут быть оперативно раскрыты с использованием всевозможных технических систем видеофиксации и наблюдения. В частности, к таким системам относятся различные виды камер видеонаблюдения, установленные в многоквартирных домах жилого сектора, на территории образовательных организаций, вдоль периметра предприятий, учреждений и организаций, расположенных на административном участке.

В целях выяснения реального положения дел в данной сфере нами был проведен опрос 163 старших участковых (участковых) уполномоченных полиции¹, проходящих службу в территориальных органах МВД России Республик Алтай и Хакасия, Алтайско-

го и Красноярского краев, Кемеровской, Новосибирской и Томской областей².

Перед интервьюированием для респондентов был подготовлен перечень вопросов, связанных с размещением систем видеонаблюдения на административном участке, предложены различные варианты ответов, дана возможность выразить «иное мнение». На вопрос «Имеются ли на территории вашего административного участка какие-либо системы видеонаблюдения, о которых вы знаете?» 96,7% опрошенных ответили положительно, при этом 64,2% указали, что в преобладающем большинстве многоквартирных домов жилого сектора таких систем не установлено.

В то же время 91,5% респондентов пояснили, что им неоднократно приходилось использовать записи с систем видеонаблюдения, установленных на территории административного участка при выяснении обстоятельств какого-либо происшествия, 8,5%, в свою очередь, отметили, что не прибегали к таким источникам информации. Кроме этого, в процессе анкетирования 98,3% участковых уполномоченных полиции на вопрос «Известны ли им случаи, при которых преступления были раскрыты с использованием систем видеонаблюдения?» дали положительный ответ, и только 1,7% затруднились ответить. Наконец, на вопрос «Должен ли участковый уполномоченный полиции владеть информацией о системах видеонаблюдения, находящихся на обслуживаемой территории?» большинство опрошенных (99,8%) выбрали вариант ответа «да».

На наш взгляд, участковый уполномоченный полиции должен регулярно осуществлять мониторинг в рассматриваемой сфере и обновлять информацию о системах видеонаблюдения, находящихся на обслуживаемой территории. Как показывает практика, при совершении противоправного деяния, зафиксированного такой системой, у сотрудника полиции будет не только изображение подозреваемого лица, позволяющее произвести его идентификацию и задержание, но и необходимые доказательства для последующего привлечения виновного к юридической ответственности.

К сожалению, в последние годы системы видеонаблюдения не нашли широкого применения у граждан, и связано это прежде всего с высокой себестоимостью видеооборудования, блоков записи и хранения информации, кабельных коммуникаций, а также расходов на проектную документацию, монтаж и текущее обслуживание. Кроме этого, учитывая, что решение об установке видеонаблюдения в соответствии с действующим российским законодатель-

¹ Возраст респондентов от 24 до 38 лет, образование среднее специальное и высшее, стаж службы в органах внутренних дел от 1 года до 17 лет.

² Сотрудники полиции, проходившие обучение в Барнаульском юридическом институте МВД России на факультетах заочного обучения, переподготовки и повышения квалификации, профессиональной подготовки в 2017-2018 гг.

ством [3] должно приниматься на общем собрании собственников жилых помещений (не менее 50% от общего числа голосов), зачастую граждане не могут прийти к единому мнению о необходимости установки данных систем в своем доме.

Между тем в настоящее время ситуация с установкой видеонаблюдения в жилом секторе стала меняться в лучшую сторону, т.к. граждане стали более осознанно относиться к своей личной и имущественной безопасности. Кроме того, в новостройках большинство «застройщиков» при сдаче в эксплуатацию жилых помещений в целях обеспечения безопасности проживающих лиц предлагают собственникам различные системы видеонаблюдения, которые граждане, как правило, согласны установить на лестничных площадках, в лифтах, подъездах и на прилегающей территории многоквартирного дома.

В данном случае участковый уполномоченный полиции после заселения многоквартирного жилого дома обязан выяснить количество и вид камер видеонаблюдения, места их установки, а также порядок доступа к полученной информации ее использования, хранения и уничтожения. Таким образом, располагая сведениями о видеофиксации определенной территории или конкретных мест жилого сектора, у участкового уполномоченного полиции при совершении на территории административного участка преступления или административного правонарушения будет реальная возможность установить личность подозреваемого и принять соответствующие меры для его задержания и привлечения к ответственности.

Принимая во внимание изложенное, можно констатировать, что участковый уполномоченный полиции в целях обеспечения на административном участке общественного порядка и общественной безопасности должен использовать все имеющиеся у него возможности по увеличению количества систем видеонаблюдения в жилом секторе. Представляется, что активизировать граждан в данном направлении участковый уполномоченный полиции может при проведении ежегодных отчетов перед населением и в процессе ежедневного профилактического обхода обслуживаемой территории.

Так, во время отчета при доведении статистической информации о совершенных в районе преступлениях и правонарушениях следует обращать внимание присутствующих на количество задержанных лиц, скрывшихся с места происшествия и установленных впоследствии при просмотре записей видеонаблюдения. В то же время уместно привести ситуации, при которых преступления были совершены в местах, не оснащенных системами видеонаблюдения, и остались нераскрытыми вследствие отсутствия свидетелей и очевидцев происшествия.

Наряду с этим целесообразно привести имеющиеся данные других многоквартирных жилых домов микрорайона, в которых граждане по своей инициативе установили системы видеонаблюдения в подъездах и на придомовых территориях, разместили предупреждающие информационные таблички о ведении видеонаблюдения в жилой зоне, что в целом положительно повлияло на улучшение криминогенной обстановки. Также будет уместно довести информацию об организациях, оказывающих услуги по монтажу и плановому обслуживанию систем видеонаблюдения, положительно зарекомендовавших себя в данной сфере деятельности. Кроме этого, следует предоставить контактную информацию председателей ТСЖ¹, ТСН² или иных уполномоченных собственниками жилья лиц (старших по подъездам или домам), которые могут поделиться положительным опытом по установке рассматриваемых систем видеонаблюдения и рекомендовать конкретных специалистов в рассматриваемой области.

Здесь же нам представляется необходимым акцентировать внимание присутствующих граждан на выборе в многоквартирном жилом доме и на прилегающей к нему территории наиболее оптимальных мест для размещения камер видеонаблюдения. При этом участковый уполномоченный полиции в рамках правового информирования обязан разъяснить, что установленные в доме камеры видеонаблюдения не должны нарушать право граждан на частную жизнь, гарантированное Конституцией Российской Федерации³. Более того, следует обратить внимание собственников жилья, что законодательством запрещено устанавливать и использовать скрытые видеокамеры (технические средства для негласного визуального наблюдения) [6].

В процессе ежедневного профилактического обхода закрепленной территории участковый уполномоченный полиции также может проводить активную работу по увеличению количества систем видеонаблюдения. Например, следует разъяснять председателям ТСЖ или ТСН целесообразность установки камер видеонаблюдения по периметру придомовой территории многоквартирного дома с обзором парковочных мест автотранспорта. По нашему мнению, для обоснования необходимости размещения такой системы видеонаблюдения вполне уместно привести данные по району или городу о фактах хищения, уничтожения и повреждения автотранспорта граждан в жилой зоне.

Особое внимание граждан следует обратить на участвовавшие случаи уничтожения легковых автомобилей посредством умышленных поджогов в

¹ Товарищество собственников жилья.

² Товарищество собственников недвижимости.

³ Статьи 23-24.

ночное время суток. Практика показывает, что при совершении указанных преступлений уничтожается не только транспортное средство, ставшее объектом посягательства, но и другие автомобили, находящиеся поблизости. Вполне очевидно, что при совершении рассматриваемых деяний ставится под угрозу не только общественный порядок и безопасность на территории административного участка, но и причиняется значительный имущественный ущерб владельцам транспорта.

Не секрет, что большинство автовладельцев из-за высокой стоимости полисов добровольного страхования по риску «КАСКО»¹, как правило, ограничиваются полисом обязательного страхования «ОСАГО» [5], действие которого распространяется только на вред, причиненный в результате эксплуатации транспортного средства в пределах дорог, а также на прилегающих к дорогам и предназначенных для движения транспортных средств территориях [4]. Следовательно, в случае умышленного поджога автомобиля, припаркованного во дворе жилого дома, потерпевший не может получить каких-либо страховых выплат за полную утрату своего имущества. Более того, при отсутствии свидетелей и очевидцев такого деяния установить личность преступника практически невозможно, в связи с чем потерпевший не может реализовать свое право на возмещение имущественного ущерба в судебном порядке.

Также участковый уполномоченный полиции может рекомендовать установить систему видеонаблюдения в случаях совершения на территории домовладений административных правонарушений и преступлений в области незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Ранее в своих научных работах мы уже обращали внимание, что чаще всего потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача происходит в притонах, жилищах правонарушителей, в иных «скрытых» местах, исключающих вероятность появления там граждан или сотрудников полиции [2, с. 46].

Ярким примером таких мест могут служить подъезды, чердаки и подвалы многоквартирных жилых домов, территории, прилегающие к гаражным кооперативам. Кроме этого, объекты жилого сектора очень часто используются при бесконтактном распространении наркотических средств или психотропных веществ с использованием сети Интернет посредством так называемых «закладок», которые исключают непосредственный контакт между «потребителем» и «сбытчиком».

Поэтому зачастую «закладки» размещают в подъездах многоквартирных домов, к примеру в электрощитах лестничных площадок, электрических выключателях, почтовых ящиках, пластиковых окнах, подоконниках, цветочных горшках, в районе подвальных или чердачных люков, за решетками лифтовых шахт или информационными рекламными щитами, под перилами, в щитах кабельного телевидения или интернета [2, с. 47]. Между тем большинство подъездов многоквартирных жилых домов имеют домофоны и электронные замки, которые частично ограничивают доступ посторонних лиц. В связи с этим «закладки» оставляют на детских площадках, в цветочных клумбах, кустарниках, гаражах, погребах, водосточных трубах, вблизи мусорных баков.

Наконец, участковый уполномоченный полиции может обосновать целесообразность установки систем видеонаблюдения на лестничных площадках жилого дома в целях предупреждения квартирных краж и иных правонарушений в отношении проживающих там граждан. Представляется, что грамотно построенная работа с председателями ТСЖ и ТСН, старшими по домам и подъездам позволит значительно увеличить количество систем видеонаблюдения в многоквартирных домах и на прилегающих к ним территориях, что, в свою очередь, положительно скажется на общей профилактике преступлений и административных правонарушений.

Несомненный интерес для участкового уполномоченного полиции будут представлять и системы видеонаблюдения, установленные на территории образовательных организаций, вдоль периметра предприятий, учреждений и организаций всех форм собственности, расположенных на административном участке, о которых мы указали ранее.

На сегодняшний день в большинстве образовательных организаций (дошкольных, общеобразовательных, профессиональных, а также высшего, дополнительного и дополнительного профессионального образования) системы видеонаблюдения размещены как внутри зданий, так и на прилегающих территориях. Исходя из этого, представляется, что сотрудник полиции должен владеть необходимой информацией о радиусе обзора видеокамер, наличии «мертвых зон», исключающих фиксацию определенных участков местности, времени суток, в течение которого осуществляется видеозапись, а также сроках хранения информации на цифровых носителях.

Если в образовательной организации отсутствуют рассматриваемые системы видеонаблюдения, участковый уполномоченный полиции при встрече с руководителями обязан проводить разъяснительную работу, направленную на мотивирование должностных лиц к установке соответствующих технических видеосистем в целях обеспечения безопасности на-

¹ Вид страхования транспортных средств, предусматривающий возмещение убытков, в т.ч. и при полной фактической или конструктивной гибели автомобиля.

ходящихся там лиц. Напомним, что статистика последних лет, к сожалению, содержит данные о различных преступлениях, совершенных на территории образовательных организаций, в т.ч. связанных с гибелью обучающихся¹.

Особую ценность имеют также системы видеонаблюдения, установленные по периметру предприятий, учреждений и организаций, расположенных на обслуживаемой территории. Полагаем, что участковый уполномоченный полиции должен по аналогии владеть информацией об имеющихся камерах видеонаблюдения и в случае совершения преступлений или административных правонарушений на прилегающей к объектам территории обращаться к

руководителям с просьбой предоставления видеозаписей для просмотра.

В завершение необходимо отметить, что участковый уполномоченный полиции вносит существенный вклад в выявление, пресечение и раскрытие преступлений. При этом в рамках административной деятельности органов внутренних дел он реализует целый комплекс различных профилактических мероприятий, среди которых в приоритетных направлениях должны оставаться мониторинг систем видеонаблюдения, находящихся на территории административного участка, а также правовое информирование граждан по вопросам установки указанных систем в жилом секторе.

Литература

1. Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 31 декабря 2012 г. № 1166. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Гришаков А.Г. Административная деятельность участкового уполномоченного полиции по противодействию незаконному потреблению и обороту наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов // Алтайский юридический вестник. 2018. № 3 (23).
3. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 58 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 4.
5. Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств: федеральный закон от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 18. Ст. 1720.
6. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс]: федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ 17 октября 2018 г. в политехническом колледже в г. Керчи произошли взрыв и стрельба, в результате погиб 21 человек (URL: <https://tass.ru/proisshestiya/5685002>).

УДК 342.92

Ю.А. Кригер, канд. юрид. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: y.aleks@list.ru;

Е.А. Федяев

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: fea55@mail.ru

ОБЖАЛОВАНИЕ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В ЭЛЕКТРОННОМ ВИДЕ

В статье проводится анализ законодательства, регулирующего порядок подачи жалобы на постановление по делу об административном правонарушении. Авторами исследуются проблемы, возникающие при реализации конституционного права на обжалование в ходе производства по делу об административном правонарушении. Рассматриваются правовые предпосылки возможности подачи жалобы по делу в электронной форме. Анализируется существующая судебная практика по исследуемой проблеме, обозначается ряд противоречий, существующих в действующем законодательстве, наличие которых препятствует обжалованию дел об административных правонарушениях в электронной форме. Авторами сделан вывод о том, что требуется законодательное урегулирование вопроса о порядке подачи жалобы на постановление по делу об административном правонарушении в форме электронного документа. Введение подобной формы отвечает соответствующим потребностям общества, технически возможно и будет востребовано гражданами.

Ключевые слова: обращение, жалоба, административное производство, формы подачи жалобы, электронное обжалование, электронный документ.

Yu.A. Kriger, PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: y.aleks@list.ru;

E.A. Fedyaev

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: fea55@mail.ru

THE APPEAL OF RESOLUTIONS ON CASES ON ADMINISTRATIVE OFFENSES IN ELECTRONIC FORMAT

The article analyzes the legislation governing the procedure for filing a complaint against a decision on an administrative offense case. The authors study the problems arising in the exercise of the constitutional right to appeal in the course of the proceedings of an administrative offense. The legal background for the possibility of filing a complaint in a case in electronic format is considered. The existing judicial practice on the studied problem is analyzed, a number of contradictions existing in the current legislation are indicated, the presence of which prevents the appeal of cases of administrative offenses in electronic format. The authors concluded that legislative regulation of the procedure for filing a complaint against a decision on an administrative offense in the form of an electronic document is required. The introduction of this form meets the needs of society, it is technically possible and will be in demand by citizens.

Key words: appeal, complaint, administrative proceedings, forms of filing a complaint, electronic appeal, electronic document.

Одной из стадий производства по делам об административных правонарушениях является пересмотр постановлений и решений, который позволяет реализовывать одно из важнейших прав, предусмотренных Конституцией Российской Федерации, – право на обжалование [7]. Жалоба на постановление по делам об административных правонарушениях служит одним из способов защиты прав граждан в ходе административного производства.

В соответствии с федеральным законом от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» жалоба представляет собой один из видов обращений граждан, заключающийся в просьбе гражданина о восстановлении или защите его нарушенных прав, свобод или законных интересов либо прав, свобод или законных интересов других лиц [10]. Статья 7 указанного закона обязывает должностных лиц рассматривать обращения, поступившие в электронной форме. Таким образом, теоретически препятствий для обжалования в электронной форме не имеется. Вместе с тем в ст. 11 анализируемого закона, регламентирующей особенности рассмотрения отдельных обращений, указано, что «обращение, в котором обжалуется судебное решение, в течение семи дней со дня регистрации возвращается гражданину, направившему обращение, с разъяснением порядка обжалования данного судебного решения». Данное положение фактически приводит нас к выводу о невозможности электронного обжалования как минимум судебных решений. Кроме того, законодательно не оговаривается возможность подачи жалобы в электронной форме при рассмотрении дела должностным лицом в рамках административного производства. Столкнувшись с подобной ситуацией (обжалованием постановления (решения) в электронной форме), правоприменители, в т.ч. сотрудники органов внутренних дел, вынуждены придерживаться порядка, применяемого судами.

При рассмотрении жалобы должностное лицо руководствуется положениями соответствующих федеральных законов, регулирующих порядок обжалования. Право на обжалование и порядок обжалования в рамках рассматриваемой стадии производства по делам об административных правонарушениях закреплены в главе 30 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [6]. Однако соответствующие его положения прямо не предусматривают возможности подачи жалоб на постановления по делам об административных правонарушениях в электронном виде, в отличие от Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (ст. 45) [5; 16, с. 252-259; 9, с. 251-254], Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ст. 3) [2; 4,

с. 482-485; 8, с. 100-103] и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (ст. 474.1) [17; 1, с. 57-61; 18, с. 213-217]. Процедуры реализации обжалования в электронной форме в рамках указанных нормативных правовых актов становятся объектами для изучения. Вместе с тем отсутствует достаточное количество исследований по затронутой нами проблеме.

Обратимся к судебной практике по исследуемому вопросу. Прилузский районный суд Республики Коми при рассмотрении жалобы гражданина Е. о привлечении его к административной ответственности по ч. 1 ст. 19.4 КоАП РФ установил, что гражданин подал несколько жалоб в форме электронного документа с помощью формы, размещенной на сайте суда [14]. Суд указал, что КоАП РФ и приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27 декабря 2016 г. № 251 [12] не предусматривают подачи жалобы в электронном виде по делу об административном правонарушении. Одновременно в определении справедливо указано, что в соответствии со ст. 6 Федерального закона № 63-ФЗ «Об электронной подписи» информация в электронной форме, подписанная квалифицированной электронной подписью, признается электронным документом, равнозначным бумажному, подписанному собственноручно [13]. Данное правило не действует, если федеральными законами или принимаемыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами установлено требование о необходимости составления документа исключительно на бумажном носителе. В отношении иных видов электронной подписи признание их равнозначными документу на бумажном носителе, подписанному собственноручной подписью, возможно только в случаях, установленных федеральными законами, принимаемыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами или соглашением между участниками электронного взаимодействия. Поскольку поданные гражданином Е. жалобы на постановление мирового судьи Прилузского судебного участка не содержали квалифицированной электронной подписи, мировой судья пришел к выводу о том, что жалобы Е. не подписаны, и возвратила их в адрес заявителя письмом [14].

Судебная практика Верховного Суда Российской Федерации ставит окончательную точку в данном вопросе. Гражданка Т. обжаловала в суд решение о привлечении ее к ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 4 ст. 12.16 КоАП РФ, подав жалобу на постановление должностного лица и решение судьи районного суда. Жалоба была подана в электронном виде посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте суда в разделе «Подача процессуальных документов в электронном виде» в инфор-

мационно-телекоммуникационной сети Интернет. В рассмотрении жалобы гражданке было отказано. По данному делу Верховный Суд Российской Федерации сформулировал следующую правовую позицию: КоАП РФ не предусмотрена возможность подачи документов, обращений, жалоб на состоявшиеся по делу об административном правонарушении акты в электронном виде, в т.ч. в форме электронного документа, подписанного электронной подписью. По смыслу положений, закрепленных в главе 30 КоАП РФ, жалоба на состоявшиеся по делу об административном правонарушении акты подлежит подаче в вышестоящий суд на бумажном носителе [15].

Указанная правовая позиция вступает в прямое противоречие, например, с «Инструкцией об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации» [11]. Согласно преамбуле указанного приказа данная Инструкция определяет сроки и последовательность действий при рассмотрении обращений в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации в соответствии с федеральным законом от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». Далее пунктом 27.1 Инструкции регламентируется, что к рассмотрению принимаются обращения, направленные в том числе посредством официальных сайтов.

Однако, учитывая изложенную выше позицию Верховного Суда Российской Федерации, органы МВД России отказывают в рассмотрении жалоб на постановления по делам об административных правонарушениях, поданных посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет. При этом Инструкция устанавливает исчерпывающий перечень информации, которую в обязательном порядке должно содержать интернет-обращение: фамилию, имя, отчество (последнее – при наличии) гражданина и адрес электронной почты, если ответ или уведомление должны быть направлены в форме электронного документа, или почтовый адрес, если ответ или уведомление должны быть направлены в письменной форме. Требование о необходимости наличия какой-либо электронной подписи отсутствует.

Учитывая современное развитие информационных технологий, существование Портала государственных и муниципальных услуг Российской Федерации, функционирование соответствующих разделов на сайтах государственных органов власти дает возможность подавать обращения в электронной форме, что позволит гражданам более эффективно реализовывать свое право на обжалование с минимальными затратами времени и труда.

Использование электронных способов подачи обращений имеет ряд положительных аспектов. Так, это способствует снижению издержек, сокращению

документооборота, позволяет более эффективно соблюсти процессуальные сроки, уменьшает время обработки обращений и позитивно воспринимается гражданами. В то же время есть и негативный аспект – внедрение электронных форм с учетом огромного количества ежегодно привлекаемых к административной ответственности может повлечь рост нагрузки на должностных лиц ввиду большей доступности подобного способа обжалования, что, впрочем, относится к разряду неправовых проблем.

Анализ всех вышеуказанных норм в их взаимосвязи позволяет сделать ряд выводов:

- во-первых, четко прослеживается ряд противоречий, поскольку у законодателя и правоприменителя отсутствует единое понимание процедуры и порядка подачи жалобы на постановления (решения) по делам об административных правонарушениях в электронной форме;

- во-вторых, наличие коллизии правовых норм, когда в одном федеральном законе указывается на право подачи обращения в электронной форме, а в другом говорится только о подаче лично в письменной форме, что, помимо вышеуказанного, противоречит приравнению квалифицированной электронной подписи как выполненной собственноручно;

- в-третьих, не прослеживается единый системный подход законодателя, демонстрируемый в других указанных нами кодексах, нормы которых предусматривают форму подачи жалобы в электронном виде;

- в-четвертых, такая нечеткая законодательная конструкция существенно затрудняет реализацию прав граждан и приводит к реальной возможности их нарушения.

Таким образом, требуется законодательное регулирование вопроса о порядке подачи жалобы на постановление по делу об административном правонарушении, в т.ч. в форме электронного документа. Введение подобной формы отвечает соответствующим потребностям общества, технически возможно и будет востребовано гражданами.

В настоящее время в Государственную Думу Российской Федерации поступил законопроект о внесении изменений в статью 30.2 КоАП РФ [3], суть которого заключается в том, что предлагается установить две формы подачи жалобы – на бумажном носителе и в форме электронного документа. При этом уточняются способы ее подачи. Так, жалоба на бумажном носителе может быть подана посредством личного обращения или по почте заказным почтовым отправлением. Что касается жалобы в форме электронного документа, то в законопроекте предлагается:

- во-первых, направление жалобы на электронную почту компетентного органа или посредством заполнения формы на официальном сайте такого ор-

гана в информационно-телекоммуникационной сети Интернет с использованием электронной подписи в порядке, установленном законодательством Российской Федерации;

- во-вторых, направление жалобы с использованием Единого портала государственных и муниципальных услуг в форме электронного документа, подписанного простой электронной подписью, при условии регистрации лица, подающего жало-

бу, в единой системе идентификации и аутентификации.

Предлагаемый подход является своевременным и позволит унифицировать порядок подачи жалоб на постановления об административных правонарушениях, что упростит порядок направления таких жалоб, оптимизирует работу правоприменительных органов и обеспечит возможность соблюдения прав граждан на обжалование.

Литература

1. Андреева О.И., Зайцев О.А. Перспективы ведения российского уголовного судопроизводства в электронном формате // Уголовная юстиция. 2018. № 12.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ. Опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.12.2018).
3. Законопроект № 608427-7 «О внесении изменения в статью 30.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». Опубликован на официальном сайте системы обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество». Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/608427-7>.
4. Кирвель И.Ю. Проблемные аспекты электронной формы обращения в суд // Теоретико-прикладные проблемы реализации и защиты субъективных прав в контексте инновационного социально-экономического развития общества: тезисы докладов международной научно-практ. конф-ции, посвященной памяти профессора Н.Г. Юркевича. Минск, 2018. С. 482-485.
5. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ. Опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.12.2018).
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 16.01.2019). Опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.12.2018).
7. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993. Опубликована на Официальном интернет-портале правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.12.2018).
8. Кулик Т.Ю. Использование информационно-коммуникационных технологий в гражданском и арбитражном процессе // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 9 (100).
9. Маркова А.Ю., Юлбердина Л.Р. Проблемы и перспективы обращения в суд в электронной форме // Аллея науки. 2017. Т. 4. № 16.
10. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 19. Ст. 2060.
11. Об утверждении Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 12 сентября 2013 г. № 707 // Российская газета. 2014. 17 янв. № 9.
12. Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа [Электронный ресурс]: приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27 декабря 2016 г. № 251. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
13. Об электронной подписи: федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 15. Ст. 2036.
14. Определение № 12-237/17 12-42/2017 от 20 июня 2017 г. по делу № 12-42/2017. Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). URL: <http://sudact.ru/regular/doc/VsGK98ExygdO>.
15. Решение Верховного Суда РФ от 27 сентября 2018 г. № 53-ААД18-10 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
16. Тульская О.В. Актуальные проблемы применения электронных документов в административном судопроизводстве // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 2.

17. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Опубликовано на Официальном интернет-портале правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.12.2018).

18. Шестак В.А. О современной практике применения судами законодательства, регулирующего использование электронных документов в ходе уголовного судопроизводства // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 3 (38).

Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право

УДК 343.985.5:343.97

И.В. Ботвин, канд. юрид. наук

Барнаулский юридический институт МВД России

E-mail: botviniv@mail.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПНОСТИ

В статье исследуются вопросы, связанные со спецификой оперативно-разыскной профилактики в регионах Российской Федерации. В частности, рассматриваются понятие, сущность, цели и основные направления оперативно-разыскной профилактики. Автором предлагаются меры по повышению эффективности деятельности оперативных подразделений в обозначенной сфере.

Ключевые слова: преступность, профилактика, региональная криминология, оперативные подразделения, оперативно-разыскная информация.

I.V. Botvin, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: botviniv@mail.ru

REGIONAL FEATURES OF OPERATIONAL-INVESTIGATIVE PREVENTION OF CRIME

The issues related to the specifics of operational-investigative prevention in the regions of the Russian Federation are investigated. In particular, it examines the concept, nature, objectives and main directions of operational-investigative prevention. The author proposes measures to improve the efficiency of operational units in the designated area.

Key words: crime, prevention, regional criminology, operational units, operational-investigative information.

Профилактика в деятельности ОВД (в т.ч. в оперативных подразделениях) начала разрабатываться в науке только с конца пятидесятых годов. Первая концепция предупредительной деятельности ОВД была сформулирована в диссертационном исследовании А.Г. Лекаря [3, с. 21]. Это научное исследование было положено в основу формирования первого нормативного правового акта Министерства внутренних дел, который определял организационно-тактические положения предупреждения преступлений органами милиции [4].

В настоящее время оперативно-разыскная профилактика подразумевает сбор сведений о криминально активных гражданах (близких связях членов организованных преступных формирований, судимых ранее наркоманах, бытовых дебоширах, членов групп с антиобщественной устремлённостью и тому подобное), уровне исправления, связях, криминальном опыте, намерениях, их личностных особенностях и системе социальных взаимоотношений. Комплекс сведений, которые дают возможность делать неблагоприятные выводы, т.е. прогнозы о возможности преступного поведения, указывает на необходимость установления оперативного наблюдения за теми, кто сохраняет криминальную активность.

В процессе выполнения мер оперативно-разыскной профилактики сотрудниками оперативных подразделений региональных управлений МВД России используется особенная тактика получения и применения оперативно-разыскной информации.

Следует отметить, что реализация такой профилактической деятельности требует знаний из сферы криминологии, педагогики, социологии, психологии, наличие умений делать прогнозы развития криминальной ситуации и индивидуального преступного поведения.

Специфичность оперативно-разыскной профилактики для региона состоит в следующем:

- осуществляется оперативно-профилактическое наблюдение за гражданами, которые находятся на профилактическом учёте, поскольку существует большая степень вероятности их преступного поведения;
- обеспечивается эффективность индивидуальной профилактики благодаря оперативной осведомлённости о лицах, которые могут встать на путь совершения преступных посягательств, и индивидуальных особенностях таких лиц;
- фиксируется круг местных (региональных) криминально активных жителей с целью дальнейшего проведения оперативно-разыскных мероприятий по фиксации преступной деятельности и по раскрытию преступлений;
- негласная проверка лиц, прибывших в регион, на обладание признаками преступников, которых ра-

зыскивают, и причастность к совершенным в субъекте РФ преступлениям;

- анализируются отдельно взятые категории лиц, которые представляют оперативный интерес, связи этих людей, образ их жизни, их поведение и преступный опыт для получения оснований к применению мер профилактики или для формирования дел оперативного учета.

Сочетание целей профилактики с регулярной проверкой лиц, которые находятся под оперативно-профилактическим наблюдением, проведение среди них организационно-разыскных мероприятий для поиска преступников считаются специфическим признаком оперативно-разыскной профилактики.

Это даёт возможность сотрудникам оперативных подразделений в регионах быть в постоянной осведомлённости о криминально активных лицах, вовремя проводить оперативную разработку преступников с применением всех имеющихся информационных средств, которые были собраны при выполнении мер оперативно-разыскной профилактики, а также полученных в ходе оперативно-разыскного прогнозирования.

Зачастую в рамках оперативной разработки сотрудники оперативных подразделений получают информацию, которая не всегда может быть использована без предварительного документирования и принятия мер к сокрытию её источников. Только после принятия комплекса мер она применяется в методах общей профилактики региона, предполагающей:

- ликвидацию условий, которые способствуют формированию личности правонарушителя;
- ликвидацию вероятности появления обострённых конфликтных ситуаций во взаимоотношениях между людьми;
- ликвидацию условий, которые облегчают совершение преступлений на определённых объектах региона;
- пресечение посягательств на общественный порядок и безопасность граждан в общественных местах.

В процессе оперативно-разыскной профилактики решают задачи применения оперативно-разыскной информации в индивидуально-профилактических и общепрофилактических целях. В связи с этим является проблема легализации информации, т.е. её ввода в официальную процедуру профилактики. Для данной легализации нужно документирование, содержание которого можно определить двумя видами оперативно-разыскной информации профилактического назначения:

1. Информация ориентирующего назначения, которая имеет важное значение для выбора профилактических мер. Такая информация показывает на негативные обстоятельства, которые нужно устранить,

изменить либо нейтрализовать методами общей профилактики либо опосредованно через изучение личности преступника и среды.

Такой вид информации входит в процедуру индивидуальной профилактики и осведомляет оперативного работника об особенностях личности профилактируемого, его намерении, реакции на принимаемые меры, о возможных связях (в т.ч. межрегиональных), о местах концентрации преступного элемента. Она может применяться оперуполномоченным для внедрения в преступные группировки, а также ослабления авторитета криминально активных осуждённых и отрыва от привычной для них криминальной среды [6, с. 317-321].

Индивидуально-профилактическая работа ведётся дифференцированно, учитывая характер, степень общественной опасности посягательства, которое было совершено осуждённым, и сведения о его поведении. Если информация приходит из негласных источников, порядок применения этой информации подразумевает шифровку источников и методов её получения.

2. Информация, которая используется в индивидуально-профилактических мероприятиях (личные профилактические беседы, обсуждения в коллективе, использование мер административного воздействия, подрыв авторитета лидеров группировок с антиобщественной направленностью, перевод в иные колонии и пр.).

Данный вид информации внедряют в процедуру профилактики при помощи специальных приёмов, при этом документирование даёт возможность получения официальных материалов – поводов для профилактического вмешательства. В рамках индивидуальной профилактики достигают и других целей оперативно-разыскной профилактики, а документирование даёт возможность закреплять информацию, которая применяется в раскрытии преступлений и поиске преступников.

Результаты изучения практики Алтайского края говорят нам о том, что процедура документирования в предупредительных целях не подразумевает сложные оперативно-тактические мероприятия (как в случае доказательства преступной деятельности). Основаниями для профилактического вмешательства служат объяснения, а также акты о правонарушениях, которые составлены сотрудниками исправительных учреждений; заявления о конфликтах, в ходе которых нарушаются личные интересы осуждённых.

Из практики деятельности оперативных сотрудников ГУ МВД России по Алтайскому краю также установлено, что лишь при наличии благоприятной криминогенной обстановки у оперуполномоченных имеется возможность уделять внимание обеспечению индивидуальной профилактики, что в конечном

результате влияет на рост оперативной осведомленности и на получение новой информации, которая активно применяется при раскрытии преступлений, розыске преступников и решении прочих оперативно-разыскных задач. Однако криминогенную обстановку последних пяти лет в крае благоприятной назвать очень сложно, поэтому в Алтайском крае, как и в большинстве регионов, на индивидуальную оперативно-разыскную профилактическую работу у оперуполномоченных времени не остается.

Таким образом, основная нагрузка по осуществлению специально-профилактических мероприятий ложится на оперативных сотрудников, которые в том числе осуществляют сбор, обобщение и анализ информации:

- о состоянии оперативной обстановки на обслуживаемой территории;
- структуре, динамике и уровне преступности, тенденциях ее развития;
- статистических данных по преступлениям интересующей группы и т.п.

Повышение эффективности деятельности оперативных подразделений Алтайского края по выявлению, раскрытию корыстных преступлений и привлечению виновных к уголовной ответственности – одно из серьезных направлений оперативно-разыскной профилактики, поскольку высокая латентность и низкая раскрываемость этих преступных посягательств становятся причиной безнаказанности корыстных преступников и способствуют росту данного вида преступности [1, с. 194-199].

Реализация этого направления требует от оперативных работников высокой квалификации и специализации, а также тесного взаимодействия между службами, правоохранительными структурами, а также средствами массовой информации. В условиях такого взаимодействия должна эффективно осуществляться:

- индивидуальная профилактическая работа с лицами, которые состоят на профучете, включающая в себя следующее: своевременное установление граждан, от которых можно ожидать совершения преступных деяний; систематическое наблюдение за их поведением и образом жизни; принятие необходимых мер к недопущению с их стороны преступлений [5, с. 103];
- виктимологическая профилактика в части формирования населения: о способах совершения преступных деяний; о криминогенных зонах в населенном пункте; о рекомендуемых мерах защиты и самозащиты от совершаемых преступлений; о недопущении излишней доверчивости к незнакомым людям и т.д.;
- противодействие организованной корыстной преступности путем: проведения операций по вы-

явлению и пресечению лидеров и активных участников преступных группировок силами оперативного аппарата органов внутренних дел, а также разработки мероприятий, препятствующих криминальной деятельности организованных преступных групп и коррумпированных должностных лиц. Это позволяет определить наиболее распространенные способы совершения и сокрытия наиболее тяжких преступлений; используемые технические средства, предметы преступных посягательств, каналы сбыта, условия, способствующие совершению преступлений. Такого рода информация нужна как для разработки и осуществления определенных профилактических мероприятий, так и для более своевре-

менной и полной раскрываемости этих преступных проявлений;

- профилактическая работа с подростками [2, с. 13-18].

Алтайский край, являясь приграничным регионом с большой территорией, на которой представлены практически все виды промышленности, обширным туристическим и игорным комплексом, имеющим все предпосылки к дальнейшему развитию, должен входить в приоритеты государственной политики по оперативно-разыскной профилактике. Следует также понимать, что ущерб от преступности (как материальный, так и моральный) несоизмерим с затратами на ее сдерживание и регулирование.

Литература

1. Ботвин И.В. Особенности криминологической характеристики корыстной преступности (по материалам Алтайского края) // Уголовная юстиция. 2018. № 11. С. 194-199.
2. Демидова-Петрова Е.В. Специфика преступности несовершеннолетних как одного из видов преступности в Российской Федерации // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 2. С. 13-18.
3. Лекарь А.Г. Предотвращение преступлений органами охраны общественного порядка (исследование правовых, организационных и тактических основ деятельности органов охраны общественного порядка): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1967. 352 с.
4. О введении в действие Инструкции по основам организации и тактики предотвращения преступлений органами милиции: приказ МВД СССР 1969 г.
5. Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел: учебник для студентов вузов / под ред. В.Я. Кикотя, С.Я. Лебедева. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. 496 с.
6. Семенюк Р.А. Общесоциальная профилактика преступлений против личности, совершаемых в состоянии опьянения // Новации юридической науки и практики как фактор гармонизации взаимоотношений личности, общества и государства: мат-лы междунаrod. научно-практ. конф-ции Новосиб. гос. ун-та. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2017. С. 317-321.
7. Яковлева М.А. Взаимодействие органов внутренних дел с другими субъектами профилактики преступности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 3. С. 139-143.

УДК 343.358

Н.А. Каменский

аспирант Института права и национальной безопасности Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

E-mail: kotbaun7777@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 201.1 УК РФ

В настоящей статье рассматриваются вопросы о месте состава преступления, предусмотренного ст. 201.1, в системе Особенной части УК РФ, а также обоснованности и завершенности законодательной конструкции данной нормы. Акцентируется внимание на выявлении нуждающихся в научном осмыслении особенностей современных коррупционных проявлений в сфере коммерческих и иных организаций, представляющих повышенную общественную опасность для обороноспособности государства. Отмечается, что рассматриваемая норма обоснованно включена в гл. 23 УК России, а также что сопоставимый и больший вред обороноспособности государства по сравнению с ущербом, причиняемым злоупотреблением полномочиями в сфере государственного оборонного заказа, допускают злоупотребления в области мобилизационной подготовки, а также на объектах оборонно-промышленного комплекса. В связи с этим делается вывод, что рассматриваемая норма не в полной мере учитывает интересы государства, а дифференциация, проведенная по объекту рассматриваемого преступного посягательства, является слишком узкой. На основании анализа нормативных правовых актов и судебной практики сформулированы предложения по расширению объекта уголовно-правовой охраны ст. 201.1 УК РФ.

Ключевые слова: злоупотребление полномочиями в коммерческих и иных организациях, сфера государственного оборонного заказа, мобилизационная подготовка, объекты оборонно-промышленного комплекса.

N.A. Kamenskiy

postgraduate student of Institute of Law and National Security
of the Tambov State University named after G.R. Derzhavin

E-mail: kotbaun7777@mail.ru

REVISITING THE OBJECT OF CRIMINALLY-LEGAL PROTECTION OF THE CRIME UNDER ARTICLE 201.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article discusses the issues of the place of the crime under article 201.1 in the Special part of the Criminal Code of the Russian Federation and the validity of completeness of its legislative structure. Analysis of legislation is performed, judicial practice examples are given. Trends in the development of legislation are considered, the identification of modern corruption manifestations' features in the sphere of commercial and other organizations that need scientific understanding and represent an increased public danger to the defense of the state are focused on. The conclusion is that the considered norm is reasonably included in Chapter 23 of the Criminal Code of the Russian Federation; abuses in the mobilization training field and at the facilities of the military-industrial complex cause comparable and great harm to the state's defense capability in comparison with the damage caused by the abuse of authority in the field of state defense order.

Key words: abuse of authority in commercial and other organizations, the state defense order field, mobilization training, objects of the military-industrial complex.

Несмотря на противодействие со стороны государства и принятие различных мер, современная коррупция охватывает все новые и новые сферы, создавая реальную угрозу национальной безопасности Российской Федерации. Национальный план противодействия коррупции на 2018-2020 гг. в качестве основных задач предусматривает в том числе проведение систематизации и актуализации нормативно-правовой базы по вопросам противодействия коррупции, устранение пробелов и противоречий в правовом регулировании в области противодействия коррупции [8].

Федеральным законом от 29 декабря 2017 г. № 469-ФЗ УК РФ были дополнены ст. 201.1 «Злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа» и ст. 285.4 «Злоупотребление должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа» [4]. Данные нормы представляют собой пример дифференциации уголовной ответственности, направленной на защиту государственных интересов в сфере государственного оборонного заказа.

В первую очередь полагаем целесообразным рассмотреть вопрос о месте в системе Особенной части УК России новых норм, касающихся злоупотребления полномочиями в сфере государственного оборонного заказа, их относимости к видовым объектам группы преступлений, ответственность за совершение которых установлена гл. 23 и 30 УК России.

Статья 285.4 УК России, несомненно, вполне логично включена в состав гл. 30 УК России, т.к. объектом её уголовно-правовой охраны выступают общественные отношения в сфере деятельности государственных органов, а субъектом преступления являются должностные лица. Вместе с тем в отношении ст. 201.1 УК России могут возникнуть вопросы, касающиеся обоснованности её расположения в гл. 23 УК России, т.к. преступление направлено против государственных интересов.

Несмотря на то что родовым объектом раздела VIII УК России являются общественные отношения в сфере экономики, а видовым объектом в гл. 23 УК России выступают общественные отношения в коммерческих и иных организациях, в некоторых случаях данное деяние может затрагивать и иные (не только экономические) права и интересы, а преступные последствия могут выходить за рамки имущественного ущерба.

В особенности данное обстоятельство характерно для состава преступления, предусмотренного ст. 201.1 УК России. По мнению В.Н. Боркова, ущерб от поставки в Вооруженные Силы некачественной продукции часто выходит за рамки только материального [1, с. 53]. С автором вполне можно согласиться, т.к. последствиями злоупотреблений полномочиями

в рамках исполнения государственного оборонного заказа являлись подрыв авторитета России на мировом рынке вооружений, угроза срыва государственных поставок продукции военного назначения и т.д. [13].

Также следует отметить, что злоупотребление полномочиями может совершаться в целях извлечения прибыли для организации, в которой работает служащий, но в ущерб интересам других лиц. Однако, несмотря на то, что организация получает экономическую выгоду в случаях совершения подобного преступления, одним из сопутствующих его последствий является причинение ей вреда в виде подрыва деловой репутации, что судами на практике оценивается как нарушение именно её законных интересов [14].

В этой связи, несмотря на возможность причинения вреда различным общественным интересам, злоупотребление полномочиями, предусмотренное ст. 201 и 201.1 УК России, всегда посягает в первую очередь на общественные отношения, регулирующие деятельность в коммерческих и иных организациях.

Статья 201.1 УК России является специальной нормой по отношению к ст. 201 УК России «Злоупотребление полномочиями». Квалифицированный состав, предусмотренный ч. 2 ст. 201 УК России, установил повышенную ответственность за деяние, совершенное организованной группой или повлекшее тяжкие последствия.

После введения в УК России ст. 201.1 применительно к указанной норме можно вести речь уже не об отдельных случаях, когда затрагиваются общественные отношения в других разделах УК России в качестве дополнительных и факультативных объектов посягательства. Сама конструкция данного состава предусматривает посягательство на интересы государства. В статье 201.1 УК России непосредственным основным объектом преступления являются общественные отношения в сфере деятельности коммерческих и иных организаций, а дополнительным объектом посягательства будут выступать государственные интересы по государственному оборонному заказу, несмотря на то, что он является конструктивным признаком данного состава преступления.

Рассматривая вопрос о месте в системе Особенной части уголовного закона злоупотребления полномочиями в сфере государственного оборонного заказа, следует отметить, что, по нашему мнению, законодатель вполне обоснованно включил ст. 201.1 УК России в гл. 23 УК России.

Вместе с тем полагаем, что данная норма не в полной мере учитывает интересы государства. Сфера государственного оборонного заказа является важной, в этой связи законодатель установил, что она нуждается в повышенной уголовно-правовой охране.

Но подобная дифференциация, проведенная по объему преступного посягательства, является слишком узкой.

Следует согласиться с точкой зрения, что введение составов преступлений, предусмотренных ст. 201.1 и 285.4, является примером увеличения казуистичности уголовно-правовых норм [3, с. 36]. Но выделение данных общественных отношений и установление повышенной уголовной ответственности за их нарушение в данном случае могут быть обоснованы повышенной общественной опасностью таких деяний, тяжестью их последствий, носящих в том числе и производный характер, потенциальной опасностью создаваемых ими угроз.

В ходе проведенного изучения уголовных дел нами выявлены и иные сферы, посягательство на которые способно причинить существенный вред интересам Российской Федерации. Так, сопоставимый по характеру и степени общественной опасности ущерб, приводящий к утрате обороноспособности государства, может причиняться в связи со злоупотреблением полномочиями в сфере мобилизационной подготовки. В данном случае преступления, как правило, совершаются путём нецелевого использования денежных средств и материальных ценностей, предназначенных для обеспечения мобилизационных нужд, что влечёт за собой неготовность выполнять задачи в условиях военного времени [15, 16, 12].

Пункт 8 ч. 2 ст. 4 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» предусматривает, что в состав государственного оборонного заказа могут включаться работы по мобилизационной подготовке экономики Российской Федерации [5]. Вместе с тем ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» предусматривает проведение мобилизационной подготовки не только экономики Российской Федерации, но и экономики субъектов Российской Федерации муниципальных образований, подготовки органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций и т.д. [7]. В этой связи область мобилизации представляет самостоятельный объект, не охватываемый отношениями в сфере государственного оборонного заказа, но также, по нашему мнению, нуждающийся в особой повышенной уголовно-правовой охране, т.к. целью мобилизационной готовности является обеспечение обороноспособности и безопасности государства [2].

В официальном отзыве на проект закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (в части установления ответственности за злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного

заказа) заместителем Председателя Верховного Суда Российской Федерации отмечается, что федеральные законы в области обороны и безопасности Российской Федерации, о государственном оборонном заказе, о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и другие основываются на Конституции Российской Федерации, положениями которой гарантируется обеспечение целостности и неприкосновенности территории Российской Федерации, обороны страны [11].

Вместе с тем государственный оборонный заказ является частью комплекса общественных отношений, служащих в целях обеспечения безопасности и обороны страны.

Делая акцент на защите данной сферы, можно сделать вывод, что сопоставимый по характеру и степени общественной опасности ущерб обороноспособности Российской Федерации со злоупотреблениями полномочиями в сфере государственного оборонного заказа может причиняться путём злоупотребления полномочиями, совершённого лицами, выполняющими управленческие функции на объектах оборонно-промышленного комплекса, но осуществляемые ими вне рамок государственного заказа. В качестве примера можно привести уголовное дело, согласно материалам которого обвиняемые подписали ряд заведомо невыгодных и экономически нецелесообразных для предприятия договоров, в результате чего оно было доведено до бедственного состояния [17]. Либо другое уголовное дело, по которому обвиняемые осуществили вывод из собственности недвижимого имущества общей площадью 9939,4 кв. м и земельных участков общей площадью 16 123,7 кв. м [18]. Следует отметить, что на момент совершения преступления эти организации входили в Перечень стратегических предприятий и стратегических акционерных обществ, утверждённый Указом Президента РФ от 4 августа 2004 г. № 1009 [10].

Вместе с тем понятийный аппарат, характеризующий организации, связанные с реализацией государственных задач в сфере обороноспособности, неоднозначен. По нашему мнению, в целях дифференциации уголовной ответственности в сфере обеспечения безопасности следовало бы использовать термин «предприятие оборонно-промышленного комплекса». Создание и ведение реестра указанных организаций осуществляется Минпромнауки России [9]. В реестр включаются организации, имеющие в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество, включая оборудование и производственные площади, а также имеющие квалифицированные кадры для разработки, производства, ремонта и утилизации вооружения, военной и специальной техники. Содержа-

ящаяся в реестре информация является информацией ограниченного доступа.

Изучение материалов уголовных дел по ст. 201 УК России позволяет сделать вывод о том, что негативные последствия, которые выражаются не только в виде определённого имущественного ущерба, но ещё и угрожают безопасности государства, могут совершаться не только на объектах оборонно-промышленного комплекса. Среди сфер, злоупотребление в которых может представлять потенциальную повышенную опасность, следует отметить ракетно-космическую и банковскую отрасли, авиастроение, транспортную систему, объекты топливно-энергетического и атомного комплексов, жилищно-коммунального хозяйства, бюджетно- и градообразующие предприятия и т.д.

В законодательстве закреплено понятие критически важных объектов для национальной безопасности Российской Федерации. В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» критически важный объект – это объект, нарушение или прекращение функционирования которого приведет к потере управления экономикой Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или административно-территориальной единицы субъекта Российской Федерации, ее необратимому негативно-му изменению (разрушению) либо существенному снижению безопасности жизнедеятельности населения [6].

В качестве примеров совершения преступлений, угрожающих национальной безопасности, можно привести злоупотребления полномочиями на очистных сооружениях в ходе выполнения государственных контрактов при строительстве объектов для проведения XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 г. в городе Сочи, в результате которых были причинены материальный ущерб на сумму более 409 млн рублей, загрязнение прибрежных вод Черного моря и поставлен под угрозу авторитет Российской Федерации на международной арене в связи с возможным нарушением сроков подготовки сооружений к эксплуатации [19]. Либо злоупотребления полномочиями на объектах атомно-энергетического комплекса, последствиями которых стали невозможность нормального функционирования энергоблоков АЭС [20], а также злоупотребления полномочиями, приведшие к нарушениям в обеспечении населения электроэнергией [21, 22].

Возможно, наряду с обеспечением обороноспособности было бы целесообразно установить повышенную уголовную ответственность за злоупотребление полномочиями в сфере не только обороноспо-

собности, но и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Однако для внесения предложений о дальнейшей дифференциации уголовной ответственности по подобным объектам преступных посягательств требуется проведение серьезного анализа и исследования всего многообразия направлений деятельности коммерческих и иных организаций, статистических показателей в виде имущественного ущерба, причиненного данными преступлениями, в особенности квалифицируемыми по ч. 2 ст. 201 УК России, как повлекшими тяжкие последствия.

Однако в настоящее время уголовная политика государства направлена на придание особого охраняемого статуса только отношениям в сфере государственного оборонного заказа.

Вместе с тем сфера государственного оборонного заказа, как и обеспечение мобилизационной готовности, а равно и деятельность предприятий оборонно-промышленного комплекса являются составными частями более общей задачи по обеспечению обороноспособности страны. Именно общественные отношения по обеспечению обороноспособности являются, например, объектом уголовно-правовой охраны ст. 281 УК России, предусматривающей ответственность за совершение диверсии.

С учётом изложенного полагаем целесообразным наименование статьи 201.1 УК России изложить в следующей редакции:

«Злоупотребление полномочиями в сфере обороноспособности Российской Федерации».

Сама диспозиция нормы могла бы выглядеть в таком виде:

«Использование лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, своих полномочий вопреки законным интересам этой организации и в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц, если это деяние повлекло причинение существенного вреда охраняемым законом интересам общества или государства при выполнении государственного оборонного заказа, в ходе мобилизационной подготовки, а также на объектах оборонно-промышленного комплекса, – ...».

Аналогичным образом, но только применительно к должностным лицам могла бы быть изменена ст. 285.4 УК России.

Обобщая изложенное, можно сделать вывод, что ст. 201.1 УК России вполне обоснованно включена в гл. 23 УК России. Злоупотребление полномочиями, причиняющее вред интересам общества и государства в сфере обороноспособности, совершается в области мобилизационной подготовки (последствия выражались в неготовности выполнять задачи в условиях военного времени), а также на объектах обо-

ронно-промышленного комплекса (последствия выразались в доведении до бедственного положения стратегических предприятий).

Причиняемый данными преступлениями ущерб сопоставим с ущербом, причиняемым злоупотреблением полномочиями в сфере государственного оборонного заказа.

Вопросы своевременного и адекватного уголовного-правового реагирования на коррупционные про-

явления являются актуальными в настоящее время. Именно общественная опасность противоправных деяний служит основанием дифференциации уголовной ответственности. Полагаем, что предложенные изменения учитывают уголовно-правовую политику государства на современном этапе и смогли бы восполнить пробел по охране общественных отношений, направленных на защиту обороноспособности Российской Федерации.

Литература

1. Борков В.Н. Повышена ответственность за злоупотребления при выполнении государственного оборонного заказа // Законность. 2018. № 3. С. 49-53.
2. Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25 декабря 2014 г. № Пр-2976) // Российская газета. 2014. 30 дек.
3. Ермолович Я.Н. Уголовно-правовая охрана порядка выполнения государственного оборонного заказа (комментарий к Федеральному закону «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 29 декабря 2017 г. № 469-ФЗ // Право в Вооруженных Силах. 2018. № 4. С. 31-39.
4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и ст. 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2017 № 469-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2017. № 1. Ч. I. Ст. 53.
5. О государственном оборонном заказе: федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ (в ред. от 28.07.2018) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53. Ч. I. Ст. 7600.
6. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ (в ред. от 23 июня 2016 г.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 35. Ст. 3648.
7. О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации: федеральный закон от 26.02.1997 № 31-ФЗ (ред. от 22.02.2017) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 9. Ст. 1014.
8. О Национальном плане противодействия коррупции на 2018-2020 годы: Указ Президента РФ от 29.06.2018 № 378 // Собрание законодательства РФ. 2018. № 27. Ст. 2485.
9. О сводном реестре организаций оборонно-промышленного комплекса: постановление Правительства РФ от 20 февраля 2004 г. № 96 (в ред. от 7 сентября 2015 г.) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 9. Ст. 781.
10. Об утверждении перечня стратегических предприятий и стратегических акционерных обществ: Указ Президента РФ от 4 августа 2004 г. № 1009 (в ред. от 10.02.2018) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 32. Ст. 333.
11. Официальный отзыв на проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»: письмо ВС РФ от 1 августа 2017 г. № 3-ВС-5724/17 // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://old.duma.gov.ru> (дата обращения: 10.06.2018).
12. Постановление Сердобского городского суда Пензенской области от 21 июля 2015 г. по делу № 1-23/2015. URL: <https://serdobinsky.pnz.sudrf.ru/> (дата обращения: 18.12.2017).
13. Приговор Таганрогского городского суда Ростовской области от 21 сентября 2016 г. по делу № 1-58/2016 (1-801/2015). URL: <https://taganrogsky.ros.sudrf.ru/> (дата обращения: 10.07.2018).
14. Приговор Октябрьского районного суда г. Пензы от 22 февраля 2013 г. по делу № 1-9/2013 (1-397/2012). URL: <https://oktyabrsky.pnz.sudrf.ru/> (дата обращения: 18.12.2017).
15. Приговор Брянского районного суда Брянской области от 25 июня 2010 г. по делу № 1-4/2010 (1-6/2009; 1-139/2008). URL: <https://briansky.brj.sudrf.ru/> (дата обращения: 18.12.2017).
16. Приговор Кировского областного суда от 27 ноября 2006 г. по делу № 2-38/2006. URL: <https://oblsud.kir.sudrf.ru/> (дата обращения: 18.12.2017).
17. Приговор Измайловского районного суда города Москвы от 27 ноября 2007 г. по делу № 1-627/07. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/izmajlovskij/> (дата обращения: 18.11.2017).
18. Приговор Кировского районного суда г. Томска от 26 сентября 2014 г. по делу № 1-116/2014. URL: <https://kirovsky.tms.sudrf.ru/> (дата обращения: 28.12.2018).

19. Приговор Хостинского районного суда г. Сочи Краснодарского края от 24 апреля 2017 г. по делу № 1-111/2017. URL: <https://sochi-hostinsky.krd.sudrf.ru/> (дата обращения: 18.12.2017).
20. Приговор Курчатовского городского суда Курской области от 6 октября 2010 г. по делу № 1-74/2010. URL: <https://kurchatovsky.krs.sudrf.ru/.sudrf.ru/> (дата обращения: 24.01.2018).
21. Приговор Ленинского районного суда г. Краснодара от 8 мая 2013 г. по делу № 1-325/2013. URL: <https://krasnodar-leninsky.krd.sudrf.ru/> (дата обращения: 22.11.2017).
22. Приговор Октябрьского районного суда г. Краснодара от 4 декабря 2013 г. по делу № 1-437/2013. URL: <https://krasnodar-oktybrsky.krd.sudrf.ru/> (дата обращения: 18.12.2017).

УДК 343.7

А.А. Коренная, канд. юрид. наук

Алтайский государственный университет

E-mail: Lawer_ann@mail.ru

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КРИПТОВАЛЮТЫ

В статье рассмотрены вопросы правового статуса криптовалюты в уголовном праве, квалификации преступлений с использованием цифровых монет. Использование криптовалюты – это объективная реальность сегодняшнего дня. Ежедневно с использованием биткоинов и иных виртуальных валют совершаются тысячи операций. До настоящего времени в позитивном праве не определен правовой статус криптовалюты. Для принятия соответствующего закона необходимо использовать действующие уголовно-правовые механизмы для охраны отношений.

В статье изложен авторский подход к определению правового содержания криптовалюты как особого предмета преступления, изложены основные подходы к квалификации преступлений, совершаемых с криптовалютой в условиях правовой неопределённости. За основу взяты разъяснения, содержащиеся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате».

Ключевые слова: криптовалюта, биткойн, виртуальная валюта, бестелесная вещь, цифровой актив, уголовная ответственность.

A.A. Korennaya, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

Altai State University

E-mail: Lawer_ann@mail.ru

QUALIFICATION OF CRIMES COMMITTED WITH THE USE OF CRYPTOCURRENCY

The article deals with the legal status of cryptocurrency in criminal law, the qualification of crimes using digital coins. The use of cryptocurrency is the objective reality of today. Thousands of transactions are made daily using bitcoins and other virtual currencies. Until now, the legal status of a cryptocurrency has not been determined in positive law. For the adoption of the relevant law, it is necessary to use the existing criminal law mechanisms for the protection of relations.

The article describes the author's approach to the definition of the legal content of crypto as a special subject of crime, outlines the main approaches to the qualification of crimes committed with cryptocurrency in the context of legal uncertainty. The explanations contained in the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 48 of November 30, 2017 «On judicial practice in cases of fraud, misappropriation and embezzlement» are taken as a basis.

Key words: cryptocurrency, bitcoin, virtual currency, incorporeal thing, digital asset, criminal liability.

Масштабный рост рынка цифровых валют, миллиардные обороты, специфика технологии блокчейн, позволяющей быстро и практически анонимно осуществлять операции, безотзывность транзакций при отсутствии правового регулирования – уникальное сочетание факторов для криминализации рынка криптовалют¹. В рамках настоящей статьи мы предлагаем основные подходы к квалификации преступлений с использованием криптовалюты (предмет и средство совершения преступления) в условиях существующего нормативного регулирования.

В соответствии с «Конвенцией против транснациональной организованной преступности» 2000 г. под имуществом понимаются «любые активы, будь то материальные или нематериальные, движимые или недвижимые, выраженные в вещах или в правах, а также юридические документы или акты, подтверждающие право на такие активы или интерес в них»². Группой разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (FATF) предложено следующее определение: это средство выражения стоимости, представленное в цифровом формате и выступающее в качестве средства обмена, либо расчетной денежной единицы, либо средства хранения стоимости и при этом не подпадающее под понятие законного платежного средства, так называемое не являющееся официально действующим законным средством платежа при расчетах с кредиторами [1]. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (далее – Постановление Пленума) Высшая Судебная инстанция со ссылкой на примечание к ст. 158 УК РФ и ст. 128 ГК РФ рекомендовала относить электронные денежные средства к предмету хищения как имущество. При этом следует указать, что в ст. 128 ГК РФ электронные денежные средства прямо в качестве объекта гражданских прав не обозначены. Фактически электронные деньги – это хранящиеся в электронном виде на программно-техническом устройстве единицы стоимости, принимаемые в качестве средства платежа при осуществлении расчетов и выражающие сумму обязательств эмитента перед держателем по погашению такими деньгами

¹ По состоянию на 29.08.2017 общий объем рынка криптовалют составил 160 млрд долларов (URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3396848> (дата обращения: 30.12.2017)). За 2017 год общая рыночная капитализация криптовалют (Total Market Capitalization) выросла практически на 600 млрд долларов США, с 17,7 до 612,9 млрд долларов США, т.е. в 34,6 раза (по состоянию на 1 января 2018 г. 00:00 UTC) (URL: <https://anycoin.news/2018/01/05/obzorgynka-ico-2017/> (дата обращения: 29.01.2018)).

² «Конвенция против транснациональной организованной преступности» принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

[3, с. 18]. По нашему мнению, приведенные разъяснения в условиях отсутствия надлежащего правового регулирования и объективной потребности в защите общественных отношений вполне применимы при совершении посягательств с использованием криптовалюты, что позволяет относить криптовалюту к иному имуществу.

В литературе, в т.ч. и юридической, встречается общий термин «мошенничества с криптовалютами». При изучении противоправных действий, совершаемых на рынке криптовалют или с их использованием, мы пришли к выводу, что фактически только некоторые преступные посягательства можно квалифицировать по ст. 159 УК РФ, т.е. признавать мошенничествами.

Выделим следующие группы преступлений, совершаемых с использованием криптовалюты:

1. Хищение криптовалюты, в этом случае криптовалюта является предметом совершения преступления.

1.1. Хищение криптовалюты с использованием кошельков для хранения. Для хранения криптовалюты используются специальные кошельки – программы, которые хранят приватные и публичные ключи, а также взаимодействуют с различными блокчейнами, чтобы отправлять и получать цифровые валюты, т.е. кошельки – это средство управления, хранения и проведения транзакций.

Существующие кошельки для хранения криптовалют можно условно разделить на два вида: 1) кошельки для холодного хранения криптовалюты (cold storage) – оффлайн-способ хранения. К холодному способу хранения относятся аппаратные кошельки – это физическое электронное устройство, внешне напоминающее карту памяти (флэш-карту), разработанное исключительно для хранения и защиты виртуальных монет. Для того чтобы потратить криптовалюту, устройство (аппаратный кошелек) необходимо подключить к стационарному компьютеру, смартфону или планшету; 2) кошельки для горячего хранения криптовалюты (hot storage) можно описать одним словом – «онлайн». Такие кошельки предназначены для активного использования цифровых монет в виде платежного средства, т.е. взаиморасчетов и перечислений, а также вывода средств на другие системы. Также к «горячим» кошелькам криптовалют относятся защищенные кошельки торговых бирж, на которых пользователи покупают и продают цифровые деньги. При горячем хранении используются: а) веб-кошельки, такие кошельки создаются на специальных сайтах, запускаются в облаке, а доступ к ним можно получить при помощи любого устройства с доступом в интернет, они существуют только в электронном виде; 2) мобильные кошельки – это приложения для смартфонов, позволяющие носить крип-

тоденьги «с собой»; 3) десктопные кошельки – это кошельки, которые устанавливаются на компьютер, т.е. это программа, схожая с предыдущими, только местом его установки и хранения является персональный компьютер.

Способы хищения криптовалюты с использованием кошельков следующие: 1) хищение аппаратного кошелька: преступник получает непосредственно само устройство, в дальнейшем подключает его к компьютеру, смартфону, планшету и переводит цифровые деньги по нужным реквизитам. В данном случае возможны два варианта квалификации: 1) по ст. 158 УК РФ: хищение осуществляется путем использования необходимой для получения доступа к кошельку конфиденциальной информации – уникального цифрового кода, находящегося на аппаратном устройстве, – без участия какого-либо лица, а исключительно с использованием операционных систем. Как кражу следует квалифицировать хищение криптовалюты с использованием информации, содержащейся на аппаратном устройстве, и при передаче самого устройства злоумышленнику под воздействием обмана или злоупотребления доверием; 2) хищение с использованием фальшивых («фейковых») кошельков. По своей сути, поддельный криптовалютный кошелек – это идентичная копия сайта или приложения оригинального криптокошелька. Преступная схема заключается в следующем: пользователь загружает кошелек, пользуется им, когда сумма достигает определенного порога, она выводится с кошелька. Подобное деяние следует квалифицировать по ст. 159 УК РФ. Обман как способ совершения преступления в данном случае заключается в предоставлении пользователю подложного кошелька (программы). В результате такого обмана владелец фактически передает свои криптомонеты злоумышленнику, полагая, что пользуется «легальным» кошельком. Момент окончания преступления – зачисление криптомонет в «фальшивый кошелек». При совершении хищения рассматриваемым способом момент окончания не связан с моментом перевода криптовалюты на счет преступника, т.к. возможность распорядиться криптомонетами возникает при поступлении монет в фальшивый кошелек. Какого-либо вмешательства в программное обеспечение не происходит, т.к. лицо добровольно установило «фейковый» кошелек, следовательно, дополнительной квалификации по ст. 159.6, 272, 273, 274.1 УК РФ не требуется.

1.2. Фишинг – хищение криптовалюты с использованием учетных данных пользователя. В подобной схеме хищения преступник получает доступ к конфиденциальной информации, а именно логинам и паролям от кошельков. Фишинговых схем существует множество: создание страниц, на которых пользователю предлагается сообщить логин и пароль от сво-

его кошелька (авторизация на «фальшивом» сайте), СМС-сообщения на номер телефона пользователя с просьбой под тем или иным предлогом сообщить информацию с кодами доступа, аналогичные сообщения через социальные сети и т.д. При любом способе злоумышленники преследуют единственную цель – получение логина и пароля, воспользовавшись которыми можно получить доступ к кошельку и перевести криптомонеты на собственные счета. Как только ключ введен, хакер может свободно распоряжаться деньгами из кошелька жертвы [4]. Преступление, совершенное таким способом, является оконченным с момента изъятия криптомонет из кошелька, в результате которого владельцу причиняется ущерб (п. 5 Постановления Пленума). Исходя из логики п. 2 Постановления Пленума, такое деяние квалифицируется как кража по ст. 158 УК РФ: в данном случае обман не направлен непосредственно на завладение чужим имуществом, а используется для облегчения доступа к нему. Хищение совершается с использованием учетных данных собственника или иного владельца, фактически путем авторизации в системе посредством ввода данных. Изменение данных о состоянии счета владельца криптовалюты, произошедшее в результате использования виновным учетных данных потерпевшего, не является вмешательством в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей, т.к. лишь отражает произошедшее списание криптомонет со счета, и, соответственно, не может быть квалифицировано по ст. 159.6 УК РФ.

1.3. Флиппинг криптовалюты. Подобные схемы предлагают быстрое увеличение инвестиций пользователя за определенную плату. В социальных сетях, на специализированных сайтах размещаются объявления, в которых предлагается «флиппнуть крипту», т.е. выгодно поменять несколько раз на бирже. Реальное намерение состоит в том, чтобы получить доступ к кошельку и похитить криптомонеты. Подобные деяния следует квалифицировать в качестве кражи по ст. 158 УК РФ, аналогично с хищением криптовалюты с использованием «фишинговых схем». Преступник в результате обмана получает не сами криптомонеты, а только логин и пароль от кошелька, в дальнейшем, используя их, переводит криптовалюту на подконтрольные кошельки, т.е. обман используется в качестве средства облегчения совершения преступления.

1.4. Наименее технологичный способ хищения криптовалюты – это мнимые пожертвования криптомонет. В данном случае создаются сайты, проводятся акции и т.д., целью которых является сбор средств для благотворительных целей. Единственная особенность таких акций, что пожертвования собираются в криптовалюту. Деяния квалифицируются по ст. 159

УК РФ. Хищение чужого имущества в этом случае осуществляется путем распространения заведомо ложных сведений в информационно-телекоммуникационных сетях (п. 21 Постановления Пленума).

2. Хищения, совершаемые с использованием криптовалюты (криптовалюта выступает в качестве средства совершения преступления). Фактически осуществляется хищение не криптовалюты, а денежных средств в государственной валюте.

2.1. Один из самых распространенных способов хищения денежных средств, в котором фигурирует криптовалюта, – предоставление услуг по «облачному майнингу». Такая деятельность заключается в следующем: компании берут с пользователей комиссию в обмен на мощности для майнинга криптовалют от имени пользователя, т.е. возможность добывать криптовалюту самостоятельно. Это позволяет получать вознаграждение за добычу, не приобретая и не обслуживая дорогостоящее оборудование. Фальшивые облачные сервисы – это веб-сайты, на которые предлагаются услуги по предоставлению оборудования, но фактически майнинга не будет. Как правило, после оплаты стоимости облачного майнинга пользователю предоставляется некоторое количество криптовалюты, т.е. фактически преступник на первоначальных этапах платит пользователю, спустя какое-то время компания перестает платить, а средства пользователей исчезают. Квалифицировать подобные операции следует как мошенничество, связанное с осуществлением предпринимательской деятельности по ч. 5-7 ст. 159 УК РФ. В основе предоставления услуги по облачному майнингу лежит гражданско-правовой договор, по своей правовой природе являющийся договором аренды. Под преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности понимается умышленное полное или частичное неисполнение лицом, являющимся стороной договора, принятого на себя обязательства в целях хищения чужого имущества путем обмана (п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности»).

Такая квалификация возможна только в том случае, если лица, заключившие договор, зарегистрированы в качестве индивидуального предпринимателя либо являются коммерческой организацией. При этом не только виновный, но и потерпевший должны иметь соответствующий статус, на что прямо указано в п. 11 Постановления Пленума. В случае если одна из сторон не имеет статуса, деяние квалифицируется по ч. 1-4 ст. 159 УК РФ, т.е. как обычное мошенничество.

2.2. Хищение денежных средств с использованием инвестиционных схем (схема Понци). Схема Понци генерирует прибыль для ранних инвесторов путем финансирования новыми, только что вступив-

шими инвесторами [5]. Именно такие преступления с криптовалютой являются на сегодняшний день «самыми популярными» в мире. Одной из разновидностей подобной «инвестиционной схемы» является сетевой маркетинг (MLM) – без фактического продукта или услуги обещающий высокие комиссионные для успешных рефералов. Средства, выплачиваемые участникам, – это не доход компании, а деньги новых вкладчиков. Эта схема принципиально ничем не отличается от пирамид на фиате, возникают лишь новые переменные. Один из вариантов квалификации таких деяний – ст. 172.2 УК РФ. Как справедливо отмечено в юридической литературе, речь идет об одной из форм мошенничества, поскольку все признаки данной формы хищения налицо: и обман, и/или злоупотребление доверием, и корыстная цель, и противоправное безвозмездное (в отношении части обманутых лиц) изъятие и/или обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, и причинение ущерба собственнику или иному владельцу этого имущества [2, с. 45]. Фактически аналогичная позиция изложена в п. 12 Постановления Пленума: если умысел лица направлен на хищение чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием под видом привлечения денежных средств или иного имущества граждан или юридических лиц для целей инвестиционной, предпринимательской или иной законной деятельности, которую фактически не осуществляло, то содеянное в зависимости от обстоятельств дела образует состав мошенничества или мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, и дополнительной квалификации по ст. 172.2 УК РФ не требует.

2.3. Хищение денежных средств с использованием фальшивых обменников или бирж. Механизм подобного преступления во многом схож с механизмом хищения криптовалюты с использованием фальшивых кошельков. Кriptoобменники – это интернет-сайты, которые позволяют обменять одну монету на другую, а также вывести или ввести фиатные деньги. Такие биржи просят внести платеж в валюту, который далее идет на приобретение цифровых монет. При обращении к обменному ресурсу лицо изъявляет желание провести обменную операцию по указанному курсу. Далее оно получает реквизиты, куда необходимо перечислить оплату за приобретаемые криптоденьги и предоставить данные своего счета для получения возмещения. Затем осуществляется транзакция, и приобретаемая криптовалюта поступает на счет покупателя, однако обратно ничего не передается. Квалифицировать такие деяния следует по аналогии с использованием поддельных кошельков – по ст. 159 УК РФ. Преступление является оконченным с момента завершения транзакции по переводу денежных средств на указанный счет.

В период ажиотажного интереса к криптовалюте появился еще один способ нелегального заработка на криптобиржах и криптообменниках. Злоумышленник создает страницу, внешне напоминающую сайт обменного сервиса, как правило, это так называемые сервисы мгновенного обмена криптовалюты. При этом предлагаются крайне выгодные условия обмена: минимальные комиссии, высокий курс, повышенная скорость, индивидуальные условия приобретения криптовалюты и т.д. Желающему произвести обмен предлагается пройти регистрацию на сайте, регистрация является платной, но ее стоимость крайне не велика. После получения оплаты за регистрацию услуги по обмену потерпевшему не оказываются. Сайт фактически является оболочкой. Такие деяния также следует квалифицировать как мошенничество.

2.4. Хищение денежных средств с помощью ложных ICO. ICO – первичное предложение цифровых монет, форма привлечения инвестиций в виде продажи инвесторам определенного количества выпускаемых криптомонет. В процессе проведения ICO создателям криптовалют в короткий срок удается получить необходимое количество денежных средств для реализации проектов. Механизм преступления следующий: лицо объявляет о проведении ICO, привлекает денежные средства, однако фактически майнинг не осуществляется, и криптовалюта не выпускается. Такие деяния квалифицируются по ст. 159 УК РФ по соответствующей части в зависимости от субъектного состава участников.

2.5. Преступления, в которых криптовалюта используется для осуществления незаконного обналичивания денежных средств. Под незаконным обналичиванием мы понимаем перевод денежных средств из безналичной формы в бумажные деньги при отсутствии законных оснований для совершения таких операций. Такие действия в настоящее время квалифицируются как незаконная банковская деятельность по ст. 172 УК РФ. Схема обналичивания с использованием криптовалюты выглядит следующим образом: за счет денег, находящихся на расчетных счетах на обменных сервисах, приобретается крип-

товалюта, затем производятся одна или несколько транзакций с криптовалютой, в результате появляются новые владельцы. Далее криптовалюта вновь обменивается, и полученные от продажи средства переводятся на банковские карты физических лиц, далее с карты «снимаются» наличные деньги. Подобные деяния, видимо, будут квалифицироваться как незаконная банковская деятельность по ст. 172 УК РФ, исходя из общего подхода, сложившегося в судебной практике [6]. Однако позволим высказать некоторые сомнения в обоснованности подобной квалификации. В соответствии со ст. 5 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» банковские операции совершаются исключительно с использованием денежных средств, к коим криптовалюта не относится и по своему содержанию не может относиться, т.к. ее эмитентом выступает не государство. Обналичивание все-таки предполагает обмен денежных средств в безналичной форме на наличные денежные средства. Вышеуказанные же деяния могут образовывать состав преступления, предусмотренный ст. 174 или ст. 174.1 УК РФ.

Подобная квалификация вполне применима и к случаям использования криптовалюты в качестве средства платежа при совершении иных преступных деяний. Например, приговором Металлургического районного суда г. Челябинска от 15.06.2017 Б. признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1, ч. 1 ст. 174.1 УК РФ. При квалификации действий виновного по ст. 174.1 УК РФ суд установил, что при осуществлении торговли наркотическими средствами в сети Интернет Б. в качестве средства платежа использовал криптовалюту пиринговой электронной платежной системы «Биткойн». В дальнейшем переводил поступившие денежные средства с лицевых счетов пиринговой электронной платежной системы «Биткойн» на банковские карты и счета [7]. То есть фактически криптовалюта использовалась в качестве средства обмена и в дальнейшем была легализована путем перечисления по законному основанию на банковские карты и расчетные счета.

Литература

1. Виртуальные валюты. Ключевые определения и потенциальные риски в сфере ПОД/ФТ: отчет ФАТФ. URL: http://www.eurasiangroup.org/files/FATF_docs/Virtualnye_valuty_FATF_2014.pdf (дата обращения: 07.10.2017).
2. Гладких В.И. Проблемы уголовно-правового регулирования предпринимательской деятельности // Безопасность бизнеса. 2017. № 3. С. 42-47.
3. Овсейко С. Юридическая природа электронных денег // Юрист. 2007. № 9. С. 17-21.
4. URL: <http://smartmining.ru/17-05-4-skhemy-kotorymi-oni-pytayutsya-ukrast-vashi-bitkoiny.html> (дата обращения: 28.12.2017).
5. URL: <https://ttrcoin.com/moshennichestvo-s-kriptovalyutami-anatomiya-skama.16/> (дата обращения: 18.01.2018).
6. URL: <https://www.bfm.ru/news/363821> (дата обращения: 08.01.2018).
7. URL: <http://www.sud-praktika.ru/precedent/351511.html> (дата обращения: 10.10.2017).

УДК 343.271

Т.А. Плаксина, доктор юрид. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: plaksinata@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ С НАЗНАЧЕНИЕМ СУДЕБНОГО ШТРАФА (УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ)

В статье анализируется практика применения введенного в 2016 г. нового вида освобождения от уголовной ответственности – освобождения с назначением судебного штрафа (ст. 76² УК РФ), выявляются возникающие при этом проблемы, связанные с неоднозначным толкованием уголовно-правовых норм либо пробелами в уголовно-правовом регулировании. В частности, рассматриваются вопросы об особенностях применения данного вида освобождения от уголовной ответственности при совокупности преступлений, а также о возможности освобождения от уголовной ответственности на основании ст. 76² УК РФ при совершении преступлений, причиняющих вред исключительно публичным интересам.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, судебный штраф, иные меры уголовно-правового характера, заглаживание причиненного преступлением вреда, совокупность преступлений.

T.A. Plaksina, PhD. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: plaksinata@yandex.ru

SOME PROBLEMS OF APPLICATION OF THE RULES ON RELEASE FROM CRIMINAL LIABILITY WITH THE APPOINTMENT OF A JUDICIAL FINE (CRIMINAL LAW ASPECTS)

The article is devoted to the analysis of the practice of application of the new type of release from criminal liability introduced in 2016 – release with the appointment of a judicial fine (article 762 of the Criminal Code of the Russian Federation), as well as the identification of problems arising from the ambiguous interpretation of criminal law or gaps in criminal law regulation. In particular, questions about the peculiarities of this type of release from criminal liability in the cumulation of crimes and about the possibility of release from criminal liability on the basis of article 762 of the Criminal Code in the case of crimes that harm only the public interest interests are considered.

Key words: release from criminal liability, judicial fine, other measures of a criminal-law nature, compensation for damage caused by crime, cumulation of crimes.

Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76² УК РФ), введенное Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ, несмотря на сомнения специалистов в том, что эта новелла способна эффективно стимулировать позитивное постпреступное поведение лица, совершившего преступление [11, с. 100-101], на практике получило достаточное распространение. Однако реализация новых уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм в правоприменительной деятельности показала и многочисленные недостатки правового регулирования данного вида освобождения от уголовной ответственности.

В судебной практике значительную сложность представляет вопрос об особенностях применения института освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в случаях, когда лицом совершено несколько преступлений небольшой или средней тяжести и суд принимает решение освободить лицо от уголовной ответственности за все деяния. В соответствии с п. 16.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» совершение лицом впервые нескольких преступлений небольшой и (или) средней тяжести не препятствует освобождению его от уголовной ответственности на основании статьи 76² УК РФ [14]. Между тем в УК РФ и УПК РФ отсутствуют нормы, регламентирующие назначение судебного штрафа в подобных ситуациях. В частности, не ясно, следует ли его назначать за каждое преступление отдельно или он должен быть назначен сразу по совокупности преступлений; не ясны и правила определения окончательного размера судебного штрафа, если исходить из того, что первоначально требуется его назначение по каждому преступлению. По причине пробельности закона формируется противоречивая судебная практика.

Так, Бирилюсский районный суд Красноярского края с применением ст. 76² УК РФ прекратил уголовное дело в отношении Ш., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 223, ч. 1 ст. 222¹ УК РФ, и назначил лицу судебный штраф в размере 5000 руб. В апелляционном представлении государственный обвинитель просил отменить постановление об освобождении от уголовной ответственности в связи с существенным нарушением уголовного и уголовно-процессуального закона, в т.ч. в связи с тем, что вопреки требованиям ч. 1 ст. 69 УК РФ судом не принято решение по каждому из преступлений. Красноярский краевой суд, рассмотрев дело в апелляционном порядке, с доводами государственного обвинителя не согласился, постановление суда первой инстанции оставил без изменения и ука-

зал, что судебный штраф, назначаемый на основании ст. 76² УК РФ лицу, освобожденному от уголовной ответственности, не является уголовным наказанием, а относится к иным мерам уголовно-правового характера, поэтому положения ст. 69 УК РФ (включая и те, которые касаются назначения наказания за каждое совершенное преступление) при назначении судебного штрафа не применяются [2].

Такая же позиция получила отражение и в апелляционном постановлении Ордынского районного суда Новосибирской области. Постановлением мирового судьи уголовное дело в отношении Ф., обвиняемого в совершении двух преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 260 УК РФ, было прекращено на основании ст. 76² УК РФ; к лицу применена мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа по одному из указанных эпизодов в размере 5000 руб., по другому – в размере 6000 руб.; на основании ч. 2 ст. 69 УК РФ путем поглощения окончательно определен размер судебного штрафа в 6000 руб. Государственный обвинитель в апелляционном представлении просил данное постановление изменить – исключить указание на применение ч. 2 ст. 69 УК РФ, освободить Ф. от уголовной ответственности по каждому преступлению, назначить ему судебный штраф по каждому преступлению отдельно без определения его окончательной меры, мотивируя это тем, что, поскольку он не является уголовным наказанием, суд не должен был применять правила ч. 2 ст. 69 УК РФ. Ордынский районный суд Новосибирской области счел не соответствующим закону не только применение ч. 2 ст. 69 УК РФ, но и назначение судебного штрафа по каждому эпизоду, ссылаясь на то, что «мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа применяется не за преступление, а в отношении лица – подсудимого, подозреваемого или обвиняемого». Апелляционным постановлением из постановления суда первой инстанции исключено назначение судебного штрафа по каждому эпизоду, предусмотренному ч. 1 ст. 260 УК РФ, а также указание на применение ч. 2 ст. 69 УК РФ. Лицу назначен судебный штраф в размере 6000 руб. [4].

Однако в судебной практике имеются и прямо противоположные решения. Постановлением Магаданского городского суда было удовлетворено ходатайство следователя о прекращении на основании ст. 76² УК РФ уголовного дела в отношении З., обвиняемого в совершении 23 преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 303 УК РФ. По каждому эпизоду лицу был назначен судебный штраф в размере от 10 000 до 25 000 руб., общая сумма штрафов составила 427 000 руб. В апелляционной жалобе адвокатом высказаны возражения как относительно назначения судебного штрафа по каждому из преступлений, так и относительно его суммарного размера. По мнению

адвоката, вне зависимости от количества совершенных преступлений суд должен был назначить только один штраф. Исчисленная же в данном конкретном случае сумма судебного штрафа превышает максимально допустимый размер, который мог быть назначен 3. по ч. 1 ст. 303 УК РФ с учетом ограничения, установленного ст. 104.5 УК РФ (судебный штраф как иная мера уголовно-правового характера не может превышать половины максимального размера штрафа, установленного санкцией статьи УК). В апелляционном постановлении Магаданский областной суд указал: «В силу требований ст. 104⁵ УК РФ судебный штраф назначается за преступное деяние, ответственность за которое предусмотрена соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса. Соблюдение указанного требования предполагает, что при наличии совокупности преступлений судебный штраф должен быть назначен за каждое из них. При этом судебный штраф является мерой уголовно-правового характера, а не уголовным наказанием. В соответствии с ч. 2 ст. 3 УК РФ применение уголовного закона по аналогии не допускается, поэтому при наличии в действиях привлеченного к ответственности лица совокупности преступлений и назначении ему денежного взыскания в виде судебного штрафа нормы ст. 69 УК РФ, определяющей порядок сложения уголовного наказания по совокупности преступлений, применены быть не могут. Ввиду изложенного суд правильно назначил 3. судебный штраф отдельно за каждое из совершенных преступлений. <...> Вопреки доводам жалобы, в решении суда первой инстанции не содержится указания о сложении этих сумм и назначении 3. окончательной суммы штрафа в размере 427 000 руб.». С учетом этого суд апелляционной инстанции оставил без изменения постановление Магаданского городского суда [3].

Такой подход представляется правильным. В уголовно-правовой литературе уже обращалось внимание на то, что освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в случаях, когда лицо совершило несколько преступлений небольшой или средней тяжести, в законе не урегулировано [12, с. 104; 15, с. 90]. При этом исследователи обоснованно полагают, что судебный штраф следует назначать за каждое преступление в отдельности. В частности, З.Б. Соктоев отмечает: «Судебный штраф хотя и призван обеспечить своеобразный кумулятивный эффект, поскольку применяется после того, как лицо освобождено от уголовной ответственности, но, несомненно, является по своей сути карой, состоит в ограничении имущественных прав лица, совершившего преступление. Поэтому судебный штраф должен назначаться за каждое из нескольких впервые совершенных преступлений» [15, с. 90]. Об этом же пишут А.В. Кудрявцева и К.И. Сутягин [12, с. 104].

Вывод о необходимости назначения судебного штрафа за каждое из преступлений, входящих в совокупность, вытекает из анализа ч. 1 ст. 104⁵ УК РФ, устанавливающей правила определения размера штрафа: законодатель размер судебного штрафа ставит в зависимость от максимального размера штрафа, предусмотренного «соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса». С учетом этого нельзя согласиться с позицией судов, назначающих рассматриваемую меру уголовно-правового характера по совокупности преступлений в целом. Кроме того, стоит принимать во внимание и аргументы, сходные с теми, что обычно приводятся в теории уголовного права в обоснование положения, закрепленного в ч. 1 ст. 69 УК РФ и предписывающего назначать при совокупности преступлений уголовное наказание за каждое преступление отдельно: в последующих судебных инстанциях по некоторым из преступлений, входящих в совокупность, может быть принято иное решение, чем в суде первой инстанции, и эти изменения не должны приводить к неопределенности в части размера судебного штрафа, назначенного лицу.

В тех случаях, когда суды, освобождая лицо от уголовной ответственности по ст. 76² УК РФ за несколько преступлений, назначают судебный штраф по каждому преступлению отдельно, возникает проблема возможности (или невозможности) определения его окончательного размера по совокупности преступлений. Правила назначения наказания по совокупности преступлений, предусмотренные ч. 2 ст. 69 УК РФ, здесь не могут быть использованы. А.В. Кудрявцева и К.И. Сутягин справедливо отмечают, что «применение аналогии уголовного закона (например, правил сложений наказаний) в данном случае недопустимо в силу прямого запрета (ст. 3 УК РФ) и существования судебного штрафа, не являющегося мерой наказания» [12, с. 104]. Поэтому правильно поступают те суды, которые ограничиваются назначением судебного штрафа по каждому преступлению, входящему в совокупность, не пытаясь определить его окончательный размер посредством применения методов частичного или полного сложения либо поглощения. Тем не менее, даже если исходить из самостоятельности каждого из назначенных судебных штрафов, их совокупный размер так или иначе представляет собой результат их полного сложения и может достигать столь значимой суммы, что освобождение от уголовной ответственности для лица окажется более обременительным, чем обвинительный приговор с назначением наказания. В этом контексте уже далеко не бесспорным выглядит верное в целом утверждение И.Б. Степановой и О.В. Соколовой о том, что «анализируемые законодательные новеллы <...> будут стимулировать обвиняемого

к добровольному возмещению причиненного преступлением ущерба» [16, с. 74]. Прав 3.Б. Соктоев, считающий необходимым установить в законе правила исчисления окончательного размера судебного штрафа при совокупности преступлений и полагающий, что «окончательный размер судебного штрафа за совокупность преступлений вряд ли должен быть бóльшим в сравнении с тем денежным взысканием, к которому мог бы прийти суд, назначая наказание по правилам, установленным ч. 2 ст. 69 УК РФ» [15, с. 90].

Безусловно, пробел в праве, заключающийся в отсутствии правовой регламентации освобождения от уголовной ответственности лица, совершившего несколько преступлений небольшой или средней тяжести, с назначением ему судебного штрафа, может быть восполнен лишь самим законодателем. Однако в правоприменительной практике встречаются и такие проблемы, которые могут быть сняты при толковании уголовного закона.

Обязательным условием освобождения от уголовной ответственности на основании ст. 76² УК РФ является возмещение ущерба или иное заглаживание причиненного преступлением вреда. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» дается толкование понятий «возмещение ущерба» и «иное заглаживание вреда, причиненного преступлением». В соответствии с п. 2.1 постановления применительно к ст. 76² УК РФ «под ущербом следует понимать имущественный вред, который может быть возмещен в натуре (в частности, путем предоставления имущества взамен утраченного, ремонта или исправления поврежденного имущества), в денежной форме (например, возмещение стоимости утраченного или поврежденного имущества, расходов на лечение) и т.д.» [14]. Что же касается заглаживания вреда, то в том же пункте постановления под ним предложено понимать имущественную, в т.ч. денежную, компенсацию морального вреда, оказание какой-либо помощи потерпевшему, принесение ему извинений, а также принятие иных мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления прав потерпевшего, законных интересов личности, общества и государства [14]. Анализ судебной практики показывает, что, несмотря на наличие разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, правоприменитель сталкивается с теми же самыми трудностями в интерпретации понятия «заглаживание причиненного преступлением вреда», которые имеют место при решении вопросов об освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ч. 1 ст. 75 УК РФ). В частности, крайне противоречивая

судебная практика складывается в ситуациях, когда при совершении преступлений небольшой или средней тяжести отсутствует потерпевший и вред причиняется исключительно охраняемым законом интересам общества или государства.

Различные мнения относительно возможности применения в подобных случаях ст. 76² УК РФ высказаны и в научной литературе. Так, А.В. Кудрявцева и К.И. Сутягин полагают, что освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа «принципиально возможно по делам о преступлениях, где потерпевший отсутствует как процессуальная фигура», поскольку в указанной статье не говорится о заглаживании вреда, причиненного именно потерпевшему [12, с. 105]. В качестве примеров подобных деяний они приводят некоторые преступления против общественной безопасности – заведомо ложное сообщение об акте терроризма, хулиганство, вандализм, уточняя, однако, при этом, что освобождение возможно в случае, если лицо возмещает ущерб или заглаживает причиненный вред [12, с. 105]. Если же преступление таково, что оно фактически не причиняет вреда, который мог бы быть заглажен (преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, оружия; получение и дача взятки; изготовление поддельных денег и т.п.), то формально освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа невозможно, т.к. отсутствует одно из обязательных условий прекращения уголовного дела по данному основанию – заглаживание причиненного преступлением вреда [12, с. 106].

Такой же точки зрения придерживаются Л.В. Лобанова и С.М. Мкртчян, которые, в частности, пишут: «Отказ от применения судебного штрафа за то или иное преступление небольшой или средней тяжести не может быть мотивирован тем, что вред причинен не конкретному человеку либо юридическому лицу, а всему государству или обществу либо неопределенно широкому кругу лиц. Но он может быть обоснован принципиальной невозможностью этот вред заглавить» [13, с. 119]. Эти же авторы указывают и на формальный момент, позволяющий применять ст. 76² УК РФ и при отсутствии потерпевшего: сама эта норма не содержит никаких ограничений по кругу преступлений, на которые она распространяется [13, с. 119].

Иная позиция сформулирована М.Ю. Юсуповым. Он считает, что освобождение от уголовной ответственности по основанию, предусмотренному ст. 76² УК РФ, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, не причинивших имущественного или неимущественного вреда физическим или юридическим лицам, невозможно. В качестве примера подобного преступления автор приводит деяние, ответственность за которое установлена ст. 322³ УК

РФ, обращая внимание на возможность освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших такого рода преступления, лишь по основаниям, не содержащим в качестве обязательного условия реализации соответствующей уголовно-правовой нормы возмещения ущерба или иного заглаживания причиненного преступлением вреда [17, с. 126].

В судебной практике встречаются различные решения рассматриваемой проблемы. Так, Кировским районным судом г. Саратова И. осужден по ч. 1 ст. 222 УК РФ. В апелляционных жалобах адвокаты И., выражая несогласие с приговором, просили его отменить, уголовное дело прекратить на основании ст. 76² УК РФ с назначением лицу судебного штрафа. В апелляционном постановлении Саратовский областной суд указал, что объектом преступления, в совершении которого И. признан виновным, является общественная безопасность; «данное преступление не совершено в отношении какого-либо конкретного потерпевшего, в связи с чем обязательное условие по возмещению причиненного вреда или иному заглаживанию вреда не может быть выполнено; поэтому мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа не может быть применена по данной категории преступлений» [6].

В то же время в некоторых судебных актах при констатации невозможности заглаживания причиненного преступлением вреда делается прямо противоположный вывод – об отсутствии препятствий для применения ст. 76² УК РФ. Органами дознания К. обвинялась в розничной продаже несовершеннолетним алкогольной продукции (ст. 151¹ УК РФ). Постановлением суда первой инстанции уголовное дело в отношении К. было прекращено, она освобождена от уголовной ответственности с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. В апелляционном представлении государственный обвинитель высказал возражение против такого решения суда, полагая, что условия, обязательные для применения ст. 76² УК РФ, не соблюдены. Автозаводский районный суд г. Тольятти Самарской области в апелляционном постановлении, напротив, указал, что все предусмотренные законом условия соблюдены, уточнив, что ущерб от преступления отсутствует [1]. Таким образом, по логике суда, отсутствие возмещения ущерба не мешает освобождению лица от уголовной ответственности, если фактически ущерб не причинен или по крайней мере он не очевиден. Анализируя одно из подобных судебных решений, М.Ю. Юсупов верно подчеркивает, что в качестве основания для освобождения от уголовной ответственности ст. 76² УК РФ предусматривает возмещение ущерба, причиненного преступлением, а не его отсутствие [17, с. 126]. Поэтому ссылки на то, что преступлением вред не причинен или он причинен пу-

бличным интересам и в силу этого не имеется адекватных способов его заглаживания, свидетельствуют об ошибочном применении рассматриваемого вида освобождения от уголовной ответственности.

Подход, согласно которому при совершении преступных посягательств на публичные интересы возможность освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа зависит от того, существуют ли в принципе способы заглаживания вреда, причиненного деянием охраняемым законом интересам общества и государства, следует признать правильным. Однако анализ судебной практики показывает, что правоприменители, опираясь на рекомендацию Пленума Верховного Суда РФ относить к заглаживанию вреда принятие по существу любых мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления прав потерпевшего, законных интересов личности, общества и государства [14], в ряде случаев толкуют заглаживание чрезмерно широко. Вследствие этого ст. 76² УК РФ применяется при фактическом отсутствии заглаживания вреда, причиненного преступлением исключительно интересам общества или государства.

Так, Свердловский областной суд отменил постановление Октябрьского районного суда г. Екатеринбурга, которым было отказано в удовлетворении ходатайства дознавателя о прекращении уголовного дела и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа С., совершившему преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 200¹ УК РФ. В апелляционной жалобе адвокат просил постановление отменить и направить дело на новое судебное разбирательство, мотивируя это тем, что С. признал вину, раскаялся в содеянном, принес письменные извинения таможенному органу в лице заместителя начальника Кольцовской таможни. Суд апелляционной инстанции согласился с доводами, изложенными в жалобе, и указал, что С. загладил причиненный вред путем принесения публичных извинений таможенным органам, а вывод суда первой инстанции о том, что данный способ заглаживания явно не соответствует вреду, причиненному охраняемым уголовным законом правоотношениям, является необоснованным [7].

Уже упоминавшимся выше постановлением Бирлюкского районного суда Красноярского края Ш., обвинявшийся в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 222¹, ч. 1 ст. 223 УК РФ, освобожден от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. В апелляционном представлении в качестве одного из нарушений уголовного закона государственный обвинитель указал на излишне широкое понимание судом круга преступлений, по которым возможно применение данного вида освобождения от уголовной ответственности. В частности,

было обращено внимание на то, что преступления, в совершении которых обвиняется Ш., не предусматривают какого-либо потерпевшего и не совершены в отношении какого-либо лица, их объектом является общественная безопасность; в связи с этим обязательное условие по возмещению ущерба или иному заглаживанию причиненного вреда не может быть выполнено, что влечет невозможность освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа по данной категории преступлений. Красноярский краевой суд в апелляционном постановлении согласился с выводами суда первой инстанции, отметив, что «заглаживание вреда может включать как компенсацию морального вреда, так и иные действия, направленные на устранение противоправных последствий деяния, в том числе принесение извинений, раскаяние в содеянном, публичное сожаление о случившемся» [2].

Представляется, что ни раскаяние, ни публичное сожаление о содеянном, ни принесение извинений государственному органу в лице его сотрудников не могут расцениваться как заглаживание вреда, причиненного публичным интересам, иначе лицо, совершившее преступление, посягающее исключительно на интересы общества или государства, оказывается в привилегированном положении по сравнению с субъектом, совершившим преступление в отношении конкретного потерпевшего: потерпевшему нужно реально возмещать причиненный ущерб, тогда как для заглаживания вреда интересам общества или государства достаточно всего лишь выразить «публичное сожаление о случившемся». С учетом изложенного следует согласиться с позицией тех судов, которые в подобных ситуациях отказываются констатировать заглаживание причиненного вреда и применять ст. 76² УК РФ. Так, приговором Чкаловского районного суда г. Екатеринбурга М. был осужден по ч. 1 ст. 222 УК РФ. В апелляционной жалобе адвокат просил приговор отменить, уголовное дело прекратить, назначить М. меру уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в соответствии со ст. 76² УК РФ. В жалобе отмечалось, что в период следствия виновный давал правдивые и полные показания по обстоятельствам преступления, ходатайствовал о рассмотрении уголовного дела без проведения судебного разбирательства, и эти обстоятельства следует расценивать как «действия, направленные на заглаживание причиненного преступлением уголовно-правового вреда в сфере общественной безопасности в виде негативных изменений в социальной деятельности, нарушающей упорядоченность общественных отношений, внесшей элементы дезорганизации в сложившийся правопорядок». Свердловский областной суд в апелляционном постановлении не признал эти действия М. заглаживанием причинен-

ного преступлением вреда и оставил апелляционную жалобу без удовлетворения [8].

Не является заглаживанием вреда, причиненного публичным интересам, и такой вариант социально полезного поведения, как оказание помощи в виде пожертвований денег или иного имущества государственным, муниципальным и общественным организациям. Между тем среди части практических работников получило распространение мнение о том, что для заглаживания вреда, причиненного преступлениями против общественной безопасности, достаточно внести благотворительный взнос на счет общественного фонда, детского сада или иного учреждения социальной направленности. Однако суды обоснованно не соглашались с такой позицией. Так, постановлением суда первой инстанции было отказано в удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в отношении Д., совершившего преступление, предусмотренное ст. 264¹ УК РФ. В апелляционной жалобе адвокат просил постановление отменить, мотивируя это тем, что суд необоснованно пришел к выводу о недостаточности мер по заглаживанию причиненного вреда для применения освобождения от уголовной ответственности по ст. 76² УК РФ, хотя лицом, совершившим преступление, на основании договора пожертвования были безвозмездно переданы учреждению социального обслуживания населения Тюменской области денежные средства в размере 10 000 руб. Центральный районный суд г. Тюмени в апелляционном постановлении указал, что деяние, совершенное Д., отнесено уголовным законом к преступлениям против безопасности движения и эксплуатации транспорта, непосредственным объектом преступления выступают общественные отношения, обеспечивающие безопасность движения; что же касается произведенных пожертвований, то они не имеют отношения к совершенному преступлению и не могут расцениваться как заглаживание причиненного вреда [10].

Аналогичное решение было принято судами первой и апелляционной инстанций по делу В., который подозревался в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 222¹ УК РФ. Орловский областной суд в апелляционном постановлении, в частности, отметил, что активное содействие раскрытию и расследованию преступления, а также внесение взноса в размере 1500 руб. на счет благотворительного фонда нельзя признать заглаживанием вреда, причиненного преступлением [5].

В то же время в ряде случаев вред, причиненный публичным интересам, может быть заглажен, если у лица действительно есть возможность нейтрализовать негативные последствия совершенного преступления. Постановлением Железнодорожного район-

ного суда г. Ульяновска было удовлетворено ходатайство следователя о прекращении уголовного дела в отношении Н., совершившего преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 303 УК РФ; в соответствии со ст. 76² УК РФ к лицу применена мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. В апелляционном представлении государственный обвинитель обратил внимание на то, что возможность освобождения от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным ст. 76² УК РФ, существует только за совершение преступлений с материальным составом, которые предусматривают наступление общественно опасных последствий в виде причинения имущественного или неимущественного вреда физическим лицам; к преступлению, предусмотренному ч. 1 ст. 303 УК РФ, состав которого является формальным, положения данной статьи применены быть не могут. В апелляционном постановлении Ульяновского областного суда отмечается, что ст. 76² УК РФ

не содержит запрета на применение ее положений к лицам, подозреваемым в совершении преступлений с формальным составом, в т.ч. преступлений против правосудия. Заглаживание причиненного преступлением вреда выразилось в том, что Н. направил в Арбитражный суд Поволжского округа письменный отзыв, в котором указал на наличие в деле фальсифицированных доказательств и просил отменить все состоявшиеся судебные акты по делу, что и было сделано, а фальсифицированные документы исключены из числа доказательств. По мнению суда апелляционной инстанции, в результате этих действий, направленных на восстановление нарушенных в результате фальсификации доказательств государственных интересов правосудия, и был заглажен вред, причиненный инкриминируемым лицу деянием. Поэтому апелляционное представление обоснованно оставлено без удовлетворения, а постановление суда первой инстанции – без изменения [9].

Литература

1. Апелляционное постановление Автозаводского районного суда г. Тольятти Самарской области от 14 ноября 2017 г. по делу № 10–124/2017 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/y9eeOanUPnYP>.
2. Апелляционное постановление Красноярского краевого суда от 31 октября 2017 г. по делу № 22–6578/2017 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/kZziXrpsA4xp>.
3. Апелляционное постановление Магаданского областного суда от 7 февраля 2018 г. по делу № 22–33/2018 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/TnsAAE4OBZHr>.
4. Апелляционное постановление Ордынского районного суда Новосибирской области от 15 ноября 2017 г. по делу № 10–27/2017 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/wk2ndqzbjhd>.
5. Апелляционное постановление Орловского областного суда от 13 декабря 2017 г. по делу № 22–1663/2017 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/lc5oU0PvWVWV>.
6. Апелляционное постановление Саратовского областного суда от 19 декабря 2017 г. по делу № 22–4202/2017 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/iZBvK4r3vWVP>.
7. Апелляционное постановление Свердловского областного суда от 30 октября 2017 г. по делу № 22–7976/2017 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/kT5gAtsxiq55>.
8. Апелляционное постановление Свердловского областного суда от 7 декабря 2017 г. по делу № 22–9290/2017 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/QntzkKapWI1J>.
9. Апелляционное постановление Ульяновского областного суда от 13 декабря 2017 г. по делу № 22–2516/2017 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/ZPsHLcmGASg3>.
10. Апелляционное постановление Центрального районного суда г. Тюмени от 26 октября 2017 г. по делу № 10–43/2017 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/8bafZ2LuUR5C>.
11. Звечаровский И.Э. О юридической природе судебного штрафа (ст. 76² УК РФ, 104⁴ УК РФ) // Уголовное право. 2016. № 6. С. 98–101.
12. Кудрявцева А.В., Сутягин К.И. Судебный штраф // Уголовное право. 2016. № 6. С. 102–110.
13. Лобанова Л.В., Мкртчян С.М. Некоторые проблемы установления и реализации нового основания освобождения от уголовной ответственности // Уголовное право. 2016. № 6. С. 111–121.

14. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 (ред. от 29 ноября 2016 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
15. Соктоев З.Б. Проблемы применения норм о судебном штрафе // Уголовное право. 2017. № 1. С. 90-94.
16. Степанова И.Б., Соколова О.В. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: проблемы и перспективы // Уголовное право. 2017. № 3. С. 74-79.
17. Юсупов М.Ю. Вопросы применения нового вида освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа // Уголовное право. 2016. № 6. С. 122-128.

УДК 343.6

А.С. Попова

соискатель Тюменского государственного университета

E-mail: nastyapopova@inbox.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЕЛЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ЗАЩИТЫ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ ОТ ПРОТИВОПРАВНЫХ ДЕЙСТВИЙ ПАЦИЕНТОВ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Статья посвящена проблеме участившихся случаев нападения на медицинских работников, в большинстве случаев фельдшеров выездных бригад скорой медицинской помощи, со стороны лиц, которым оказывается медицинская помощь. Анализируются статистические данные правоохранительных органов о преступлениях, совершаемых в отношении медицинских работников при исполнении ими служебных обязанностей, а также законопроекты, которые не нашли своего подтверждения в законодательной среде, однако могли иметь практическое значение в решении рассматриваемой проблемы. Правовая обоснованность предлагаемых изменений в действующее законодательство позволит решить проблему правовых пробелов, а также повысить уровень уголовно-правовой защиты медицинских работников.

Ключевые слова: защита жизни и здоровья медицинских работников, преступные посягательства пациентов, состояние преступности, пробелы уголовного и административного законодательства, законопроекты федеральных законов.

A.S. Popova

degree-seeking student of Tyumen State University

E-mail: nastyapopova@inbox.ru

SOME GAPS IN THE LEGISLATIVE REGULATION OF LIFE AND HEALTH PROTECTION OF MEDICAL WORKERS FROM THE ILLEGAL ACTIONS OF PATIENTS AND WAYS OF OVERCOMING THEM

The article is devoted to the problem of frequent cases of attacks on medical workers, in most cases, paramedics of mobile emergency medical teams by persons who receive medical care. The author analyzes the statistical data of law enforcement agencies on crimes committed against medical workers in the performance of their duties, as well as bills that have not been confirmed in the legislative environment, however, could be of practical importance in solving the problem under consideration. The legal validity of the proposed changes to the current legislation will solve the problem of legal gaps, as well as increase the level of criminal and legal protection of health workers.

Key words: life and health protection of medical workers, criminal attacks of patients, the state of crime, gaps in criminal and administrative legislation, bills of federal laws.

В последнее время средства массовой информации часто публикуют новости о нападении пациентов на медицинских работников. Действительно, статистика Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации и Прокуратуры Российской Федерации по данному факту фиксирует тенденцию роста причинения вреда жизни и здоровью медицинских работников. Так, в Москве ежегодно фиксируется около 200 нападений [2]. В Ярославле за первые 2 месяца 2017 г. на медицинских работников скорой помощи нападали в 5 раз больше, чем в 2016 г. [17]. С января по май 2017 г. в Омске в Росгвардию поступило 20 обращений о нападении на медицинских работников [17]. За полгода 2017 г. в Республике Татарстан совершено 17 нападений на фельдшеров, за 2016 год эта цифра составила 14 [17].

По данным Министерства здравоохранения Алтайского края, если в 2015 г. таких случаев не было вообще, то в 2016 г. произошло сразу восемь нападений на медицинских работников [2].

По данным Министерства здравоохранения Российской Федерации, число нападений на медработников при исполнении ими служебных обязанностей растёт – в 2016 г. в отношении них зафиксировано 1226 фактов насилия, примерно столько же было совершено за предыдущие два года [14].

По официальной статистике, происходит одно-два нападения на медицинских работников в месяц в субъекте РФ [14].

Изучение следственной практики показало, что наиболее «криминальные» пациенты проживают в Московской, Омской, Ленинградской, Ярославской, Хабаровской областях, а также в Нижнем Тагиле и Сургуте.

К сожалению, приходится констатировать, что на сегодняшний день специальных нормативно-правовых актов, направленных на защиту интересов медицинского персонала в случае нападения, не существует ни на федеральном, ни на региональном уровнях. Индивидуальные средства защиты от нападения пациентов также законом не предусмотрены.

В самостоятельной борьбе с участвовавшими случаями нападения на работников выездной скорой медицинской помощи некоторые регионы РФ практикуют свои методы защиты от агрессивных пациентов. В Барнауле, например, все автомобили скорой медицинской помощи оборудованы системой геопозиционирования ГЛОНАСС, с помощью которой медицинский работник может подать сигнал тревоги в случае угрозы для выездной бригады в дежурную службу [2].

Омская служба скорой медицинской помощи одна из первых в России заключила контракт с Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации. В компьютерных планшетах врачей установлена программа тревожной сигнали-

зации. В случае опасности медицинскому работнику достаточно нажать на соответствующую кнопку на экране планшета, и в единый диспетчерский центр поступит сигнал, программа определит местонахождение бригады, и по данному адресу будет незамедлительно направлен ближайший экипаж сотрудников Росгвардии [2].

В Кемеровской области все бригады скорой помощи имеют в арсенале электрошокеры. Участвовавшие случаи нападения также заставили задуматься об обеспечении электрошокерами приемные отделения и дежурные санпропускники медучреждений. Также для безопасности пациентов и врачей все посты охраны больниц и поликлиник предложено оснастить ручными металлодетекторами [17].

Изучение следственной практики показало, что наиболее частыми противоправными действиями пациентов и сопровождающих их лиц в отношении медицинских работников, в частности фельдшеров выездных бригад скорой медицинской помощи, являются причинение телесных повреждений (ушибы, ссадины, сотрясение головного мозга, переломы, колото-резаные ранения, огнестрельные ранения, укусы собак крупных и бойцовских пород), угрозы причинением вреда здоровью либо смерти работнику здравоохранения, попытки изнасилования, оскорбления, воспрепятствования осуществлению непосредственно медицинской помощи нуждающемуся пациенту иными способами, создание препятствий для проезда автомобилю скорой медицинской помощи к месту нахождения пациента, которому требуется оказание неотложной медицинской помощи, а также причинение смерти медицинскому работнику.

В 80% случаев от агрессивных действий пациентов страдают женщины, поскольку основной контингент работающего персонала, в частности в должности фельдшеров выездных бригад скорой медицинской помощи, составляют именно женщины различного возраста.

Изучение нами следственной практики за 10 месяцев 2017 г. показало, что из возбужденных 46 уголовных дел на территории субъектов РФ по факту нападений на медицинских работников в основном применяются следующие статьи Уголовного кодекса Российской Федерации: ст. 116, ч. 1 ст. 213, ч. 2 ст. 115, п. «б» ч. 2 ст. 105, ч. 2 ст. 119, ч. 2 ст. 127.

В российском уголовном законодательстве отсутствует специальная норма, предусматривающая ответственность за причинение вреда жизни и здоровью работников здравоохранения при исполнении ими своих профессиональных функций. Таким образом, следует констатировать, что привлечь агрессивных пациентов, причинивших физическое насилие в отношении медицинских работников, в большинстве случаев невозможно.

Попытки законодательно защитить жизнь, здоровье и репутацию медицинских работников были предприняты еще в 2015 г., когда депутат фракции «Справедливая Россия» А.В. Круглов предлагал внести поправки в Уголовный кодекс РФ. За угрозы или насилие в отношении врача, если оно было неопасно для здоровья, предусматривалось наказание до пяти лет лишения свободы, а если здоровью причинён вред – до 10 лет. Однако этот законопроект отклонили депутаты фракции «Единая Россия» и депутаты фракции КПРФ [16].

Другой законопроект 1 июня 2016 г. внёс в Государственную Думу РФ депутат фракции ЛДПР С.В. Иванов, в котором были предусмотрены поправки в Кодекс об административных нарушениях РФ об усилении ответственности за мелкое хулиганство. А именно в статье «Мелкое хулиганство» предлагалось прописать новый пункт – оскорбление медицинских работников, а также насильственные действия в их отношении (или угроза насилием), которые не причинили вреда жизни и здоровью. Наказание за указанное правонарушение предусматривалось в виде 15 суток административного ареста [16].

В октябре 2016 г. Национальная медицинская палата совместно с экспертами Всероссийского государственного университета юстиции подготовила поправки в УК РФ и УПК РФ об усилении ответственности за причинение вреда жизни и здоровью медицинского работника. В частности, за применение насилия, опасного для жизни или здоровья медработников, предполагалось наказывать лишением свободы на срок до десяти лет. А при посягательстве на жизнь медработника в связи с осуществлением профессиональных обязанностей – лишением свободы на срок от 12 до 20 лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо пожизненным лишением свободы [13].

Указанные изменения предлагалось внести путем введения в главу 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» Уголовного кодекса Российской Федерации новой статьи 238.2 «Посягательство на медицинского работника в связи с осуществлением профессиональных обязанностей по оказанию медицинской помощи» [13].

Проектом федерального закона № 999789-6 предлагалось внести в УК РФ изменения путём дополнения его ст. 124.1, 124.2, 124.3 УК РФ: ст. 124.1 «Посягательство на жизнь медицинского работника при оказании скорой, в том числе скорой специализированной, медицинской помощи»; ст. 124.2 «Применение насилия в отношении медицинского работника при оказании скорой, в том числе скорой специализированной, медицинской помощи»; ст. 124.3 «Оскорбление медицинского работника при оказании

скорой, в том числе скорой специализированной, медицинской помощи» [6].

Другим проектом федерального закона № 104489-7 предлагалось ввести в гл. 25 УК РФ ст. 237.1 УК РФ: «Применение насилия в отношении медицинского работника, посягательство на его жизнь при выполнении профессиональных обязанностей по оказанию медицинской помощи» [7].

Проектом же федерального закона № 992972-6 предлагалось изложить примечание к ст. 318 УК РФ в следующей редакции: «представителем власти в настоящей статье и других статьях настоящего Кодекса признаётся должностное лицо правоохранительного или контролирующего органа, иное должностное лицо, наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости, а также сотрудники бригад скорой медицинской помощи» [8].

Однако Правительство Российской Федерации подготовило отрицательный отзыв на данный законопроект, пояснив, что применяемое в законодательстве РФ понятие «медицинский работник» не содержит обязательного признака, присущего представителю власти. В связи с этим медицинские работники не могут быть отнесены к представителям власти [16].

Депутат фракции «Единая Россия» в Государственной Думе РФ Н.Ф. Герасименко также отметил, что «нельзя ставить медицинских работников на одну ступень с сотрудниками правоохранительных органов, которые работают постоянно в условиях риска для жизни». Такая позиция была аргументирована тем, что вместе с правами особого статуса медиков придётся и их ответственность приравнять так же, как и ответственность должностного лица. Данный пункт был исключён из законопроекта [1].

Аналогичную позицию поддерживают и в научной сфере, что уравнивание в защите сотрудников правоохранительных органов и медицинских работников будет считаться некорректным [3, 5]. Поскольку ситуации, угрожающие жизни и здоровью медицинских работников, возникают не столь часто по сравнению с сотрудниками правоохранительных органов. Более того, не исключено, что, закрепив «особый» статус медицинских работников в уголовном законодательстве, сотрудники других служб (газовые службы, работники ЖКХ, почтальоны и др.), с которыми по роду их деятельности периодически происходят случаи нападения на них со стороны граждан, также потребуют уголовно-правовой защиты наравне с сотрудниками правоохранительных органов.

Все представленные законодательные проекты в пояснительных записках обосновываются тем, что

медработники осуществляют свою деятельность в особых условиях, часто оказывают помощь лицам с агрессивным поведением, находящимся в токсическом, алкогольном или наркотическом опьянении. За отказ от оказания помощи больному медицинский работник может быть привлечён к уголовной ответственности по ст. 124 УК РФ. Кроме того, лицо, осуществляя посягательство на врача, ставит под угрозу не только его здоровье или жизнь, но и гарантированное ч. 1 ст. 41 Конституции РФ и ч. 1 ст. 19 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» право граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь [7].

Анализ официальных отзывов Правительства РФ, Верховного Суда РФ, профильных комитетов Государственной Думы РФ показывает, что ни один из представленных проектов федеральных законов поддержан не был. Отказ в их принятии обосновывается тем, что в случае, если фельдшеру бригады скорой помощи причинён вред средней тяжести, тяжкий вред здоровью или в отношении него совершено убийство, такие противоправные деяния должны быть квалифицированы в соответствии со ст. 112, 111, 105 УК РФ. При этом согласно п. «б» ч. 2 ст. 112, п. «а» ч. 2 ст. 111, п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ указанные деяния, совершенные в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности, влекут повышенную уголовную ответственность. Кроме того, не следует забывать и о перечне обстоятельств, отягчающих наказание (ст. 63 УК РФ), а именно согласно п. «ж» ч. 1 отягчающим признаётся «совершение преступления в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга». В связи с этим депутаты Государственной Думы РФ считают, что действующим уголовным законодательством РФ предусмотрены достаточные меры для охраны жизни и здоровья медицинских работников [8]. По итогу рассмотрения указанных законопроектов все они отклонены в первом чтении Государственной Думой РФ.

В настоящий момент на рассмотрении Государственной Думы РФ находится пять законопроектов (№ 83566-7, № 184570-7, № 139437-7, № 139439-7, № 88389-7), усиливающих как уголовную, так и административную ответственность за совершение в отношении сотрудников медицинских учреждений действий, сопряженных с угрозой применением насилия и за воспрепятствование законной деятельности либо законным требованиям медицинских работников [16].

Поправки в Кодекс об административных правонарушениях предусматривают наказание в виде ад-

министративного штрафа в размере от 4 тысяч рублей до 5 тысяч рублей или административный арест на срок до 15 суток [9].

Если пациент не получил медицинскую помощь либо получил ее с опозданием, водителю, не пропустившему машину скорой помощи, грозит штраф в размере 30 тысяч рублей, а также лишение права управлять транспортным средством на срок от полугода до двух лет [9].

Предлагается дополнить главу 16 Уголовного кодекса новой статьей 124.1 «Воспрепятствование оказанию медицинской помощи». Если здоровью больного был причинен вред средней тяжести, предусматривается наказание в виде административного штрафа в размере до 40 тысяч рублей. Кроме того, законопроект предусматривает обязательные работы на срок до 360 часов, либо исправительные работы на срок до одного года, либо до четырех месяцев ареста [10].

Если из-за воспрепятствования работе медицинских работников больной умер или его здоровью был причинен тяжкий вред, наказание предусматривает принудительные работы или лишение свободы на срок до четырех лет [10].

Статьи 115 УК (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью) и 119 УК (угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью) предлагается дополнить квалифицирующим признаком: ответственность предусматривается за преступления в отношении лица, осуществляющего служебную деятельность [11].

Наказание за причинение легкого вреда здоровью медицинским работникам предусматривает до двух лет лишения свободы. Угрозы убийством в отношении медицинских работников предусматривают наказание в виде принудительных работ до пяти лет или лишения свободы на срок до пяти лет [11].

Депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации разъяснили, что юридически положения сформулированы таким образом, что любая попытка нанести либо словесное оскорбление, либо физический вред медицинскому работнику при исполнении им служебных обязанностей будет квалифицироваться как ограничение выполнения его служебных функций [15]. Одобренный законопроект уже вызвал волну обсуждений и в экспертной среде, и в среде самих медицинских работников. Критики отмечают расплывчатость формулировок, отсутствие реальной защиты для самих врачей.

Вышеназванная норма предполагает ответственность не в каждом случае причинения вреда пациенту, а лишь если это вред средней тяжести, тяжкий вред или смерть и лишь в случае, если они причинены по неосторожности. Доктор юридических наук,

профессор кафедры Всероссийского государственного университета юстиции А.Ю. Чупрова отмечает, что, «если в результате нападения на медицинского работника пациенту будет причинен легкий вред, нападавший за это будет привлечен лишь к административной ответственности. Кроме того, причинение вреда здоровью средней тяжести именно по неосторожности не является преступлением по УК РФ, за исключением случаев, когда такие последствия являются результатом неисполнения своих обязанностей специальным субъектом» [4].

Президент Национальной Медицинской палаты Л.М. Рошаль утверждает, что ее эксперты настаивают на том, что необходимо установить специальную норму об ответственности за посягательства именно на медицинских работников. «Под охраной закона должны находиться не только конкретный врач, подвергшийся нападению, и пациент, лишенный в результате нападения своевременной медицинской помощи, но и все те пациенты, которым мог и должен был в течение своего рабочего дня оказать медицинскую помощь этот врач» [13].

Председатель Профсоюза работников здравоохранения РФ М.М. Кузьменко в своем обращении к Правительству РФ инициировал внести изменения в Уголовный кодекс РФ, предусматривающие более суровое наказание для тех, кто нападает на работников сферы здравоохранения. Председатель Правительства РФ Д.А. Медведев поручил главам Министерства здравоохранения РФ, Министерства юстиции РФ и Министерства труда РФ рассмотреть указанное обращение [16].

Проанализировав весь комплекс имеющейся информации в СМИ, замечания и предложения работников сферы здравоохранения, правоприменителей и законодателей, можно сделать следующие выводы.

Действительно, ситуация в сфере оказания медицинских услуг за последние два года сложилась не самым лучшим образом. Имеющиеся законодательные пробелы в части защиты жизни, здоровья и деловой репутации медицинских работников от нападков агрессивных граждан требуют кардинального решения. В связи с тем, что число нападений на бригады скорой медицинской помощи не уменьшается, необходимо разработать реально действующий механизм для их защиты. Необходимо создать комплекс мер по безопасности медицинского персонала.

Положительным примером борьбы с нападениями на фельдшеров бригад скорой медицинской помощи, на наш взгляд, могут послужить меры безопасности, которыми уже пользуются медицинские работники г. Омска и г. Барнаула.

Еще одним из способов защиты выступает страхование жизни и здоровья медработников при исполнении ими профессиональной деятельности, т.к.

в настоящее время единый механизм такого страхования на федеральном уровне отсутствует. В случае причинения вреда жизни и здоровью медицинским работникам в связи с исполнением ими возложенных государством задач по оказанию медицинской помощи населению они остаются без гарантированных государством компенсаций за потерянное здоровье и жизнь [12].

Нападение на медицинских работников, выполняющих свои профессиональные обязанности, обладает повышенной общественной опасностью, обусловленной профессиональным статусом потерпевших. Посягая на медицинского работника, нападающий ставит под угрозу не только здоровье или жизнь конкретного сотрудника лечебного учреждения или скорой помощи, под угрозу ставится гарантированное ч. 1 ст. 41 Конституции Российской Федерации и ч. 1 ст. 19 ФЗ от 21.11.2011 № 323 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» право граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь.

Для противодействия таким преступлениям следует дополнить главу 25 УК РФ специальной нормой ст. 238.2, предусматривающей ответственность за посягательство на жизнь и здоровье медицинского работника при выполнении обязанностей в связи с оказанием медицинской помощи. Где основным объектом посягательства выступают жизнь и здоровье населения, а факультативным объектом – жизнь, здоровье, а также нравственные основы медицинского работника.

Предлагаем изложить ст. 238.2 следующим образом: «Посягательство на медицинского работника в связи с осуществлением профессиональных обязанностей по оказанию медицинской помощи гражданам

1. Применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угроза применением насилия в отношении медицинского работника в связи с осуществлением профессиональных обязанностей по оказанию медицинской помощи –

наказывается штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо арестом на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до пяти лет.

2. Применение насилия, опасного для жизни или здоровья, в отношении лиц, указанных в части первой настоящей статьи, –

наказывается лишением свободы на срок до десяти лет.

3. Посягательство на жизнь медицинского работника в связи с осуществлением профессиональных обязанностей по оказанию медицинской помощи –

наказывается лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо пожизненным лишением свободы.

Примечание: Медицинским работником в настоящей статье признается физическое лицо, которое имеет медицинское или иное образование, работает в медицинской организации и в трудовые (должностные) обязанности которого входит осуществление

медицинской деятельности, либо физическое лицо, которое является индивидуальным предпринимателем, непосредственно осуществляющим медицинскую деятельность».

Часть 2 ст. 105 УК РФ дополнить пунктом «о», содержащим следующий квалифицирующий признак:

«о) в отношении медицинского работника при осуществлении профессиональных обязанностей в связи с оказанием медицинской помощи гражданам».

Литература

1. В Минздраве нашли способ защитить врачей от насилия. URL: <https://ok.ru/obychnyvra/topic/66050131034358>.
2. Газета. RU: Общественно-политическое интернет-издание. URL: <https://rg.ru>.
3. Горбунов А.Е. Необходимо ли ввести уголовную ответственность за нападение на медицинских работников? // Право, общество, государство: история, современные тенденции и перспективы развития: сборник научных трудов по мат-лам международной научно-практ. конф-ции. 2017. С. 528-532.
4. Е. Пичугина. Закон о защите врачей предложили доработать, иначе толку не будет, 12.07.2017. URL: <http://www.mk.ru/social/2017/06/12/zakon-o-zashhite-vrachey-predlozhili-dorabotat-inache-tolku-ne-budet.html>.
5. Миронова С.С. О нападении на медицинских работников: быть ли отдельным категориям медицинских работников в статусе государственных служащих? // Совершенствование государственного и муниципального управления в условиях формирования демократического правового государства: мат-лы VI межвузовской научно-практ. конф-ции. Ижевск, 2017. С. 185-190.
6. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части введения повышенной уголовной ответственности за посягательство на жизнь медицинского работника, применение насилия в отношении медицинского работника и оскорбление медицинского работника): законопроект № 999789-6. URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=999789-6](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=999789-6) (дата обращения: 28.03.2017).
7. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: проект федерального закона № 104489-7. URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=104489-7](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=104489-7) (дата обращения: 28.03.2017).
8. О внесении изменений в статью 318 Уголовного кодекса Российской Федерации (в части отнесения сотрудников бригад скорой помощи к представителям власти): законопроект № 992972-6. URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=992972-6](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=992972-6) (дата обращения: 28.03.2017).
9. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части обеспечения прав граждан на медицинскую помощь: законопроект № 139437-7. URL: <file:///C:/Users/N/Downloads/139437-7.PDF>.
10. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления ответственности за воспрепятствование законной деятельности либо законным требованиям медицинских работников: законопроект № 184570-7. URL: file:///C:/Users/N/Downloads/184570-7_24052017_184570-7.PDF.
11. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части защиты жизни и здоровья пациентов и медицинских работников: законопроект № 139439-7. URL: <file:///C:/Users/N/Downloads/139439-7.PDF>.
12. Обращение Профсоюза работников здравоохранения Российской Федерации в Правительство и Минздрав России от 16.09.2016. URL: <http://www.przrf.ru/news/full/inform/Obrashenie-Profsoyuza-v-Pravitelstvo-i-Minzdrav-Rossii>.
13. Официальный сайт НП «Национальная Медицинская палата». URL: <http://www.nacmedpalata.ru>.
14. Парламентская газета: интернет-издание Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://www.pnp.ru>.
15. Право-мед. ру. Информационный портал. URL: <http://pravo-med.ru>.
16. СОЗД beta Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество»). URL: <http://sozd.parlament.gov.ru>.
17. REGNUM: Информационное агентство. URL: <https://regnum.ru>.

УДК 343.85

А.И. Смирнов, канд. эконом. наук, доцент

УМВД России по Мурманской области;

С.В. Орлов

УМВД России по Мурманской области

E-mail: omvp51@mail.ru;

Д.В. Бушлякова

УМВД России по Мурманской области

E-mail: darya.bushlyakova@gmail.com

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ МЕТОДИК РАННЕГО ВЫЯВЛЕНИЯ ЛИЦ, ВОВЛЕЧЕННЫХ В НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИКОВ, И ОРГАНИЗАЦИИ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ С НИМИ

В статье рассматриваются вопросы повышения уровня эффективности деятельности по противодействию наркоугрозе, поиска новых форм антинаркотической профилактики, направленной на различные категории населения, в первую очередь подрастающее поколение.

Ключевые слова: профилактическая работа, незаконный оборот наркотиков, наркомониторинг, система раннего выявления наркопотребителей, поиск информации, использование IT-технологий в деятельности органов внутренних дел.

A.I. Smirnov, PhD. (Candidate of Economic Sciences), assistant-professor
Regional Office of the Ministry of Internal Affairs of Russia of the Murmansk region;

S.V. Orlov

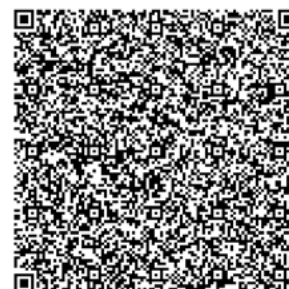
Regional Office of the Ministry of Internal Affairs of Russia of the Murmansk region

E-mail: omvp51@mail.ru;

D.V. Bushlyakova

Regional Office of the Ministry of Internal Affairs of Russia of the Murmansk region

E-mail: darya.bushlyakova@gmail.com

ABOUT IMPROVEMENT OF TECHNIQUES FOR EARLY DETECTION OF PERSONS WHO ARE INVOLVED IN ILLICIT DRUG TRAFFICKING AND THE ORGANIZATION OF INDIVIDUAL PREVENTION WORK WITH THEM

This article deals with the issues relating to the ways of increasing the efficiency of counter-drug activities, searching new forms of counter-drugs preventing care which is aimed at different social groups, especially youth.

Key words: prevention work, drug trafficking, drug level monitoring, system of early detention of drug users, information searching, using of IT technologies in law-enforcement agencies work.

Наркомания и связанная с ней наркопреступность являются одной из острейших проблем современной России. Наркотизация населения подрывает национальную безопасность, оказывает губительное влияние на демографию и социально-экономическое положение государства. Смертность от передозировок наркотиками, рост преступности, патологии в развитии и безнадзорность детей – только внешние проявления наркотизма как социального явления.

Наркотики способны взорвать фундаментальные основы безопасности общества и государства, разрушить национальный генофонд, нравственные, социальные, политические и экономические устои, стать причиной техногенных аварий и катастроф, военных конфликтов.

Все более очевидным становится влияние наркомании и на экономическую безопасность государства. Сфера незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ является мощным механизмом перевода денег из легального бизнеса в теневую. Сегодня наркобизнес занимает одно из лидирующих мест по объему прибыли. Неконтролируемые государством наркодоходы используются для расширения теневого бизнеса, постоянно увеличивая его потенциал.

Характерным примером использования наркотиков для решения внешнеполитических и экономических интересов является развязанный Англией в XIX в. наркогеноцид по отношению к населению Китая (так называемые «опиумные» войны 40-50-х гг. XIX в.), который обернулся трагедией не только для жителей Поднебесной империи, но и сопредельных государств. В течение нескольких десятилетий Китай из могущественной империи с богатой культурой и природными ресурсами превратился в страну с разрушенной экономикой и наркозависимым населением.

Нельзя забывать и об огромных бюджетных средствах, ежегодно расходуемых государством на поддержание здоровья и возвращение к жизни наркозависимых членов общества, лечение их от сопутствующих наркопотреблению заболеваний.

Так, по данным ведущего наркологического учреждения Мурманской области – ГОБУЗ «Мурманский областной наркологический диспансер», только в рамках государственного задания на мероприятия по лечению и медицинской реабилитации одного наркологического больного предусмотрено выделение около 335 тысяч рублей¹.

В случае передозировки от употребления наркотиков и вызова бригады скорой медицинской помощи

стоимость медицинской эвакуации больного в сопровождении общепрофильной фельдшерской бригады составляет 2 200 рублей в час.

Если сопоставить стоимость вышеуказанных медицинских услуг с данными медицинской статистики, возможно лишь примерно определить размер наркотической «черной дыры», куда ежегодно уходят средства налогоплательщиков.

Учитывая, что только на официальных учетах в региональной наркологической службе состоит более 1,5 тысяч человек, а в прошедшем году бригадами скорой помощи осуществлено около 500 выездов на случаи передозировок наркотиками, лишь приблизительные затраты регионального бюджета по данному направлению составили более 500 млн рублей.

Нельзя недооценивать негативное влияние наркомании на состояние рынка рабочей силы. В связи с многочисленными болезнями, сопутствующими наркопотреблению, появляется пласт нетрудоспособного населения, неспособного заниматься ни физическим, ни интеллектуальным трудом.

Неспособность наркозависимого качественно выполнять задачи, поставленные перед ним работодателем, ведет к исключению его из трудовых отношений, а постоянная потребность в нелегальных и быстрых заработках толкает на путь совершения преступлений.

Таким образом, вполне очевидно, что противодействие незаконному обороту наркотиков и сокращение количества наркопотребителей будут способствовать не только оздоровлению общества в целом, но и высвобождению значительных денежных средств, а также перераспределению их на реализацию других не менее важных социальных программ [4].

Приведенные примеры влияния наркотизма на состояние большинства сфер общественной и государственной жизни указывают на необходимость консолидации усилий всех заинтересованных учреждений и ведомств в целях выработки более эффективных форм и методов антинаркотической профилактики [10].

Поиск таких путей осуществляется в настоящее время и Управлением МВД России по Мурманской области². Основная цель реализуемых мероприятий – построение системы адресной антинаркотической профилактической работы, заключающейся в совершенствовании методик раннего выявления лиц, вовлеченных в незаконный оборот наркотиков, а также наркопораженных объектов (образовательных организаций, войсковых частей, предприятий, объектов инфраструктуры), координации деятельности органов и учреждений системы профилактики.

¹ В указанную сумму входит пребывание наркопотребителя на стационарном лечении – 15 дней, реабилитационные мероприятия (45 дней круглосуточного стационара, 48 – дневного и 12 месяцев амбулаторной реабилитации).

² Далее – УМВД.

Попытки практического решения данной задачи уже предпринимаются на протяжении ряда лет отдельными заинтересованными ведомствами.

Так, в рамках реализации Федерального закона от 07.06.2013 № 120-ФЗ [6] в образовательных организациях Российской Федерации ежегодно производится тестирование обучающихся на предмет наркопотребления. Его цель – выявление так называемых «групп риска» – учащихся, склонных к наркопотреблению либо лояльно относящихся к данной проблеме.

В 2017 году проведение такого тестирования организовано Государственным областным бюджетным учреждением Мурманской области «Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи» среди обучающихся образовательных школ и гимназий. Его результатом стало выявление «групп риска» в 120 общеобразовательных организациях Мурманской области.

Однако заложенные в законодательстве основные принципы данного исследования – добровольность и анонимность – существенно затрудняют и даже сводят на нет использование его результатов в повседневной профилактической деятельности. Единственная полезная информация, полученная по итогам тестирования, которая может быть использована в практической работе специалистами, – это общая картина наркопораженности конкретного образовательного учреждения, которая при этом будет существенно искажена тем фактом, что тестированием вследствие его добровольности не были охвачены все обучающиеся.

Иногда результаты тестирования вообще противоречат реально складывающейся в образовательном учреждении ситуации в сфере незаконного оборота наркотиков. Так, по итогам социально-психологического тестирования в ряде образовательных учреждений, обучающиеся которых стали участниками наркопреступлений либо состояли на учете в связи с наркопотреблением, несовершеннолетние, попадающие в «группы риска», вообще выявлены не были.

Таким образом, анализ норм вышеуказанного закона и эффекта от их реализации показывает, что подобная организация тестирования недостаточно регламентирована и, как итог, не несет той практической пользы, которая изначально была заложена законодателем в эту процедуру. Как следствие этого, неэффективно расходуются и заложенные на ее реализацию бюджетные средства.

Так, в Республике Татарстан в рамках апробирования системы школьного тестирования из 80 000 проведенных тестов положительными оказались лишь четыре, при этом расходы на мероприятие были масштабными: стоимость одного экспресс-теста на наркотики составляла 300-400 рублей. То есть

кампания обошлась республиканскому бюджету примерно в 30 млн рублей [14].

Такой же точки зрения придерживается директор Центра защиты прав человека, координатор программ мониторинга Общественного фонда «Международный стандарт» К. Потнин, считающий массовое тестирование малоэффективным, т.к. «...если при затратах в 1,5 млн рублей в Уфе было выявлено не более 50 наркопотребителей, то эти деньги целесообразнее было направить на развитие дошкольного воспитания, на реализацию специальных программ молодежного движения» [12].

Главный нарколог России Евгений Брюн, высказываясь на тему эффективности программы тестирования обучающихся, отметил, что «тестировать тотально всех слишком дорого, да и не нужно. В подавляющем большинстве случаев у человека, употребляющего наркотики, меняется поведение, и это видно» [13].

Альтернативой вышеприведенному тестированию как способу раннего выявления наркопотребителей может стать более активное использование при проведении наркомониторинга информационного ресурса сети Интернет, который является не только одной из площадок трансляции наркогенной информации, но и активно используется рядом пользователей для совершения наркопреступлений.

Обладая на первоначальном этапе исследования данными об обучающихся, попавших в поле зрения правоохранительных и иных органов в связи с причастностью к незаконному обороту наркотиков, возможно использовать их для формирования более объективной картины наркопораженности молодежи с привязкой к конкретным населенным пунктам и образовательным организациям.

Еще в 2014 г. для автоматизации процесса сбора информации о пользователях и сообществах крупнейшей в российском Интернете социальной сети «ВКонтакте»¹ УМВД начало разработку программного комплекса под условным наименованием «СПРУТ»², который в считанные часы помогает выявлять активных участников той либо иной группы, их связи, определять потенциальных информационных угрозоносителей в рамках проводимой работы по информационному противоборству, а также отношение пользователей к той или иной теме, обсуждаемой в сети.

Так как результаты разработки СПО «СПРУТ» являются интеллектуальной собственностью УМВД, было принято решение о необходимости правовой защиты результатов разработки. В Федеральной служ-

¹ «ВКонтакте» – российский аналог сервиса Facebook; третий по посещаемости сайт России, второй – на Украине и в Белоруссии, четвертый – в Казахстане, 38-й – в мире.

² Далее – СПО «СПРУТ», программный комплекс.

бе по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам получено свидетельство о государственной регистрации исходных кодов СПО «СПРУТ» в соответствующих государственных реестрах.

Механизм работы программного комплекса основан на получении информации, предоставляемой социальной сетью «ВКонтакте», находящейся в открытом доступе, в связи с чем оператор, осуществляющий сбор такой информации, действует в правовом поле, не нарушая и не ограничивая конституционные права граждан России [7].

В частности, по запросу, выполняемому программой, от серверов социальной сети приходит специальным образом отформатированная для обработки ЭВМ информация о данных пользователей, сообщениях, информационных материалах и их связях. Данная информация сохраняется в базе данных на сервере УМВД и в итоге предоставляется оператору.

Так, например, путем сопоставления данных Информационного центра УМВД о лицах, совершивших наркопреступления в 2016-2017 гг., результатов административно-применительной деятельности и сведений об обучающихся, состоящих на контроле в подразделениях по делам несовершеннолетних территориальных ОВД в связи с наркопотреблением, была получена информация о 106 учащихся и студентах образовательных организаций Мурманской области, вовлеченных в незаконный оборот наркотиков.

С использованием ресурса СПО «СПРУТ» была проанализирована информация, размещенная на страницах 57 правонарушителей, являющихся активными пользователями социальной сети «ВКонтакте». Сделать это в ручном режиме достаточно сложно из-за колоссального ее объема – даже сообщество, в котором состоит несколько сотен человек, может содержать до нескольких тысяч связей между пользователями.

Для примера, с помощью СПО «СПРУТ» обработана интернет-страница обучающегося одного из учреждений среднего профессионального образования Мурманской области, привлеченного к уголовной ответственности за незаконный оборот наркотических средств.

Проведенный анализ круга общения молодого человека позволил установить его интересы, а также выявить 39 учащихся и студентов, разделяющих его взгляды, из которых 11 – обучающиеся того же образовательного учреждения.

В результате проведенной работы были получены сведения о привязке указанных пользователей к региону и городу, об их связях с другими пользователями и сообществами, о размещаемых ими записях, комментариях и фотографиях.

Также по итогам проведенного анализа была установлена группа пользователей, в которой наибо-

лее ярко прослеживалась связь между двумя студентами этого же образовательного учреждения – оба молодых человека уже совершали противоправные действия в сфере незаконного оборота наркотиков. Даже беглого взгляда на их страницы достаточно, чтобы определить взгляды и убеждения молодых людей. Содержащиеся на интернет-страницах изображения и аудиозаписи пропагандируют наркопотребление и лояльное отношение к наркотикам.

При этом только на странице одного из них, судимого за сбыт наркотиков, отображена информация о 107 «друзьях», из которых 44 – обучающиеся все того же учреждения. Все они видят размещенную на его странице информацию, а также посредством «лайков» и «репостов» демонстрируют одобрительное к ней отношение.

По итогам проведенного мониторинга было установлено, что из 785 обучающихся данного образовательного учреждения 354 поддерживают активную связь с лицами, уже вовлеченными в наркооборот.

Результаты исследования подтверждаются и данными официальной статистики. Всего за два года участниками наркопреступлений стали 24 студента суза, а 12 совершили административные правонарушения в сфере незаконного оборота наркотиков.

Активное общение пользователей между собой позволяет сделать обоснованный вывод о том, что вредоносная наркогенная информация активно распространяется и на другие образовательные организации города и области. По результатам мониторинга интернет-страниц вышеуказанных пользователей удалось установить 50 образовательных организаций региона, учащиеся которых поддерживают связь с представителями наркогенной субкультуры.

Аналогичным образом возможности СПО «СПРУТ» могут быть использованы при анализе зарегистрированных на сайте «ВКонтакте» открытых групп, посетители которых имеют непосредственное отношение к распространению и употреблению наркотических средств и личную заинтересованность в обладании публикуемой здесь информацией.

Полученные по итогам анализа схемы дружеских связей между пользователями, интенсивность которых обозначается шириной соединительных линий, а также сводная таблица связей наглядно позволяют установить количество подписчиков группы, детализировать их связи, предполагаемое местонахождение, обсуждения, комментарии, записи и другую характеризующую информацию.

Проведенный посредством СПО «СПРУТ» мониторинг интернет-пространства позволяет выделять наиболее наркопораженные группы лиц и объекты, нуждающиеся в точечном профилактическом воздействии, в данном случае учебные заведения. Обладая этими сведениями, возможно более эффективно

выстраивать взаимодействие с их администрациями и педагогическим составом, перенаправляя вектор профилактической работы с обезличенной массы обучающихся на подростков, поведение которых реально требует незамедлительной коррекции.

Кроме того, в ходе мониторинга страниц обучающихся образовательных организаций Мурманской области выявлено 26 публичных сообществ, содержащих информацию о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, местах приобретения таких средств, веществ и их прекурсоров, о способах и местах культивирования наркосодержащих растений. По состоянию на сегодняшний день 13 сообществ заблокированы по требованию Роскомнадзора.

Помимо этого, выявлен 51 адрес, предположительно содержащий информацию, распространение которой на территории РФ запрещено. По всем адресам в установленном порядке направлены заявки в Роскомнадзор для проведения проверки на наличие материалов с противоправным контентом и последующего закрытия сайтов. На сегодняшний день деятельность 42 сайтов прекращена в связи с обнаружением материалов, содержащих противоправную информацию.

Полученные посредством проводимого анализа данные о лицах, вовлеченных в незаконный оборот наркотиков, их связях позволят проводить адресную индивидуально-профилактическую работу не только с наркопотребителем, но и с кругом его общения, в котором он транслирует наркогенную субкультуру.

Однако препятствия для эффективного ее осуществления заложены в действующем федеральном законодательстве. Так, даже при наличии у органов системы профилактики информации о потреблении лицом наркотических средств и психотропных веществ оно не может быть инициативно взято на контроль врачами психиатрами-наркологами в связи с тем, что это будет противоречить ст. 20 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство и на отказ от медицинского вмешательства). Согласно указанной статье необходимым предварительным условием медицинского вмешательства, в т.ч. со стороны врача-нарколога, является информированное добровольное согласие на это гражданина или его законного представителя.

Со своей стороны органы внутренних дел и иные субъекты системы профилактики не могут осуществлять профилактическую работу в отношении наркопотребителей, выявляемых медицинскими организациями, т.к. это противоречит статье 13 (соблюдение врачебной тайны) Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан

дан в Российской Федерации» («Сведения о факте обращения гражданина за оказанием медицинской помощи, состоянии его здоровья и диагнозе, иные сведения, полученные при его медицинском обследовании и лечении, составляют врачебную тайну. Не допускается разглашение сведений, составляющих врачебную тайну...»).

Определенные данным законом, а также рядом ведомственных нормативных правовых актов ограничения не позволяют проработать и запустить эффективные механизмы взаимодействия различных субъектов системы профилактики при осуществлении индивидуально-профилактической деятельности. Вследствие этого работа с потребителями наркотиков проводится специалистами различных ведомств разрозненно, а ее результатом становится не возвращение наркопотребителя в общество, а его изоляция от него в местах лишения свободы.

Результатом отсутствия планомерной скоординированной адресной профилактической работы с лицами, вовлеченными в незаконный оборот наркотиков, становится ее направленность не на устранение причин и условий совершения правонарушений, а на организацию профилактической работы с лицами, уже преступившими закон, и минимизацию последствий наркопотребления и наркопреступности.

Меры уголовно-правовой профилактики применяются в отношении потребителей наркотиков более широко и эффективно, чем индивидуально-профилактическое воздействие на них со стороны других заинтересованных ведомств. Так, число лиц, привлеченных в 2017 г. к уголовной ответственности в Мурманской области (551), почти в два с половиной раза превышает количество впервые поставленных на учет специалистами наркологической службы наркопотребителей (221). Таким образом, складывается парадоксальная ситуация, когда органами, занимающимися уголовно-правовой профилактикой, выявляется больше вовлеченных в наркооборот лиц, чем другими субъектами антинаркотической деятельности.

Выходом из сложившейся ситуации может стать формирование единого межведомственного интегрированного учета лиц, вовлеченных в незаконный оборот наркотиков, который в соответствии с п. 3 и 9 ч. 1 ст. 6 Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» может стать одним из важнейших направлений современной системы антинаркотической профилактики.

Его наличие позволит субъектам антинаркотической профилактики строить свою работу на основании тщательного анализа данных, поступающих от всех заинтересованных ведомств. С помощью меж-

ведомственных учетов возможно будет не только своевременно выявлять и пресекать факты вовлечения в наркопотребление и наркооборот лиц, не имевших ранее криминального опыта в данной сфере, но и осуществлять эффективную оперативно-разыскную профилактику, предполагающую сбор информации о криминально активных лицах, степени их исправления, связях.

Добиться этого возможно путем усиления координирующей роли региональных и муниципальных антинаркотических комиссий, которые будут строить свою работу не на основании принятых декларативных решений, а на основании тщательного анализа данных, полученных в ходе мониторинга складывающейся на подведомственной территории наркоситуации.

Литература

1. Асадуллин А.Р., Юлдашев В.Л., Асадуллина Г.М., Ахметова Э.А. Раннее выявление факторов риска формирования зависимости от синтетических «Дизайнерских» наркотических средств в рамках проведения социально-психологического тестирования лиц, обучающихся в общеобразовательных учреждениях // КПЖ. 2016. № 2-2 (115). С. 374-377.
2. Бабичева Л.П. Нормативно-правовое регулирование профилактики наркоманий в Российской Федерации // ПМ. 2012. № 2 (57). С. 9-12.
3. Брылев В.И., Исупова И.В. Нормативно-правовое обеспечение межведомственного взаимодействия по профилактике наркомании среди молодежи // Общество и право. 2017. № 1 (59). С. 78-82.
4. Гомонов Н.Д. Криминология и профилактика преступлений: учебное пособие / под ред. В.П. Сальникова. Мурманск: Изд-во Мурманского государственного технического университета, 2000. 92 с.
5. Гомонов Н.Д. Противодействие незаконному обороту наркотиков в США: опыт применения правовых мер предупреждения // Сборник научных трудов преподавателей юридического факультета / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Н.Д. Гомонова. Мурманск: МГТУ, 2009. С. 30-39.
6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам профилактики незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ: федеральный закон от 07.06.2013 № 120-ФЗ.
7. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ.
8. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ.
9. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ.
10. Сермяжко Е.В., Гомонов Н.Д. Криминологическая характеристика и профилактика преступлений, связанных с наркотиками // Тезисы докладов студенческой научно-технической конференции МГТУ (Мурманск, 23 апреля 2010 г.). Мурманск: МГТУ, 2010. Т. 1. С. 337-338.
11. Хабибова Н.Е. Добровольное тестирование в системе профилактики наркотизма (социологический аспект) // Вестник ЧелГУ. 2012. № 4 (258). С. 154-156.
12. URL: https://m.studwood.ru/775796/sotsiologiya/dobrovolnoe_testirovanie_v_sisteme_profilaktiki_narkotizma_sotsiologicheskii aspekt (дата обращения: 15.02.2018).
13. URL: http://www.bbc.com/russian/russia/2015/01/150129_russia_schools_drug_tests (дата обращения: 15.02.2018).
14. URL: <https://lenta.ru/articles/2016/12/15/narkotest/> (дата обращения: 15.02.2018).

УДК 343.24:343.85

А.В. Сумачев, доктор юрид. наук, профессор

Академия ФСИН России

E-mail: alekssumachev@mail.ru;

О.А. Шуранова, канд. юрид. наук

Академия ФСИН России

E-mail: shuranova.olga@yandex.ru;

Р.В. Пузыревский, канд. пед. наук, доцент

Академия ФСИН России

E-mail: roman.val68@mail.ru

«ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНЫЙ ЭФФЕКТ» УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

В статье ставится вопрос об эффективности существующей в России системы уголовных наказаний и практики их назначения с точки зрения достижения цели предупреждения преступлений. В более конкретном плане констатируется, что с точки зрения эффективности достижения цели предупреждения преступлений следует говорить не о системе наказаний в целом, а о несовершенстве санкций уголовно-правовых норм: о несоответствии санкций отдельных правовых норм тяжести совершенного преступления; о порой чрезмерном альтернативизме наказаний, предусмотренных за совершение конкретного преступления.

Ключевые слова: преступление, наказание, санкции, альтернативные санкции, цели наказания, предупреждение преступлений, эффективность.

A. V. Sumachev, PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor

Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia

E-mail: alekssumachev@mail.ru;

O. A. Shuranova, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia

E-mail: shuranova.olga@yandex.ru;

R. V. Puzyrevsky, PhD. (Candidate of Pedagogical Sciences), assistant-professor

Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia

E-mail: roman.val68@mail.ru

«PREVENTIVE EFFECT» OF CRIMINAL PUNISHMENT

The article raises the question of the effectiveness of the existing system of criminal penalties in Russia and the practice of their appointment in terms of achieving the goal of crime prevention. More specifically, it is stated that, from the point of view of the effectiveness of achieving the goal of crime prevention, it is necessary to speak not about the system of punishment in general, but about the imperfection of the sanctions of criminal law: in the discrepancy of the sanctions of certain legal norms of the gravity of the crime committed; in the sometimes excessive alternativism of the punishments provided for the commission of a specific crime.

Key words: crime, punishment, sanctions, alternative sanctions, purposes of punishment, crime prevention, efficiency.

Предупреждение преступлений традиционно признают одной из целей уголовного наказания. Так, уже Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. в п. «а», «б» ст. 9 определял следующие цели применения мер социальной защиты (наказания): «а) предупреждения новых преступлений со стороны лиц, совершивших их, б) воздействия на других неустойчивых членов общества» [11]; в ч. 1 ст. 20 Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. отмечалось, что «Наказание... имеет целью... предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами» [1].

Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) также в качестве самостоятельной цели наказания выделяет «предупреждение совершения новых преступлений» (ч. 2 ст. 43 УК РФ) [6], которая имеет два аспекта:

1) предупреждение преступлений со стороны законопослушных граждан (общее предупреждение или общая превенция);

2) предупреждение преступлений со стороны осужденного (специальное предупреждение; специальная или частная превенция).

Как видно, и в науке, и в национальном законодательстве уголовное наказание традиционно относят к системе мер предупреждения преступлений. Но так ли эффективна существующая в России система уголовных наказаний и практика их назначения именно с точки зрения достижения цели предупреждения преступлений?

Первоначально акцентируем внимание на эффективности предупреждения преступлений со стороны осужденного (специального предупреждения; специальной или частной превенции). И здесь, как представляется, основным показателем реализации цели специального предупреждения является уровень рецидива преступлений. И вот лишь некоторые данные относительно уровня рецидива за последние три года.

Так, в ходе проведения в Генпрокуратуре координационного совещания руководителей правоохранительных органов, посвященного эффективности профилактики преступлений и предупреждению рецидивов, уровень рецидива особо опасных преступлений в России за последние три года вырос на четверть. Как отметили в Генпрокуратуре РФ, «несмотря на постоянное сокращение числа зарегистрированных преступлений, за последние три года заметно возрос уровень повторной преступности. Также возросло число лиц, ранее совершавших преступления, признанные рецидивом, на 3,1% (с 123,7 тыс. до 127,5 тыс.), опасным рецидивом – на 16,8% (с 13,3 тыс. до 15,5 тыс.), особо опасным рецидивом – на 25,7% (с 4859 до 6109), после условного осуждения – на 3,8% (с 33,2 тыс. до 34,5 тыс.)» [3].

Руководство Федеральной службы исполнения наказаний отмечает высокий процент рецидива среди осужденных. Так, на слушаниях в Общественной палате РФ первый заместитель директора Федеральной службы исполнения наказаний А.А. Рудый заявил, что из 673 тысяч осужденных 85% это люди, которые были два и более раз судимы. По его словам, бывает, что осужденного никто не ждет на воле, он не видит себя там. «У нас, в наших учреждениях для него абсолютно привычная среда обитания. Он хочет попасть, как некоторые из них говорят, на свою шконку», – утверждает А.А. Рудый. Он отметил, что осужденные совершают преступления, едва освободившись из мест лишения свободы, по дороге к своему региону [4].

И вообще, к 2014-2015 гг. доля ранее судимых лиц в общем числе осужденных приговорами суда достигла 44-45% – это абсолютный рекорд в истории современной России. Среди находящихся в местах лишения свободы осужденных доля ранее отбывавших наказание лиц к 2016-2017 гг. достигла 63-64%, хотя до 2013 г. не превышала 50-53% [5].

Нет сомнений в том, что среди причин такого достаточно высокого уровня рецидива основными являются сама система уголовных наказаний и практика их назначения в настоящее время. Причины здесь и иного плана, относящиеся прежде всего:

- к реализации региональных и муниципальных программ в сфере предупреждения преступлений;
- к противодействию злоупотреблению алкоголем;
- к качеству осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы;
- к профилактической работе среди лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы и др. [3].

Относительно состояния преступности в России вообще в материалах Генеральной прокуратуры РФ отмечается, что «в целом состояние преступности характеризуется незначительным ростом количества зарегистрированных уголовно наказуемых деяний в 2017 году (9%) и их снижением (-3,9%) по итогам 8 месяцев 2018 года» [2]. Как видно, общий уровень преступности в России относительно стабильный.

Однако нельзя отрицать, что система уголовных наказаний и практика их назначения в настоящее время все-таки выступают если не ключевой, то довольно значимой составляющей детерминантой преступлений (в т.ч. и рецидивной преступности). Хотя в более конкретном плане следует говорить не о системе наказаний в целом, а о несовершенстве санкций уголовно-правовых норм, что выражается:

- во-первых, в их несоответствии тяжести совершенного преступления;

- во-вторых, в порой чрезмерном альтернативизме наказаний, предусмотренных за совершение конкретного преступления.

Остановимся более подробно на первых двух указанных моментах.

1. Итак, суровость санкций не всегда соответствует тяжести совершенного преступления. В частности, например, максимальное наказание за изнасилование несовершеннолетней (равно как и за насильственные действия сексуального характера в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней)), совершенное группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, составляет **пятнадцать лет лишения свободы** (п. «а» ч. 3 ст. 131, п. «а» ч. 3 ст. 132 УК РФ).

Максимальное же наказание за **добровольное** половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, совершенные группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, составляет уже **двадцать лет лишения свободы** (ч. 5 ст. 134 УК РФ).

Стоит также указать, что совершение развратных действий без применения насилия лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, в отношении лица, не достигшего шестнадцатилетнего возраста, если деяние также совершено группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, наказывается также до **пятнадцати лет лишения свободы** (ч. 4 ст. 135 УК РФ).

Нет сомнений в том, что половую неприкосновенность несовершеннолетних следует обеспечивать в том числе и посредством установления достаточно жестких санкций. Однако, как видно из указанных примеров, имеет место явное несоответствие жесткости наказаний за насильственные сексуальные посягательства (ст. 131, 132 УК РФ) и добровольно совершенные сексуальные действия (ст. 134 УК РФ). Более того, с позиции законодателя степень общественной опасности насильственных сексуальных посягательств в отношении несовершеннолетних **одинакова** с общественной опасностью развратных действий (выражающихся, например, в демонстрации несовершеннолетней половых органов).

Можно, конечно, допустить, что законодатель посредством установления жестких санкций планировал оказать общепредупредительное воздействие на граждан, чтобы у них «не возникло даже мысли» о совершении сексуальных действий в отношении несовершеннолетних. С другой стороны, указанное выше несоответствие санкций может выступать своего рода «стимулятором» для девиантных личностей, когда «более выгодно» (с позиций наказуемости) совершить насильственное сексу-

альное посягательство, чем совершить развратное действие.

Сейчас мы рассуждали о несоответствии суровости санкций тяжести совершенного преступления с точки зрения ужесточения уголовной ответственности. Вместе с тем имеют место примеры необоснованного смягчения уголовной ответственности за преступления. Причем такое смягчение явно противоречит направлениям уголовной политики государства в целом. В частности, можно констатировать, что изменения в УК РФ, внесенные в Федеральный закон от 03.07.2016 № 324-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [7], с позиций общего предупреждения преступлений существенно противоречат антикоррупционной политике государства. Со своей стороны заметим, что специализация антикоррупционных норм как одно из направлений совершенствования уголовного законодательства – задача важная и полезная [8, 9, 10]. Однако июльские изменения УК РФ 2016 г. назвать обоснованными с точки зрения общепредупредительного воздействия нельзя.

В частности, выделение посредничества во взяточничестве и мелкого взяточничества в самостоятельные нормы (ст. 291.1 и 291.2 УК РФ) с одновременным смягчением наказания весьма неоднозначно. Дело в том, что ранее (до июля 2016 г.) такого рода общественно опасные деяния оценивались по общим нормам, предусмотренным ст. 290 и 291 УК РФ, и соответственно, были наказуемы.

В свою очередь, за подстрекательскую деятельность – обещание или предложение посредничества во взяточничестве (ч. 5 ст. 291.1 УК РФ) – законодатель существенно усилил уголовную ответственность – до семи лет лишения свободы в сравнении:

- с «простым» получением взятки – до трех лет лишения свободы (ч. 1 ст. 290 УК РФ);

- «простой» дачей взятки – до двух лет лишения свободы (ч. 1 ст. 291 УК РФ).

Данная новелла с точки зрения общего предупреждения взяточничества соответствует направлениям антикоррупционной политики государства.

Относительно смягчения наказания за мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ) стоит сделать еще одно уточнение. Дело в том, что при взяточничестве прежде всего страдает **авторитет органов власти**, а никак не **имущественные интересы** взяткодателя. В этой связи смягчение ответственности за мелкое взяточничество (получение взятки, дача взятки лично или через посредника в размере, не превышающем десяти тысяч рублей) до одного года лишения свободы необоснованно (ч. 1 ст. 291.2 УК РФ).

Другое дело, установление повышенной ответственности за специальный рецидив при взяточниче-

стве – до трех лет лишения свободы (ч. 2 ст. 291.2 УК РФ). Специально-профилактическая направленность данной нормы сомнений не вызывает. Вместе с тем представляется целесообразным установить повышенную ответственность за специальный рецидив при взяточничестве не только применительно к мелкому взяточничеству (ч. 2 ст. 291.2 УК РФ), но и к основным составам взяточничества, предусмотренным ст. 290 и 291 УК РФ.

2. Значимой составляющей детерминантой преступлений, как представляется, выступает и чрезмерный альтернативизм наказаний, предусмотренных за совершение конкретного преступления. И вновь обратимся к вопросам противодействия коррупции. Если сравнивать санкции за коррупционные преступления (прежде всего, за взяточничество), например, с санкциями за убийства (ст. 105 УК РФ), за умышленное причинение вреда здоровью человека (ст. 111 УК РФ), за насильственные сексуальные посягательства (ст. 131, 132 УК РФ), то в последнем случае санкции норм не отличаются многообразием альтернативных наказаний – как правило, наказание в виде лишения свободы.

Применительно к ответственности за взяточничество видно, что «простые» получение или дача взятки наказываются:

- 1) штрафом;
- 2) исправительными работами;
- 3) принудительными работами;
- 4) лишением свободы.

В свою очередь, «квалифицированные» виды получения и дачи взятки наказываются только штрафом или лишением свободы.

Можно, конечно, сказать, что наличие альтернатив наказаний в санкции статьи способствует реализации уголовно-правового принципа справедливости, когда наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного (ч. 1 ст. 6 УК РФ). Вместе с тем стоит констатировать, что возможность смягчения наказания предусмотрена общей нормой о назначении более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление (ст. 64 УК РФ). Соответственно, для «особых» случаев назначения наказания за «простые» получение или дачу взятки возможно смягчение наказания, но уже в «исключительном» порядке по основаниям, предусмотренным ст. 64 УК РФ.

И еще, наличие в санкции статьи таких альтернативных видов наказаний, как штраф и лишение свободы, которые существенно различаются по своей карательной сущности, невольно создает иллюзию у большинства населения страны относительно того, что наличие значительного количества денежных средств позволит «богатому» откупиться от правосудия, а «бедному» испытать все тяготы лишения свободы.

Это лишь отдельные примеры для критики существующей системы наказаний вообще и построения санкций уголовно-правовых норм в частности с точки зрения эффективности достижения цели предупреждения преступлений. Именно поэтому в названии данной статьи выражение «предупредительный эффект» взято в кавычки.

Литература

1. Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1960. № 40. Ст. 591.
2. Газета.RU. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2016/10/13/10248437.shtml#page1> (дата обращения: 25.05.2017).
3. Генпрокуратура: уровень рецидива особо опасных преступлений в России вырос на 25%. ТАСС: Информационное агентство России. URL: <http://tass.ru/proisshestiya/2068589> (дата обращения: 25.05.2017).
4. «Горьковатая статистика»: 85 процентов российских заключенных – рецидивисты. ВЕСТИ.RU. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2449835> (дата обращения: 25.05.2017).
5. Исследование «Практика рассмотрения ходатайств о досрочном освобождении осужденных в российских судах». Институт проблем современного общества. URL: <http://i-pso.ru/2016/04/05/299/> (дата обращения: 25.05.2017).
6. Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
7. Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 27 (ч. II). Ст. 4257.
8. Сумачев А.В. Специализация антикоррупционных норм: аргументы «за» // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: сборник мат-лов международной научно-практ. конф-ции (14-15 февраля 2008 г.) / отв. ред. С.Д. Назаров. Красноярск: Сибирский ЮИ МВД России, 2008. С. 78-82.
9. Сумачев А.В. О целесообразности специализации антикоррупционных норм в уголовном законодательстве России // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: мат-лы международной

научно-практ. конф-ции (17-18 мая 2012 г.). Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2012. С. 155-158.

10. Сумачев А.В. О защите государственных служащих от юридических излишеств обзывания в сфере противодействия коррупции // Уголовное право России: состояние и перспективы (коррупционные преступления): мат-лы Всероссийской научно-практ. конф-ции (Санкт-Петербург, 29 октября 2015 г.) / под общ. ред. Г.В. Штадлера. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. С. 22-25.

11. Уголовный кодекс РСФСР. Официальный текст с изменениями на 1 июля 1950 г. М.: Государственное изд-во «Юридическая литература», 1950. 256 с.

УДК 343.9.018:343.97

П.В. Тепляшин, канд. юрид. наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России
E-mail: pavlushat@mail.ru;

Е.А. Федорова, канд. юрид. наук
Сибирский юридический институт МВД России
E-mail: lenapv@inbox.ru

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ, ТЕНДЕНЦИИ И ПРОГНОЗ ПРЕСТУПНОСТИ В СИБИРСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

Авторами анализируются особенности региональной преступности в Сибирском федеральном округе с учетом географических, социально-демографических и экономических условий, определяются основные тенденции региональной преступности. Отмечается, что уникальный природно-ресурсный потенциал региона обуславливает характерные преступные проявления в экологической сфере, включая криминальные нарушения правил охраны труда на производстве при одновременном росте её латентной составляющей. Указывается, что преступность в округе характеризуется более высоким уровнем, сложными количественными и качественными тенденциями, преобладанием преступлений корыстно-насильственной направленности, ростом преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. Предлагается краткосрочный оптимистичный и пессимистичный варианты прогноза развития состояния преступности в Сибирском федеральном округе.

Ключевые слова: география преступности, особо тяжкие преступления, программы социально-экономического развития, Сибирь, тенденции, экономические условия, экспертные оценки.

P.V. Teplyashin, PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor
Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: pavlushat@mail.ru;

E.A. Fedorova, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)
Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: lenapv@inbox.ru

CRIMINOLOGICAL DETERMINANTS, TRENDS AND CRIME FORECAST IN THE SIBERIAN FEDERAL DISTRICT

The authors analyze the features of regional crime in the Siberian Federal District, taking into account geographical, socio-demographic and economic conditions, and identify the main trends in regional crime. It is noted that the unique natural and resource potential of the region causes characteristic criminal manifestations in the environmental sphere, including criminal violations of the rules of occupational safety at work with simultaneous growth of its latent component. It is pointed out that crime in the district is characterized by a higher level, complex quantitative and qualitative tendencies, the predominance of crimes of selfish violence, the growth of crimes committed in the state of alcoholic or narcotic intoxication. Short-term optimistic and pessimistic variants of forecasting the development of crime in the Siberian Federal District are proposed.

Key words: crime geography, particularly serious crimes, programs for social and economic development, Siberia, trends, economic conditions, expert assessments.

Актуальность темы состоит в том, что анализ региональной преступности позволяет избежать «трагедийности» в оценке реального обобщенного объема преступности [9, с. 13] и, соответственно, установить, в каком регионе целесообразно сосредоточить соответствующие меры и оптимизировать усилия по противодействию преступности.

Обращение к исследованию особенностей преступности в конкретном регионе обеспечивается теоретическими разработками такого криминологического направления, как география преступности, которая направлена на исследование проблем пространственно-временного распределения девиантного поведения, делинквентности и самой преступности (мест совершения преступлений, места жительства лиц, их совершающих) в планетарном масштабе, частях света, конкретных государствах, населенных пунктах и иных территориях.

Кроме того, выявление особенностей региональной преступности строится на учете достижений другого криминологического направления – экологии преступности, которая исследует связь среды, климатических особенностей местности, природного ландшафта, специфики растительного и животного мира, инфраструктуры, а также экологическую виктимизацию и её корреляцию с преступным и девиантным поведением. Думается, что именно для целей анализа детерминант и тенденций преступности в Сибирском федеральном округе (далее – СФО либо округ) необходимо реализовывать научно обоснованные приемы и средства, выработанные вышеуказанными криминологическими направлениями.

Обращаясь к криминологическому анализу детерминант и тенденций преступности в СФО, нельзя не указать достаточно верные слова Ю.М. Антоняна о том, что «территориальные различия в объеме, структуре, динамике, характере преступности тесно связаны с уровнем социально-экономического развития отдельных стран и народов, национальными традициями, обычаями, уровнем культурно-воспитательной работы, организацией быта и досуга населения, качеством правоохранительной деятельности и т.д.» [7, с. 3]. Соответственно, в СФО преступность также обладает специфическими особенностями, несмотря на схожесть большинства социально-демографических показателей в округе со средними показателями по России. Так, Т.В. Пилютина и Д.А. Натура не без основания указывают, что «отдельный субъект Российской Федерации – разновидность социально-экономической пространственной системы, которая является катализатором всех социальных процессов, происходящих в обществе» [12, с. 63]. Вместе с тем на преступность в регионе негативным образом влияет перечень значимых факторов социально-экономического, инфраструктурного, политического,

демографического и географического характера, на основании чего складываются определенные негативные тенденции, ухудшающие криминогенную ситуацию.

Индивидуальные, неординарные черты криминогенной ситуации в СФО¹ определяются географией региона и его протяженностью, особенностями административно-территориального деления, политическими, ландшафтными, экономическими, социальными и культурными особенностями округа. Уникальность географического расположения, природно-климатических особенностей и ресурсного потенциала, этнического состава населения предопределяет формирование экономических и социально-политических особенностей Сибирского федерального округа.

К важнейшим географическим особенностям, влияющим на состояние преступности в регионе, следует отнести его территориальное расположение, специфику ландшафта и климата, а также природно-ресурсный потенциал. Территория региона охватывает площадь в 5 145 000 кв. км, или 30% территории России (второй по площади после Дальневосточного федерального округа). Соответственно, на фоне специфических климатических и географических условий в округе продолжает оставаться сложной обстановка с дорожно-транспортными происшествиями, включая значительный удельный вес общественно опасных нарушений правил дорожного движения. Существенная протяженность государственной границы на юге СФО с республиками Казахстан, Монголия и КНР (составляет 7269,6 км) выступает условием, способствующим обострению криминогенной обстановки в приграничных территориях округа, включая факты незаконного перемещения через государственную границу Российской Федерации, организацию незаконной миграции, наркотрафик.

Сибирский федеральный округ располагает крупными запасами углеводородного сырья, угля, урана, черных, цветных и драгоценных металлов, древесины, водных и гидроэнергетических ресурсов [18]. Весьма негативной тенденцией является рост посягательств на экологическую безопасность, а именно нарушение правил охраны и незаконный вылов водных биологических ресурсов, нелегальная заготовка древесины, что касательно СФО выступает предметом активных научных исследований [12].

¹ При подготовке статьи использовались данные паспорта Сибирского федерального округа и субъектов, его составляющих, размещенные на официальном сайте полномочного представителя Президента России в Сибирском федеральном округе (URL: <http://sfo.gov.ru>), а также Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 г.: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 июля 2010 г. № 1120-р.

Социально-демографические условия, влияющие на детерминацию криминологических особенностей преступности в округе, характеризуются достаточно низкой плотностью населения, неравномерностью его размещения (в основном вдоль Транссибирской магистрали, на юге региона), нехваткой квалифицированных трудовых ресурсов для освоения природных ресурсов, сложной демографической ситуацией, наличием значительной концентрации исправительных учреждений в регионе, сложными миграционными и миграционно-трудовыми процессами.

В 2016-2017 годы обозначилась стабильная тенденция постепенного снижения количества регистрируемых повторных преступлений и лиц, совершивших рецидивные общественно опасные деяния, что находится в причинной связи со снижением криминальной напряженности в пенитенциарных учреждениях, расположенных на территории СФО, оттоком «тюремного населения» из исправительных учреждений в силу активного назначения судами уголовных наказаний, не сопряженных с изоляцией осужденного от общества, а также снижением абсолютных показателей условно осужденных [1, с. 697]. Кроме того, все большее распространение получает практика оказания освобожденным лицам помощи в социальной адаптации и ресоциализации.

Экономические условия, воздействующие на состояние преступности в округе, детерминированы особенностями промышленной деятельности в регионе. Наличие определенных кризисных явлений и процессов в экономике округа связано с недостаточно развитым производством и отставанием отраслей, дополняющих производственный комплекс и инфраструктуру. Индекс промышленного производства в 2017 г. в округе находился на отметке 99,4% (по России – 98,5%)¹. Валовой региональный продукт округа в 2016 г. составил 7 134 млрд руб. (валовой региональный продукт на душу населения – 369,2 тыс. руб. (по России – 472,61 тыс. руб.)) [4]. Добывающая промышленность Сибири получила рост на 5%, однако обрабатывающая – снизилась на 3%. Темпы роста по региону в целом остались около 0,4% в год.

Функционирование крупных промышленных предприятий и их комплексов продолжает детерминировать весьма напряженную ситуацию, связанную с фактами несчастных случаев с тяжелыми последствиями на производстве. Однако в этой же сфере наблюдается рост латентной преступности, сопряженной с нарушениями правил охраны труда и безопасности при ведении работ. Симптоматичен тот факт, что в условиях наличия в Сибири предприятий различных профилей и отраслевой принадлежности, в

т.ч. в горно-добывающей сфере, имеется взаимосвязь латентной преступности и определенных противоречий в производственном процессе. Так, наращивание темпов работы предприятий обуславливает возрастание затрат, связанных с обеспечением безопасности труда, соответствующей аттестацией рабочих мест, выполнением требований законодательства по обучению и повышению квалификации в сфере охраны труда, что необходимо для их полноценного функционирования, тогда как напряженная экономическая конкуренция в округе снижает заинтересованность работодателя в создании и поддержании реально эффективной системы охраны труда. Кроме того, естественными детерминантами латентной преступности в указанной сфере выступают низкая правовая активность граждан по защите своих прав и неадекватная оценка общественной опасности деяний в промышленном секторе сибирской экономики, а также различные личностные патологии, значительная алкоголизация и наркотизация населения округа, имеющие достаточно высокое распространение среди лиц, непосредственно вовлеченных в случаи нарушения специальных правил в сфере охраны труда и безопасности при ведении работ.

В 2017 году в округе несколько возросли фактические доходы населения, однако среднедушевой доход ниже российского (23 720 руб.; Россия – 31 506,7 руб.) [11]. Самый высокий доход в Красноярском крае – 28 030 руб., самый низкий в Республике Тыва – 14 107 руб. Как представляется, обозначенные аспекты отражают такое проблематичное направление трансформации преступности (на федеральном и региональном уровнях), как «обострение поляризации преступности, протекающее в разных направлениях, в частности, противостояние, с одной стороны, беловоротничковой, элитарной преступности, включенной в глобализационные процессы и эксплуатирующей их, а с другой стороны, маргинальной и близких к ней по социальному статусу преступников» [13, с. 84-85].

Таким образом, в сопоставлении с общероссийскими детерминантами и показателями преступность в Сибирском федеральном округе обладает более высоким уровнем, что объясняется весьма сложной демографической, социальной, экономической и, как результат, криминологической обстановкой в регионе.

На основе анализа статистических и фактологических данных, полученных на официальных сайтах Федеральной службы государственной статистики [19], МВД России [17], Следственного комитета Российской Федерации [16], Портале правовой статистики [5], «РосПравосудие» [15], проекта «Открытая полиция. Проект Комитета гражданских инициатив» [10], Агентства правовой информации [2],

¹ Данные с официального сайта Федеральной службы государственной статистики (URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/prom/ind-prom-sub-okved2.xls).

контент-анализа соответствующих научных криминологических источников, нестандартизированного интервьюирования сотрудников различных правоохранительных органов, а также теоретического исследования криминологических причин и условий региональной преступности можно определить ее тенденции на территории Сибирского федерального округа.

Так, в условиях сложной социально-экономической ситуации в регионе наблюдается общее снижение зарегистрированных преступлений в округе в 2017 г. (364 252; -4,7%) в сравнении с 2016 г. и замедление темпов снижения (в 2016 г.; -9,6%), что может говорить о нарастании и качественном углублении латентной составляющей преступности. Это с высокой долей вероятности обуславливает стремление лиц, совершивших общественно опасные посяательства, к безнаказанности, уходу от справедливого правосудия, детерминирует различную степень отражения характера преступного деяния в общественном сознании и, соответственно, приводит к появлению безразличного отношения общества в реагировании на различные криминальные проявления. Однако дальнейшая оптимизация работы правоохранительных органов на территории округа в 2017-2018 гг., внедрение в практическую деятельность основных нормативно-правовых актов, в частности Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», а также рост качественных характеристик региональных комплексных программ, подпрограмм и (или) планов профилактики общественно опасных деяний и иных форм социальных девиаций дают надежду на преодоление дальнейшего насыщения латентной преступности и минимизацию ее криминогенных проявлений.

В сравнении с общероссийскими показателями многие субъекты округа продолжают относиться к числу с наиболее высоким удельным весом преступлений, в частности республики Бурятия, Тыва и Хакасия.

Детерминация криминальных форм поведения в сфере реализации должностных обязанностей в большинстве случаев продолжает обуславливаться релевантным и дискретным действием множества мелких фактов нарушения специальных правил и антикоррупционных требований.

Наметившаяся весьма стабильная тенденция постепенного снижения числа регистрируемых повторных общественно опасных деяний и лиц, совершивших рецидивные преступления, отражает результативное применение положений Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» и оптимизацию правового воздействия

на данную сферу общественных отношений за счет реализации требований главы 29 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации. В этой связи можно отметить мнение А.И. Долговой, которая отмечает «значительное влияние на региональную статистику общедоказательных факторов, в том числе связанных с изменением законодательства, практики его применения» [7, с. 15].

Продолжает оставаться высокий удельный вес уличной преступности. При этом приблизительно 30% преступлений является посятельством на жизнь и здоровье граждан, около половины из которых осуществляется с применением оружия (на 13,1% больше, чем в 2016 г.), боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, значительная часть сопряжена с активным противодействием правоохранительным органам.

В условиях значительного снижения в 2017 г. количества совершаемых наркопреступлений (28 518; -5,1%) продолжают оставаться достаточно высокими объемы изъятия наркотических средств при превалировании наркотиков каннабисной и опиоидной групп. Также обнаруживается расширение практики незаконного оборота синтетических («дизайнерских») наркотиков и психоактивных веществ, в т.ч. зарубежного происхождения (фентаниловых наркотиков, синтетических опиатов, анаболических стероидов, МДМА, ЛСД, синтетических каннабиноидов группы JWH, AM и др.). Незначительно снижается удельный вес женщин, привлеченных к уголовной ответственности за незаконный оборот наркотиков, что продолжает обуславливаться постепенным усилением силового воздействия на физическую составляющую наркопреступности и соответствующей концентрацией в ней криминально более активных элементов.

Весьма неблагоприятной тенденцией явилось увеличение преступных деяний на экологическую безопасность, а именно нелегальная заготовка древесины. Так, специалистами постулируется, что «разница между ценой при добыче и при перепродаже хвойного леса на рынки Китая, где установлен запрет на вырубку собственного леса, в значительной степени способствует развитию этого криминального рынка» [14, с. 68]. При этом в сфере лесопользования преступность обладает значительной степенью латентности. Как указывают Я.Б. Дицевич, О.А. Белых и Г.Д. Русецкая, в СФО на фоне «высочайшего уровня латентности экологических правонарушений... выявленные правоохранительными органами преступления в сфере охраны и использования лесов по качеству и количеству также не в полной мере соответствуют реальным нарушениям лесного законодательства» [6, с. 311-312].

Качественной криминологической характеристикой региона выступает сложная ситуация с антитер-

рористической защищенностью транспортных коммуникаций и спортивных объектов, что на фоне проведения в 2019 г. в Красноярске Всемирной зимней универсиады требует более пристального внимания со стороны руководства регионов и правоохранительных органов. Рост количества регистрируемых преступлений экстремистской направленности (+13,4%) демонстрирует активизацию профилактической работы правоохранительных органов с идеологией терроризма, включая перенос «центра тяжести» такой работы на информационно-телекоммуникационные («социальные») сети.

В унисон предыдущей тенденции обнаружились бреши в информационно-идеологической защищенности (включая сферу информационно-телекоммуникационных сетей) молодежи от угроз террористического характера. В условиях значительной включенности подрастающего поколения в сферу виртуального общения и «компьютерного» досуга наблюдается подмена реальной действительности виртуальной, что купирует чувство самосохранения и снижает способность к адекватному поведению в социальной реальности, тем самым повышая степень виктимности несовершеннолетнего в случае воздействия на его сознание идеологии терроризма.

Кроме того, представляется возможным указать следующие количественно-качественные тенденции преступности в Сибирском федеральном округе:

- качественное возрастание коррупционных преступлений, что объясняется одновременным несущественным снижением их латентности и увеличением выявляемости;

- продолжает оставаться доминирование корыстно-насильственной направленности общественно опасных деяний при общих закономерностях постепенного снижения числа регистрируемых посягательств против собственности;

- неравномерный рост преступлений, совершаемых в сфере экономической деятельности, в основном в кредитно-финансовых отношениях, в транспортных, строительных и промышленно-энергетических отраслях на фоне приобретения некоторыми субъектами округа статуса «регионов-доноров», а также фактов нерациональной эксплуатации природных и трудовых ресурсов;

- снижение преступлений экономической направленности обусловлено не столько фактическим состоянием данного вида преступности в округе, сколько в большей степени снижением активности правоохранительных органов при их выявлении. Поэтому обстановка в округе остается напряженной в силу сложности выявления экономических преступлений (например, широкое использование экономической преступностью кибертехнологий) и слабого механизма противодействия им, что ставит под угрозу эко-

номическую безопасность в кредитно-финансовой сфере, в транспортных, строительных и энергетических отраслях, оборонно-промышленном комплексе, а также сферах деятельности, связанных с эксплуатацией природных и трудовых ресурсов;

- сохранение существенного объема негативных криминологически значимых фоновых явлений преступности, а именно алкоголизма, наркомании, проституции;

- наличие достаточно опасного явления, заключающегося в групповых и организованных формах преступного поведения (на фоне общего снижения преступлений, совершаемых в соучастии), в первую очередь в сфере теневой экономики, установления коррупционных связей криминала и власти, конкурсных процедурах;

- стабильно высокий коэффициент и незначительный рост преступлений, совершаемых с применением различных предметов вооружения;

- постепенное снижение количества преступных деяний, совершаемых в состоянии алкогольного или наркотического опьянения;

- продолжающееся постепенное снижение (с незначительным опережением общероссийской динамики) преступлений, относящихся к категории тяжких и особо тяжких.

Краткосрочный прогноз состояния преступности в СФО на ближайшие один-два года обладает конструктивным значением для формирования тактики и стратегии противодействия общественно опасным проявлениям. При этом незначительно допустимое несоответствие прогнозируемого и фактического состояния преступности в округе может объясняться различным уровнем активизации деятельности правоохранительных органов, фактическим эффектом общегосударственных и региональных программ и планов социальной защиты, помощи населению, развития инфраструктуры и профилактики правонарушений, динамикой правовой активности и культуры граждан, а также рядом иных социальных, экономических и криминологических факторов.

Предполагаемый вариант развития криминальной ситуации в СФО основан на анализе имеющейся криминальной обстановки, изменений социально-экономической ситуации, особенностей развития антикриминального законодательства, а также конкретных методах изучения и анализа документов и статистических баз данных, экстраполяции и интраполяции динамических рядов, а по некоторым направлениям – экспертных оценок и включенного наблюдения. Исходя из этого, допустимо думать, что даже на фоне продолжающихся в целом положительных тенденций в 2015-2017 гг. криминальная ситуация в СФО по-прежнему будет иметь достаточно сложный и неоднозначный характер.

Вместе с тем на основании анализа среднегодового абсолютного и относительного количественных изменений преступности за 2011-2017 гг. в СФО, влияния различных социально-демографических, экономических и политических факторов, использования методов экспертной оценки и множественности факторов можно прогнозировать дальнейшее незначительное (не столь резкое, как в 2016 и 2017 гг.) снижение в 2018 и 2019 гг. общего количества зарегистрированных преступлений, которые будут находиться в границах от 361 до 365 тыс., но с высокой долей вероятности незначительный рост к 2020 г. – от 363 до 365 тыс. преступлений. Это оптимистичный вариант прогноза преступности в округе.

В ближайшее время со значительной вероятностью останется позитивной тенденция снижения тяжких и особо тяжких преступлений на 3-4% ежегодно. Также в дальнейшем оправдает себя обнаруженная и наметившаяся тенденция уменьшения числа зарегистрированных убийств (с покушениями), и в 2018 г. количество данных преступлений может составить менее 2 тысяч, а в 2019 г. – менее 1,9 тысяч.

При стабилизации выявленных закономерностей групповой преступности ее узловые показатели – состояние и уровень – в 2018 г. будут продолжать падать. Однако прогнозируется замедление процесса уменьшения регистрируемого объема преступлений, совершаемых в составе организованных групп, что основано на дальнейшей консолидации криминальных усилий по воздействию на правоохраняемые интересы личности, общества и государства.

Вместе с тем при сохранении темпов годового роста насильственных посягательств и, в частности, изнасилований, проявившегося в 2011-2014 гг. и 2017 г., к 2018 г. темпы годового роста таких общественно опасных деяний с высокой долей вероятности также будут незначительно снижаться.

Вместе с тем в границах наметившейся симптоматичной тенденции снижения преступлений корыстной направленности в силу социально-экономических особенностей дальнейшего развития субъектов СФО и высоких цен на энергетические и транспортные услуги, потребительские товары, вероятно, может затормозиться, а по некоторым преступлениям сильно ухудшиться имевшая место за последние пять лет положительная динамика снижения преступлений против собственности, в первую очередь краж, грабежей, мошенничеств, вымогательств и разбоев.

Очевидно, можно будет наблюдать позитивную динамику постепенного падения рецидивной преступности, хотя её показатели в 2015-2017 гг. могут и не закрепить явно положительные тенденции. Так, в 2018 г. предвидится лишь очень незначительное снижение количества общественно опасных деяний, со-

вершенных лицами повторно, которые могут составить приблизительно 137 тыс. и около 135-136 тыс. – в 2019 г.

Также в ближайшие два года весьма вероятно подтвердится незначительное (хотя не так ярко выраженное, как за последние два года) снижение преступлений, совершаемых в общественных местах и на улицах (в т.ч. хулиганств), до 2-3% ежегодно. Причем указанные фактические и прогнозируемые тенденции преступности как по качественным, так и по количественным параметрам являются немного благоприятнее в сравнении с общероссийскими.

Можно прогнозировать наметившееся в 2017 г. незначительное снижение преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного или наркотического опьянения.

Возможна стабилизация соотношения удельного веса мужчин и женщин (с безусловным преобладанием первой категории), привлеченных к уголовной ответственности за преступления в сфере незаконного и легального оборота наркотиков, а также нивелирование скорости снижения числа регистрируемых наркопреступлений. Кроме того, с высокой долей вероятности сохранится крайне неблагоприятная тенденция наркотизации несовершеннолетних, а также их виктимизация в сфере виртуального общения и «компьютерного» досуга.

Негативной тенденцией продолжает оставаться достаточно высокий уровень криминальной активности несовершеннолетних, удельный вес которых стабильно сохраняется на отметке 4-5%. Преступность несовершеннолетних характеризуется деструктивной мотивацией, преимущественно групповым способом и совершением деяний в состоянии алкогольного, наркотического или токсического опьянения, тесной сопряженностью с наркопреступлениями, применением огнестрельного и холодного оружия. Крайне негативным явлением выступает наличие отдельных очагов влияния на сознание подростков идеологии «АУЕ» (особенно на территории Забайкальского края и Иркутской области). Причем именно Забайкальский край занимает самую высокую строчку в общероссийском рейтинге по удельному весу несовершеннолетних (8,1%) среди лиц, совершающих преступления, Иркутская область находится на пятом месте (7,0%).

Сохранится дальнейшая активность деятельности экстремистских и террористических организаций, причем в условиях оказания им материально-технической и финансовой поддержки со стороны международных исламистских радикальных групп. Функционирование данных формирований будет тесно связано с наркотрафиком и его криминальным сопровождением, что, соответственно, будет продолжать оптимизировать деятельность правоохрани-

тельных структур и органов внешней разведки при одновременно стабильной тревожности населения. На этом фоне обнаруживается опасная тенденция к росту преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия – до 2-3% ежегодно.

Статистические данные указывают на закрепившуюся тенденцию снижения динамики преступности по большинству её видов и в преобладающем количестве субъектов. Однако представленный вариант криминологического прогноза основывается на гипотезе о снижении отрицательного эффекта существующей безработицы, конструктивной реализации программ социально-экономического развития страны в целом и Сибирского федерального округа в частности, на принятии стимулирующих мер по закреплению наметившихся позитивных достижений в противодействии криминальным угрозам. В случае значительного ухудшения макроэкономической ситуации и неблагоприятного сценария социально-экономического развития в 2018 г., соответствующего снижения уровня жизни населения, появления социальной напряженности допустимо предположить торможение темпа наметившихся позитивных тенденций в качественно-количественной картине преступности.

Кроме того, можно предположить, что в 2018-2019 гг. по-прежнему остро будут стоять вопросы, связанные с совершением преступлений лицами из числа студенческой молодежи. Так, на фоне, с одной стороны, значительной активизации деятельности правоохранительных органов, приемлемого уровня состояния благосостояния граждан, реального действия общегосударственных программ социальной защиты и повышения правовой грамотности и культуры граждан и студентов, а с другой – влияния концентрации молодежи в крупных городах, активности вербовочной деятельности со стороны террористических организаций, проявлений экстремистских и социально нетерпимых настроений в обществе все

же по сравнению с 2017 г. можно прогнозировать лишь незначительное снижение студенческой преступности на 1-3%. При этом в структуре преступлений, совершаемых студентами, по-прежнему будут доминировать корыстные и корыстно-насильственные преступления.

Вероятно, могут возрасти либо качественно видоизмениться мошенничество на рынке оказания посреднических услуг (например, перекупка средств связи и коммуникаций), заранее не обещанное приобретение или сбыт имущества, оказание услуг в жилищном секторе и в сфере долевого строительства, вымогательство имущества, причинение имущественного ущерба путем обмана и с использованием информационно-телекоммуникационных систем. Останется относительно высоким и значительно латентным удельный вес наркопреступлений, легализации денежных средств, преступлений, совершаемых с использованием криптовалюты, виртуальных бирж и технологии «блокчейн», общественно опасных проявлений в сфере нарушений правил охраны труда и безопасности при ведении работ, а также экологической безопасности. Будет продолжаться оставаться весьма напряженной ситуация с криминальными несчастными случаями на производстве, имеющими тяжелые последствия, при одновременном росте латентной преступности в сфере нарушений правил охраны труда и безопасности при ведении работ.

Таким образом, необходимо заключить, что основные направления и содержание деятельности правоохранительных органов, ресурсного и научно-го обеспечения предупреждения региональной преступности должны быть в первую очередь направлены на предупреждение, нейтрализацию и минимизацию указанных выше неблагоприятных криминологически значимых тенденций и криминальных социальных явлений.

Литература

1. Агеева О.Н., Анощенко С.В., Петрикова С.В., Помнина С.Н. Состояние преступности условно осужденных: федеральный и региональный аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 4. С. 682-700.
2. Агентство правовой информации. Статистика. Уголовное судопроизводство. URL: <http://stat.api-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17>.
3. Антонян Ю.М. Изначальная вечность преступности // Уголовная политика и культура противодействия преступности: мат-лы международной научно-практ. конф-ции. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2016. С. 3-15.
4. Валовой региональный продукт по субъектам Российской Федерации в 1998-2016 гг. // Федеральная служба государственной статистики <http://www.gks.ru>.
5. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/regions_chart_total.
6. Дицевич Я.Б., Белых О.А., Русецкая Г.Д. Противодействие преступности в сфере лесопользования: проблемы и перспективы // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 2. С. 308-317.

7. Долгова А.И. Региональное изучение преступности и некоторые криминологические проблемы Крайнего Севера // Криминологические проблемы регионов Крайнего Севера России: сборник трудов / отв. ред. А.И. Долгова. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2015. С. 9-22.
8. Лунеев В.В. Главная трагедийность // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2016. № 2. С. 13-15.
9. Маракулин Д.А. Состояние экологической преступности в Сибирском федеральном округе (2009-2013 гг.) // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2014. № 1. С. 67-70.
10. Открытая полиция. Проект Комитета гражданских инициатив. Карты преступности (CRIME MAPPING). URL: <https://www.openpolice.ru/pages/kriminalnaya-statistika/karty-prestupnosti-crime-mapping/>.
11. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики <http://www.gks.ru>.
12. Пилюгина Т.В., Натура Д.А. Использование метода математического моделирования при прогнозировании региональной преступности в вопросах её предупреждения // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 1. С. 61-70.
13. Пудовочкин Ю.Е. Закономерности формирования и развития российской уголовной политики в условиях глобализации // Журнал российского права. 2017. № 3. С. 82-91.
14. Раднаева Э.Л. Региональные особенности преступности (по материалам Республики Бурятия) // Преступность в России: проблемы реализации закона и правоприменения: сборник научных трудов / под ред. В.А. Авдеева. Иркутск, 2015. С. 63-71.
15. «РосПравосудие». Криминальная карта России. URL: https://rospravosudie.com/research/crime_map.html.
16. Следственный комитет Российской Федерации. Статистическая информация. URL: <http://sledcom.ru/activities/statistic>.
17. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2016 г. Главный информационно-аналитический центр МВД России, 2017. URL: https://мвд.рф/upload/site1/document_news/009/338/947/sb_1612.pdf.
18. Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 года: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 июля 2010 г. № 1120-р.
19. Федеральная служба государственной статистики. Правонарушения. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/infraction/.

Уголовный процесс, криминалистика, судебная экспертиза, оперативно-разыскная деятельность

УДК 343.985.5

Е.В. Буряков, канд. юрид. наук, профессор

Омская академия МВД России

E-mail: bur.e2010@yandex.ru

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО ФАКТАМ БЕЗВЕСТНОГО ИСЧЕЗНОВЕНИЯ ГРАЖДАН

В статье рассматриваются организационные вопросы, связанные с раскрытием преступлений, замаскированных под безвестное исчезновение, особенностями их выявления, в т.ч. сопряженные с установлением места и времени исчезновения человека, обнаружения трупа и места совершения преступления; анализируется федеральное законодательство относительно возможности проведения оперативно-разыскных мероприятий по поиску пропавших лиц; формулируется вывод о необходимости геолокации сотовых телефонов без вести пропавших лиц уже на этапе проведения проверочных мероприятий по фактам их исчезновения.

Ключевые слова: без вести пропавшие лица, геолокация, оперативно-разыскные мероприятия, розыск, убийство.

E. V. Buryakov, PhD. (Candidate of Juridical Sciences), professor

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: bur.e2010@yandex.ru

ORGANIZATIONAL AND LEGAL ISSUES RELATED TO CRIMES DISCLOSURE BY FACTS OF UNKNOWN DISAPPEARANCE OF CITIZENS

The article deals with organizational issues related to crimes disclosure of disguised as unknown disappearances, the peculiarities of their detection, including those associated with establishing the place and time of a person's disappearance, the discovery of a corpse and the place of a crime; federal legislation is being analyzed regarding the possibility of carrying out operative-investigative process to search for missing persons; the conclusion is formulated about the necessity of geolocation of cell phones of missing persons already at the stage of conducting verification activities on the facts of their disappearance.

Key words: missing persons, geolocation, search operations, search, murder.

Существует ряд специфических причин, затрудняющих раскрытие убийств, замаскированных под безвестное исчезновение. В рамках этой статьи мы коснемся только двух из них: ненадлежащее выполнение требований приказов и инструкций должностными лицами при осуществлении первоначальных розыскных мероприятий и несовершенство правового регулирования в сфере розыскной деятельности.

Что касается первой причины, то прежде всего это относится к работе следственно-оперативной группы по производству осмотра места жительства пропавшего человека, который проводится далеко не во всех случаях. Опрос сотрудников розыскных подразделений показал, что такой осмотр не проводится в 18% случаев. И если в крупных городах это скорее исключение из правил, то в сельской местности, как правило, осмотр следственно-оперативной группой не проводится. В результате на осмотр выезжает только участковый уполномоченный полиции или оперуполномоченный уголовного розыска, деятельность которых в основном сводится к получению заявления, сбору объяснений и формальному составлению протокола осмотра места исчезновения с шаблонной формулировкой «обстановка не нарушена, ничего не изъято», что в случае совершения преступления ведет к утрате вещественных доказательств, а также образцов для последующей идентификации.

Именно работа следственно-оперативной группы в процессе осмотра места жительства пропавшего или его последнего места пребывания позволяет наиболее полно собрать информацию о пропавшем лице, образцы для последующего его отождествления (идентификации), выявить признаки общественно опасного деяния, обнаружить следы и орудия преступления, а в ряде случаев определить круг подозреваемых лиц.

При выявлении лиц, заинтересованных в исчезновении пропавшего, необходимо обращать внимание на запоздалое обращение с заявлением по факту исчезновения или нелогичные пояснения опрашиваемых лиц, их отказ или категорическое отрицание предположить что-либо в связи с исчезновением, выдвижение непроверяемых версий или отклонение более правдоподобных, жилищные условия близких родственников без вести пропавшего, наличие у пропавшего завещания, угроз, конфликтов, должников или кредиторов, вступление в сожительство с другим человеком, исчезновение с автомобилем, крупной суммой денег и ценностей и т.д. В «Инструкции о порядке рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением лиц» [7] достаточно подробно изложены признаки криминального исчезновения человека, при выявлении которых необходимо решать вопрос о возбуждении уголовно-

го дела и активно проводить оперативно-розыскные мероприятия (далее – ОРМ) и следственные действия, направленные на выявление и закрепление обстоятельств совершения преступления (мотивов преступления, места совершения, способа, орудий преступления и др.) и обнаружение исчезнувшего лица.

Изучение материалов дел оперативного учета позволяет в качестве первоочередных информационных потребностей, возникающих в процессе раскрытия убийств, выделить установление сведений, характеризующих потерпевшего, его связей и близких; иных фактических данных, связанных с убийством. При этом первоначальные оперативно-розыскные мероприятия нередко начинаются при отсутствии какой-либо информации или даже попытки ввести в заблуждение правоохранительные органы относительно обстоятельств исчезновения. В случае неочевидного убийства его раскрытие, как правило, начинается с установления личности неопознанного трупа гражданина, при этом известно место и способ совершения преступления. При раскрытии убийства, замаскированного под безвестное исчезновение, ситуация обратная: неизвестно место и способ совершения преступления, но известна личность пропавшего лица, т.е. имеют место типичные ситуации, выделенные Л.Я. Драпкиным и В.Н. Долиным: 1) личность потерпевшего известна, но труп отсутствует; 2) личность потерпевшего неизвестна, опознать труп невозможно [2, с. 38].

Результаты проведенных оперативно-розыскных мероприятий могут сузить круг поиска без вести пропавшего лица до определенного места, после которого его уже больше никто не видел. По мнению Д.А. Кирюхина, место, где обнаружен труп, не всегда совпадает с местом совершения преступления, что подтверждается статистическими данными. Так, в Санкт-Петербурге при совершении убийств в 35% случаев происходило перемещение трупов, а еще примерно в 7% происшествий невозможно было установить, перемещался труп или нет [4, с. 7]. Не меньшим значением в раскрытии убийств, связанных с безвестным исчезновением граждан, обладает такой элемент обстановки совершения преступления, как фактор времени. Это относится, например, к моменту наступления гибели потерпевших. В связи с тем, что они считаются без вести пропавшими, точному установлению подлежит время их исчезновения, которое в большинстве подобных эпизодов и является временем их смерти [1, с. 5]. Приведенные данные свидетельствуют о том, что уже на этапе проверки заявления (сообщения) об исчезновении человека важно установить место и время исчезновения человека, обнаружения трупа и самого преступления.

Безвестное исчезновение по своей сути является многогранным нарушением конституционных прав

гражданина, в т.ч. права на жизнь, достоинство личности и т.д. Такое лицо как носитель прав и обязанностей лишено их, или они ограничены. Ч.М. Исмаилов вполне справедливо утверждает, что для защиты прав безвестно исчезнувшего лица независимо от причин исчезновения (как жертвы преступления, стихийного бедствия, беспомощного состояния) необходимо задействовать комплекс мероприятий, предусмотренных различными отраслями права, особенно предусмотренных уголовно-процессуальными и оперативно-разыскными нормами права [3, с. 23]. Однако, по мнению некоторых авторов, действующее законодательство не позволяет разыскивать без вести пропавших лиц по мобильному телефону [8, с. 114]. На наш взгляд, оно в ряде случаев имеет скорее ограничительный и даже запретительный характер, например относительно использования биллинга телефонов в розыске исчезнувших граждан, являющегося в настоящее время одним из самых результативных по своей эффективности средств их обнаружения.

Если в соответствии с ч. 2 ст. 7 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [6] (далее – Закон об ОРД) одним из оснований проведения ОРМ являются ставшие известными органам, осуществляющим ОРД, сведения о трех категориях разыскиваемых (устанавливаемых) граждан: 1) лицах, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда или уклоняющихся от уголовного наказания, 2) лицах, без вести пропавших, 3) обнаруженных неопознанных трупах (п. 3 и 4 рассматриваемой нормы), то по ч. 2 ст. 8, где регламентируются условия проведения ОРМ, включая получение компьютерной информации, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина, допускается их осуществление только для одной из трех рассматриваемых категорий разыскиваемых лиц – скрывшихся преступников. При этом мероприятия проводятся только на основании судебного решения и при наличии информации о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, по которому производство предварительного следствия обязательно, и о лицах, их подготавливающих, совершающих или совершивших. Таким образом, законодатель позволяет проведение таких ОРМ для розыска скрывшихся преступников и обнаружения без вести пропавших граждан только лишь в случаях наличия признаков их криминального исчезновения и возбуждения уголовных дел, т.е. в связи с совершением общественно опасного деяния, но при этом, исходя из анализа рассматриваемой нормы, установил непосредственный запрет на проведение вышеуказанных ОРМ в ходе розыска пропавших без вести, осуществляемого в обычном порядке, когда признаки криминального исчезновения не усматриваются.

Одним из эффективных способов обнаружения без вести пропавших лиц является использование детализации телефонных переговоров пропавшего лица и определение местонахождения средства его сотовой (телефонной) связи по базовым станциям, которая в соответствии с действующим федеральным законодательством невозможна в связи с тем, что обращение к оператору сотовой связи может осуществить только зарегистрированный владелец сим-карты, который, как правило, не может выполнить это действие в связи со своим безвестным отсутствием. Вследствие этого необходимо устанавливать, кто является владельцем этой сим-карты (родственник, знакомый или это корпоративный тариф) и может ли он предоставить необходимые сведения.

Кроме того, возможна ситуация, при которой пропавшее лицо не желает сообщать своим близким о своем месте нахождения по каким-либо причинам. В этом случае явно отсутствуют признаки совершения преступного деяния и, следовательно, вполне оправданно вести речь о запрете в отношении такого лица проведения ОРМ, ограничивающих конституционные права человека и гражданина. Люди, по собственной воле пожелавшие исчезнуть временно или навсегда, а таких по результатам нашего исследования около 20% от общего числа находящихся в розыске, руководствуются своими понятными им одним мотивами (тяжелая болезнь, измена, ссора, обида, долги, завышенные требования к окружающим, совершение преступления и т.д.), но при этом, на наш взгляд, они несут высокую моральную ответственность по отношению к своим родным и близким людям, которые в этом случае испытывают не только высокую степень переживаний и дискомфорта, но и зачастую находятся на грани неконтролируемого психического расстройства или заболевания, вызывающих впоследствии необратимые процессы. В этой связи уместно полагать, что действующие в обществе правовые нормы вступают в конфликт с нормами морали, и в данном контексте необходимо определиться, а кто же все-таки является пострадавшей стороной, т.е. является потерпевшим в данной ситуации, и, следовательно, чьи права и свободы должно защищать государство. Полагаем, что права и свободы гражданина, обратившегося в правоохранительные органы с заявлением о безвестном исчезновении, несколько не менее ценны, чем исчезнувшего лица.

На основании изложенного считаем, что следует вести речь о необходимости внесения изменений в оперативно-разыскное законодательство относительно условий проведения оперативно-разыскных мероприятий и ввести судебное санкционирование ОРМ, проводимых в неотложном порядке, а, следовательно, необходимо ч. 2 ст. 8 Закона об ОРД дополнить

пунктом 3: «О лицах, пропавших без вести.», а ныне действующий п. 3 считать п. 4.

Существуют и более кардинальные точки зрения. Так, в настоящее время в Совете Федерации рассматривается вопрос законодательного обеспечения взаимодействия государства и общества в поиске пропавших детей через внесение изменений в законы «О связи» и «Об ОРД» по процедуре предоставления данных о геолокации всех пропавших без вести, а относительно детей предоставлять такие сведения по заявлению родителей [5]. Определение времени и последнего места геолокации сотового телефона исчезнувшего лица позволяет установить ряд фактов, сопутствующих исчезновению, и провести соответствующую поисковую работу, к которой можно отнести обнаружение в этом районе неопознанных трупов,

вызовов бригад скорой помощи и доставление неизвестных граждан в медицинские учреждения (проведение отождествления трупов и граждан), а в случаях отсутствия объектов для идентификации – прочесывание местности, особенно в местах отсутствия жилья, обнаружения мобильного у другого лица – опрос об обстоятельствах появления телефона, отработка на причастность к преступлению, нахождения средств связи вне зоны действия сети – проверка ломбардов и других мест скупки телефонов в районе последнего места геоположения средства связи.

Таким образом, законодательное разрешение рассмотренной проблемы позволит более эффективно решать задачу розыска без вести пропавших граждан и раскрытия неочевидных преступлений, замаскированных под безвестное исчезновение.

Литература

1. Алехин Д.В. Обстановка совершения убийств, связанных с безвестным исчезновением потерпевшего // Российский следователь. 2014. № 22.
2. Драпкин Л.Я., Долинин В.Н. Особенности программирования первоначального этапа расследования серийных убийств // Российская юстиция. 2016. № 6.
3. Исмаилов Ч.М. Безвестное исчезновение как признак преступления и как повод уголовно-процессуальной проверки // Российский следователь. 2014. № 2.
4. Кирюхин Д.А. Географическое профилирование – помощь в составлении психологического профиля преступника и поиске мест сокрытия трупов // Эксперт-криминалист. 2015. № 4.
5. Мисливская Г. Мобильник может спасти // Российская газета. 2017. 4 дек.
6. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 6.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.
7. Об утверждении Инструкции о порядке рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением лиц: приказ МВД России, Генпрокуратуры России и СК России от 16 января 2015 г. № 38/14/5.
8. Парфенов В.А., Огурцов А.Е. Информационно-аналитическое обеспечение розыскной и идентификационной деятельности органов внутренних дел // Правоохранительная деятельность. 2018. № 1(1).

УДК 343.985.5

С.В. Ермаков, канд. юрид. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: ermaksv_alt22@mail.ru

КРИТЕРИИ ПРОВОКАЦИИ В ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье поднята и раскрыта проблема отсутствия в нормативно-правовых актах четко регламентированных критериев провокации в оперативно-разыскной деятельности. На основе анализа судебной практики Европейского Суда по правам человека выделены и раскрыты критерии провокации в оперативно-разыскной деятельности. Также дается авторская трактовка запрещенного ведомственными нормативными актами при проведении оперативно-разыскного мероприятия «Проверочная закупка» «психологического давления» на продавца с целью склонения к продаже предметов, веществ, в т.ч. наркотических, и продукции, свободная реализация которых запрещена либо оборот ограничен, а также к оказанию услуг. Исследован и представлен подход Верховного Суда РФ относительно принципиальных правовых позиций Европейского Суда по правам человека на провокацию преступления в оперативно-разыскной деятельности. Констатируется необходимость нормативно-правового закрепления понятия и критериев провокации при осуществлении оперативно-разыскной деятельности, а также дополнений в ведомственных нормативных актов в части, касающейся корректировки понятий оперативно-разыскных мероприятий, в ходе которых она возможна (в первую очередь оперативный эксперимент и проверочная закупка), их организации и тактики, а также норм, регламентирующих агентурную работу.

Ключевые слова: оперативно-разыскная провокация преступления, критерии оперативно-разыскной провокации преступления.

S.V. Ermakov, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: ermaksv_alt22@mail.ru

CRITERIA OF PROVOCATION IN THE OPERATIVELY-INVESTIGATIVE PROCESS

The article raises and reveals the problem of the absence of clearly regulated criteria of provocation in the operatively-investigative activity in normative legal acts. The criteria of provocation in operatively-investigative activity are allocated and disclosed on the basis of the analysis of judicial practice of the European Court of Human Rights. The article gives the author's interpretation of the «psychological pressure» forbidden by departmental regulations when carrying out operatively-investigative action «test purchase» on the seller for the purpose of inducement to sale subjects, substances, including drugs and products, the free sale of which is prohibited or restricted turnover; as well as the provision of services. The approach of the Supreme Court of the Russian Federation concerning fundamental legal positions of the European Court of Human Rights on provocation of a crime in operatively-investigative activity is investigated and presented. The necessity of normative-legal consolidation of the concept and criteria of provocation in the implementation of operatively-investigative activity, as well as additions to departmental regulations in terms of adjusting the concepts of operatively-investigative activity measures, during which it is possible (primarily operational experiment and verification procurement), their organization and tactics, as well as the rules governing the agency work.

Key words: operatively-investigative provocation of the crime, the criteria for an investigative provocation of a crime.

Критерий (от греч. *kriterion* – средство для суждения) – признак, на основании которого производится оценка, определение или классификация чего-либо; мерило оценки [1, с. 297].

Дополнив Федеральный закон об оперативно-разыскной деятельности нормой, запрещающей провокацию, законодатель не закрепил в ней, а также в других нормативных правовых актах ее критерии. Данный подход, по нашему мнению, был следствием убежденности в том, что ответы на данные вопросы содержатся в области уголовного права. Норма оказалась достаточно востребованной в правоприменительной практике, особенно стороной защиты, а отсутствие указанных критериев и неоднородность практики ее правоприменения дают ей возможность для соответствующего правового маневра.

В данной ситуации оперативно-разыскная, следственная, судебная практики ориентируются, а порой и руководствуются судебными прецедентами, большей частью Европейского Суда по правам человека. Объективно оценивая действительную ситуацию, следует назвать ее противоречащей российской системе права, источником которого судебный прецедент не является.

Таким образом, следует констатировать, что уже достаточно давно образовался и на сегодняшний день имеет место правовой пробел, связанный с отсутствием критериев провокации, который до сегодняшнего дня, как это ни парадоксально, так и не устранен.

Ряд исследователей, изучая судебную практику по рассматриваемой проблеме, обозначали вытекающие исходя из ее анализа критерии провокации, предлагая свои комментарии и рекомендации, направленные на соблюдение вышеуказанного запрета. Обратимся и мы к соответствующему кругу вопросов в поисках сущностных критериев провокации.

Одно из таких решений, получившее широкую известность, – постановление ЕСПЧ от 15.12.2005 по делу «Ваньян (VANYAN) против Российской Федерации». Из обстоятельств дела следует, что Г.А. Ваньян утверждал, что его спровоцировали сотрудники милиции, действовавшие через своего агента, который попросил приобрести для него наркотики. В постановлении по делу ЕСПЧ пришел к выводу о том, что в отношении осужденного было допущено нарушение его права на справедливое судебное разбирательство, предусмотренное ч. 1 ст. 6 Европейской конвенции «О защите прав человека и основных свобод».

ЕСПЧ констатировал, что «если преступление было предположительно спровоцировано действиями тайных агентов, и ничто не предполагает, что оно было бы совершено и без какого-то вмешательства, то эти действия уже не являются деятельностью

агента и представляют собой подстрекательство к совершению преступления. Подобное вмешательство и использование его в уголовном процессе могут привести к тому, что будет неоправдимо подорван принцип справедливости судебного разбирательства».

Кроме того, ЕСПЧ указал, что «не было доказательств того, что... у милиции были основания подозревать заявителя в распространении наркотиков. Простое заявление сотрудников милиции в суде о том, что они располагали информацией о причастности заявителя к распространению наркотиков, которое, судя по всему, не было проверено судом, не может приниматься во внимание» [2].

Близким по смыслу является постановление ЕСПЧ от 26.10.2006 по делу «Худобин (VANYAN) против Российской Федерации». По делу обжаловалось то, что обвинение заявителя в сбыте наркотических веществ было полностью основано на доказательствах, полученных в результате провокации со стороны сотрудников милиции. По делу допущено нарушение ст. 3, п. 4 ст. 5, п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Исходя из обстоятельств дела следует, что 29 октября 1998 г. Т., являвшаяся сотрудницей органов внутренних дел, работала под прикрытием, позвонила заявителю и сказала, что хочет приобрести дозу героина. Заявитель согласился достать для нее дозу и вместе с М. встретился с Т. на улице. Т. передала заявителю денежные купюры, полученные от сотрудников органов внутренних дел С. и Р., помеченные специальным веществом (которое видно только в ультрафиолетовых лучах). Заявитель взял деньги и отправился домой к еще одному человеку – Г. Последний передал заявителю маленький пакетик, в котором находилось 0,05 грамма героина. По возвращении к месту встречи с предполагаемым покупателем заявитель был задержан сотрудниками органов внутренних дел, ожидавшими его на улице.

Европейский Суд подчеркнул ряд характерных моментов в этом деле, в частности тот факт, что вмешательство двух полицейских не являлось частью операции, находившейся под контролем судебных органов, и что у внутригосударственных органов не было достаточных причин, чтобы подозревать заявителя в причастности к торговле наркотиками в прошлом: у него не было криминального прошлого и оснований полагать, что он имел предрасположенность к распространению наркотиков до того, как сотрудники полиции предложили ему сделку [3].

Определенная совокупность критериев провокации, выработанных ЕСПЧ, изложена в вынесенном им постановлении от 04.11.2010 «Дело Банникова (Bannikova) против Российской Федерации». По делу обжалуется проведение сотрудниками органов Федеральной службы безопасности оперативно-разыск-

ного мероприятия в виде проверочной закупки, приведшее к совершению заявительницей преступления, связанного с незаконным сбытом наркотического средства.

Интерес к данному решению обоснован тем, что в нем ЕСПЧ, обобщив свою практику, сформулировал и раскрыл следующие критерии провокации:

1. *Содержательный критерий провокации.* Обозначив данный критерий, ЕСПЧ указал на то, что при определении провокации необходимо в первую очередь попытаться установить, могло ли соответствующее преступление быть совершено без вмешательства властей. Раскрывая его, ЕСПЧ сослался на определение провокации, приведенное им в деле «Раманаускас против Литвы», которое предполагает следующее. «Полицейская провокация случается тогда, когда задействованные должностные лица, являющиеся или сотрудниками органов безопасности, или лицами, действующими по их указанию, не ограничивают свои действия только расследованием уголовного дела по существу неявным способом, а воздействуют на субъект с целью спровоцировать его на совершение преступления, которое в противном случае не было бы совершено, с тем, чтобы сделать возможным выявление преступления, то есть получить доказательства и возбудить уголовное дело...» [4].

2. *Наличие достаточных оснований для подозрения лица, в отношении которого проводится оперативно-разыскная деятельность, в противоправном поведении (критерий наличия объективных подозрений).* В части данного критерия было указано на то, что при решении вопроса о том, являлось ли расследование «по существу неявным», необходимо изучить причины, лежащие в основе проведения оперативной операции, и поведение властей, проводивших ее. Вывод о наличии или отсутствии провокации должен основываться на том, имели ли место объективные подозрения в том, что вышеуказанное лицо задействовано в преступной деятельности или предрасположено к совершению преступления. Определяя данный критерий, ЕСПЧ опирался на Постановление по делу «Тейшейро де Кастро против Португалии», сделав акцент на том факте, что, исходя из обстоятельств указанного дела, по-видимому, национальные власти не обладали достаточными основаниями для подозрения заявителя в том, что он ранее принимал участие в сбыте наркотиков: «...Он не имел криминального прошлого и в отношении него не возбуждалось уголовное дело. В действительности он не был известен полицейским, которые вступили с ним в контакт только при посредничестве В.С. и Ф.О. Кроме того, наркотики не находились дома у заявителя; он получил их от третьих лиц, которые в свою очередь получили их от другого лица... Решение Верховного суда от 5 мая 1994 г. не свиде-

тельствует о том, что в период задержания у заявителя находилось большее количество наркотиков, чем требовали сотрудники полиции, что свидетельствовало бы о том, что он вышел за пределы провокации со стороны полиции. Доказательств довода властей государства-ответчика относительно того, что заявитель был предрасположен к совершению преступлений, не имеется» [5].

В рассматриваемом решении ЕСПЧ вновь сослался на ранее имевшие место решения по делам «Ваньян против Российской Федерации» и «Худобин против Российской Федерации», указав на то, что любая предварительная информация, касающаяся существующего намерения совершить преступление, должна быть проверяема и национальные власти должны быть способны продемонстрировать на любой стадии, что они обладают достаточными основаниями для проведения оперативного мероприятия. Аналогичная позиция ЕСПЧ нашла отражение в постановлениях ЕСПЧ от 1 июля 2008 г. по делу «Малининас против Литвы» и по делу «Еврофинаком против Франции» [10, 6].

Сославшись на Постановление от 29 сентября 2009 г. по делу «Константин и Стоян против Румынии», ЕСПЧ прокомментировал свою позицию относительно криминального прошлого соответствующего лица, конкретизировав, что даже если в прошлом заявитель и привлекался к уголовной ответственности, это само по себе не является признаком того, что в настоящем он осуществляет какую-либо преступную деятельность. ЕСПЧ подчеркнул, что, как сказано в указанном решении, «ничто в прошлом заявителей не свидетельствует о его склонности к торговле наркотиками. Сам по себе тот факт, что один из них был осужденным наркоманом... не может изменить вывод Европейского Суда. Европейский Суд отмечает, что не приведено каких-либо подробностей, равно как и не представлено объективных доказательств предполагаемого незаконного поведения заявителей в решении о возбуждении уголовного дела. Более того, героин не был обнаружен ни у первого заявителя, ни дома у второго заявителя» [7].

Раскрывая признаки существующей криминальной деятельности или намерения совершить преступление, ЕСПЧ на примере постановления по делу «Шаннон против Соединенного Королевства», а также упомянутого выше постановления от 26.10.2006 по делу «Худобин (VANYAN) против Российской Федерации» указал, что таковыми могут служить: явная осведомленность заявителя о действующих ценах на наркотики и его способность незамедлительно достать их, а также материальная выгода заявителя от сделки [8, 3].

В постановлении по делу «Банникова (Bannikova) против Российской Федерации» ЕСПЧ указал на

то, что тесно связанным с критерием наличия объективных подозрений является критерий *этапа, на котором национальные власти осуществляют оперативное мероприятие*, т.е. просто ли оперативные сотрудники «присоединились» к совершению уголовно наказуемого деяния или спровоцировали его. Конкретизируя данный критерий, ЕСПЧ воспроизвел доводы, на которых он основывал свои выводы в деле «Секвейра против Португалии», где было установлено, что подстрекательства со стороны полиции не было, поскольку «в данном деле национальными судами было установлено, что А. и С. начали сотрудничать со следственным департаментом на том этапе, когда заявитель уже вступил в контакт с А. с целью организации поставки кокаина в Португалию. Более того, начиная с этого времени деятельность А. и С. осуществлялась под надзором следственного департамента, прокуратура была проинформирована о проведении операции. Наконец, у национальных властей не было достаточных оснований для подозрения заявителя в намерении организовать операцию по торговле наркотиками». Данные факты позволяют установить явные отличия дела «Секвейра против Португалии» от дела «Тейшейро де Кастро против Португалии», а также свидетельствуют о том, что фигурирующие в первом А. и С. не могут рассматриваться как провокаторы. Продолжая ссылаться на дело «Секвейра против Португалии», ЕСПЧ акцентировал внимание на том, что, как подчеркнули национальные власти, их действия не превысили пределов надлежащей деятельности оперативных сотрудников [9].

3. Следует отметить, что рассматриваемое постановление дает некоторые ответы на вопрос, что представляет собой как определенный элемент подстрекательства запрещенное ведомственными нормативными актами при проведении оперативно-разыскного мероприятия «Проверочная закупка» психологическое давление на продавца с целью склонения к продаже предметов, вещей, в т.ч. наркотических и продукции, свободная реализация которых запрещена либо оборот ограничен, а также к оказанию услуг. Так, сославшись на постановление ЕСПЧ по делу «Милинине против Литвы», психологическим давлением ЕСПЧ признал неоднократный повтор предложения продать наркотики, несмотря на первоначальный отказ лица, настойчиво торопя его, поднимая цену выше средней [10]. Под ним же в соответствии с позицией ЕСПЧ, отраженной в указанном выше постановлении ЕСПЧ «Ваньян против Российской Федерации», следует понимать аналогичное предложение, основанное на инициализации чувства сострадания у сбытчика к закупщику, который говорит о мучающей его «ломке» [2]. Соответствующий вывод в деле «Раманаускас против Литвы» предус-

матривает следующее: «Во-вторых, как следует из записи телефонных разговоров, все встречи заявителя и АЗ имели место по инициативе последнего; данный факт противоречит доводу властей государства-ответчика о том, что власти не подвергали заявителя какому-либо давлению или угрозам. С другой стороны, посредством контакта, установленного по инициативе АЗ и ВС, на заявителя, по-видимому, оказывалось давление с их стороны с целью очевидного ускорения совершения преступлений, несмотря на отсутствие доказательств, за исключением слухов, подтверждающих его намерение осуществлять преступную деятельность» [4].

4. *Критерий происхождения инициативы преступного поведения.* Конкретизируя данный критерий, ЕСПЧ указал, что он применялся в ряде дел, в которых полиция вступала в дело только после обращения к ней частного лица (не сотрудничающего с полицией и не являющегося ее информатором) с информацией, свидетельствующей о том, что заявитель уже начал осуществлять преступную деятельность. В упоминавшемся выше деле «Шаннон против Соединенного Королевства» Европейский Суд постановил следующее: «Возвращаясь к обстоятельствам данного дела, Европейский Суд отмечает, что роль национальных властей сводилась к уголовному преследованию заявителя на основании информации, которая была передана им третьими лицами. Заявитель "подставил" журналист, частное лицо, который не являлся представителем государства, не действовал в интересах полиции, по ее указанию или под ее контролем. Полиция ранее не обладала сведениями об операции М., до того, как ей были представлены аудио- и видеозапись произошедшего. Следовательно, Европейский Суд приходит к выводу о том, что ситуация в настоящем деле отличается от той, которую Европейский Суд исследовал в Постановлении по делу "Тейшейро де Кастро против Португалии". Далее ЕСПЧ констатировал, что впоследствии в постановлении от 24 июня 2008 г. по делу "Милинине против Литвы" и постановлении от 16 июля 2009 г. по делу "Гордиевский против бывшей Югославской республики Македония" ЕСПЧ, столкнувшись с ситуацией, в которую были вовлечены частные лица, подтвердил свой подход, а также установил, что не имело место подстрекательство. Согласно соответствующему выводу, приведенному в деле "Милинине против Литвы". Инициатива в данном деле имела место со стороны SS – частного лица, который, осознав, что заявитель будет требовать взятку в целях разрешения дела в благоприятную для него сторону, обратился в полицию. Впоследствии полиция обратилась к заместителю Генерального прокурора, который санкционировал и возбудил последующее расследование в правовых рамках симулирования уголовно наказуе-

мого поведения, предоставив иммунитет от уголовного преследования SS в обмен на получение доказательств в отношении подозреваемого. Поскольку SS обладал поддержкой полиции для существенно-го финансового стимулирования заявителя, а также предоставленными ею техническими средствами для записи разговора, является очевидным то, что полиция оказывала влияние на ход событий. Тем не менее ЕСПЧ не считает, что роль полиции была чрезмерна, учитывая их обязанность осуществлять проверки по жалобам о совершении преступлений, а также необходимость пресечения разрушающих последствий коррупции среди судей в соответствии с принципом верховенства закона в демократическом обществе. Он также не считает, что полиция служила в качестве определяющего фактора. Решающим в данном деле было поведение SS и заявителя. В связи с этим ЕСПЧ признает, оценив обстоятельства дела, что полиция, можно сказать, "присоединилась" к преступной деятельности, а не спровоцировала ее. Таким образом, действия полиции скорее находились в пределах оперативной работы, а не являлись провокационными, что привело бы к возможному нарушению п. 1 ст. 6 Конвенции...».

Применив тот же критерий в упоминавшемся выше деле «Милинине против Литвы», ЕСПЧ установил, что оперативное мероприятие предполагало провокацию: «Европейский Суд отмечает, что инициатива поступила именно со стороны офицера В., когда он первым вышел на связь с заявителем, интересуясь, где можно приобрести запрещенные наркотики. Затем заявитель сам предложил доставить их. В процессе сделки заявителю была предложена значительная сумма – 3000 долларов США – за поставку большого количества наркотиков. Очевидно, что это является побуждением для доставки товара. Суд первой инстанции признал решающей роль полиции... Данные признаки в настоящем деле, по мнению Европейского Суда, свидетельствуют о расширении функции полицейских от оперативных сотрудников до провокаторов. Они не просто "присоединились" к совершающемуся преступлению, но и спровоцировали его. Неизбежным выводом из указанных обстоятельств является то, что полиция не ограничилась расследованием преступной деятельности пассивным по сути способом, а оказала воздействие, которое привело к совершению преступления...».

Заканчивая рассмотрение постановления по делу «Банникова (Bannikova) против Российской Федерации», необходимо отметить, что ЕСПЧ отметил в нем еще одну принципиальную в части, касающейся критериев провокации, вещь. Сославшись на упоминавшиеся выше постановления Европейского Суда по делам «Ваньян против Российской Федерации» и «Худобин против Российской Федерации», ЕСПЧ

сделал акцент на необходимости наличия ясного и предсказуемого порядка получения разрешения на проведение следственных действий, а также осуществления за ними надлежащего надзора. В деле «Худобин против Российской Федерации» Европейский Суд установил нарушение, отметив, в частности, что мероприятие, проводимое органами внутренних дел, было санкционировано обычным административным решением органа, который впоследствии и проводил мероприятие; решение содержало очень мало информации относительно оснований и целей планируемой проверочной закупки, а оперативное мероприятие не подвергалось контролю ни со стороны суда, ни иного независимого органа.

Что касается органа, осуществляющего контроль за проведением оперативных мероприятий, Европейский Суд постановил, что контроль со стороны судебного органа являлся бы наиболее надлежащим средством, тем не менее при наличии соответствующего порядка и гарантий могли бы действовать и иные средства, такие как, например, надзор со стороны прокуратуры.

В связи с многочисленными ошибками, допускаемыми правоохранительными органами при расследовании и судами при рассмотрении указанной категории уголовных дел, Верховный Суд РФ принял решение об обобщении принципиальных правовых позиций ЕСПЧ на провокацию преступления, в результате которого был утвержден Президиумом Верховного Суда РФ от 27.06.2012 «Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ». Согласно указанному обзору органу следствия при рассмотрении уголовных дел, возбужденных по результатам проведения ОРМ «Проверочная закупка», необходимо учитывать, что при проведении повторного ОРМ «Проверочная закупка» у одного и того же лица данное мероприятие должно быть обоснованным и мотивированным, в т.ч. обоснованным и мотивированным новыми основаниями и целями, с обязательным вынесением нового мотивированного постановления о проведении ОРМ «Проверочная закупка».

В случае проведения повторных ОРМ «Проверочная закупка» по одним и тем же основаниями и для достижения одних и тех же целей ее результаты будут признаны недопустимыми, т.к. проведение данной повторной проверочной закупки является необоснованной.

Иными словами, каждое последующее ОРМ «Проверочная закупка», осуществляемое в отношении одного и того же лица, проводится для того, чтобы установить обстоятельства преступной деятельности лица, которые до ее проведения не были

известны правоохранительным органам (например, вторая и последующие проверочные закупки проводятся с целью установления мест хранения наркотических средств; механизма и мест сбыта; с целью установления канала поставки наркотиков; соучастников преступной деятельности; установления роли, функций лица в преступной группе, его места в иерархии преступной группы и т.п.).

При этом цели, для достижения которых проводились повторные проверочные закупки, должны достигаться, т.е. правоохранительный орган в результате проведения конкретной проверочной закупки должен получить информацию, для достижения которой указанное ОРМ и проводилось.

Недостижение целей, для достижения которых проводилось указанное ОРМ, не оправдывает проведение данных ОРМ (например, в результате проведения второй проверочной закупки с целью установления соучастников преступления цель данного ОРМ не была достигнута, т.е. соучастники не были установлены; третья проверочная закупка проводилась в целях установления канала поставки наркотика, которая также не была достигнута – в данных случаях весьма вероятно, что указанные проверочные закупки будут признаны судом проведенными как необоснованные, т.к. правоохранительный орган не может бесконечно проводить проверочные закупки в отношении одного и того же лица, пусть даже для достижения различных целей, цели проведения которых не достигаются) и также расценивается как провокация либо бесосновательное проведение ОРМ.

Основания и цели проведения каждой проверочной закупки, результаты их проведения, кроме оперативных документов (справки-меморандумы, постановления о проведении проверочных закупок и т.д.), должны в обязательном порядке фиксироваться в протоколах допросов оперативных сотрудников.

В большинстве случаев только показания оперативных сотрудников раскрывают оперативный замысел, цели, которые они хотели достичь при проведении ОРМ, какие цели были достигнуты (т.е. что стало известно при проведении 2-ой и последующей «Проверочной закупки»).

Вместе с тем проведение неоднократных проверочных закупок при соблюдении всех необходимых условий, касающихся легальности их проведения, дает реальную возможность сбора доказательств преступной деятельности всех соучастников преступных групп либо конкретного лица, выявить руководителя и т.д.

Так, в следственном органе Управления ФСКН России по Брянской области расследовалось уголовное дело по обвинению 9 членов ОПС в совершении 72 преступлений.

Совершенные участниками преступного сообщества покушения на незаконный сбыт наркотиков выявлены в ходе проведения ОРМ «Проверочная закупка» (всего 52 проверочных закупки, т.е. в среднем по 5 закупок у каждого лица).

В ходе проведения проверочных закупок оперативные сотрудники в каждом случае указывали в постановлении о проведении ОРМ различные цели (от установления причастности лица к незаконному сбыту наркотиков до совершения преступлений в составе организованной группы, установление источника) и достигли их, получив подтверждение причастности лиц к указанным преступным деяниям.

При этом в каждом случае подготовка и проведение ОРМ «Проверочная закупка» сопровождалась комплексом ОРМ («ПТП», «Наблюдение», «Наведение справок» и т.д.).

Таким образом, недостижение поставленных целей при проведении первоначальных ОРМ в большинстве случаев свидетельствует о недостаточности усилий оперативных подразделений, направленных на документирование преступной деятельности, и не может служить оправданием для проведения ряда аналогичных мероприятий, которые также не увенчались успехом.

Исходя из рассматриваемого обзора, во избежание фактов незаконного возбуждения уголовных дел, незаконного привлечения лиц к уголовной ответственности необходимо при проверке законности и обоснованности проведения ОРМ «Проверочная закупка» особое внимание уделять на указанные в постановлении цели повторного проведения ОРМ и достигнутые результаты (в постановлении о проведении ОРМ «Проверочная закупка» должна быть указана его конкретная и достижимая цель, основанная на оперативно значимой информации, полученной в результате проведения иных ОРМ («Наблюдение», «ПТП» и т.д.).

Кроме того, в рамках взаимодействия с оперативным подразделением необходимо еще до проведения ОРМ «Проверочная закупка» проводить рабочие встречи с оперативным составом, изучать дела оперативного учета, давать справки-рекомендации относительно законности и обоснованности проведения проверочной закупки.

После проведения первой проверочной закупки и возбуждения по ее результатам уголовного дела последующие проверочные закупки могут проводиться по поручению следователя на проведение комплекса ОРМ, направленных на установление лица, сбывшего наркотики, источника поступления наркотика, соучастников его преступной деятельности и т.п., которое дается в рамках возбужденного уголовного дела.

При возникновении вопросов, связанных с законностью проведения ОРМ, необходимо обращаться к руководству следственной службы, а также к надзирающему прокурору для дачи пояснений.

Таким образом, констатируя отсутствие нормативно-правового закрепления критериев провокации при осуществлении оперативно-разыскной деятельности, полагаем, что данный пробел позволит вос-

полнить: во-первых, понятие провокации, которое необходимо закрепить в ФЗ Об ОРД; во-вторых, внесение дополнений в ведомственные нормативные акты в части, касающейся корректировки понятий оперативно-разыскных мероприятий, в ходе которых она возможна (в первую очередь, оперативный эксперимент и проверочная закупка), их организации и тактики, а также норм, регламентирующих агентурную работу.

Литература

1. Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 2001.
2. Постановление ЕСПЧ от 15.12.2005 по делу «Ваньян (Vanyan) против Российской Федерации» (жалоба № 53203/99) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2006. № 7.
3. Постановление ЕСПЧ от 26.10.2006 по делу «Худобин (Khudobin) против Российской Федерации» (жалоба № 59696/00) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2007. № 11.
4. Постановление ЕСПЧ от 5 февраля 2008 г. по делу «Раманаускас против Литвы» // Российская хроника Европейского суда. 2010. № 3.
5. Постановление Европейского суда от 9 июня 1998 г. по делу «Тейшейро де Кастро против Португалии» № 44/1997/828/1034. URL: <http://echr.ketse.com/doc/25829.94-en-19980609/view/>.
6. Постановления ЕСПЧ от 07.09.2004 по делу «Компания "Еврофинаком" (Eurofinacom) против Франции» (жалоба № 58753/00) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2005. № 1.
7. Постановление от 29 сентября 2009 г. по делу «Константин и Стоян против Румынии» (от 29 сентября 2009 г., жалобы № 23782/06 и 46629/06) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2009.
8. Постановление от 6 апреля 2004 г. по делу «Шаннон против Соединенного Королевства» (жалоба № 67537/01, ECHR 2004-IV) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2004. № 9.
9. Постановление Европейского Суда по правам человека от 6 мая 2003 г. по делу «Секвейра против Португалии» (жалоба № 73557/01, ECHR 2003-VI) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. № 10/2003.
10. Постановление Европейского Суда по правам человека от 24 июня 2008 г. по делу «Милинине против Литвы» [Miliniene v. Lithuania] (жалоба № 74355/01) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. № 11/2008.

УДК 343.98.06

Г.К. Лобачева, доктор хим. наук, профессор
Волгоградская академия МВД России

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА – ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДЛЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В данной статье описаны новые образцы криминалистической техники для обнаружения, фиксации, изъятия и исследования веществ, материалов и изделий для криминалистов: маска-очки, портативный малогабаритный многофункциональный осветитель, устройство для обнаружения и идентификации полимерных материалов и покрытий, ЛКМ и П, персональные браслеты для сотрудников силовых ведомств, устройства для идентификации транспортных средств, полезная модель для установления групповой принадлежности ЛКМ и П по цветовому тону, насыщенности и яркости цвета в цифровом эквиваленте, а также описано устройство установления содержания документов, поврежденных механическим способом.

Рассмотренные научно-технические средства не исчерпывают всего многообразия поисковой техники. Создаются новые приборы, приспособления, химические составы для исследования следов пальцев рук, которые после прохождения экспериментальной проверки будут внедряться в практическую деятельность правоохранительных органов.

Ключевые слова: криминалистическая техника, маска-очки, осветитель, браслеты, транспортные средства, ЛКМ и П, устройство, поисковая техника.

G.K. Lobacheva, PhD. (Doctor of Chemistry), professor
Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia

INNOVATIVE TECHNOLOGY – USABILITY FOR FORENSIC RESEARCH

This article describes new samples of forensic techniques for detection, fixation, seizure and investigation of substances, materials and products for forensic experts: mask-glasses, portable small-sized multifunctional illuminator, device for detection and identification of polymeric materials and coatings, paint and P, personal bracelets for employees of law enforcement agencies, devices for identifying vehicles, a useful model for establishing the group affiliation of LMC and P, in terms of color tone, saturation and brightness color in digital equivalent, and also describes the device for establishing the contents of documents damaged by mechanical means.

The considered scientific and technical means do not exhaust the whole variety of search technology. New devices, chemical compounds for the investigation of fingerprints are being created, they will be introduced into the practical activities of law enforcement agencies after passing through an experimental check.

Key words: forensic technique, mask-glasses, illuminator, bracelets, means of transport, paint and varnish materials, device, search technology.

В настоящее время проводятся исследования, которые позволят внести вклад в решение сложной социальной проблемы по преодолению преступности, а именно создать новую материально-техническую базу для осуществления деятельности сотрудников экспертно-криминалистических подразделений. Нами разработаны новые образцы криминалистической техники: для обнаружения следов – маска-очки, осветитель; для фиксации следов – устройство установления содержания документов, повреждённых механическим способом, устройство для изъятия и анализа металлов на обследуемых поверхностях и многие другие [1].

Для обнаружения объектов, способствующих раскрытию преступления в ходе осмотра места происшествия, нами предположено использовать разработанные полезные модели (ПМ): «маска-очки для сотрудников структурных подразделений» [3], «портативный малогабаритный многофункциональный осветитель» [10], сенсорный фонарик, устройство для обнаружения и идентификации полимерных материалов и т.д. [4, 5].

Технический результат устройства «маска-очки» состоит в обеспечении высокой чёткости при исследовании микрообъектов, увеличенных в 10 раз, за счёт широкого покрытия излучением ИК и УФ-излучения (от 365 нм до 940 нм), удобства в эксплуатации и лёгкости в эксплуатации, возможности исследования микрообъектов в труднодоступных местах, возможности тщательного обследования места происшествия, когда тщательность обследования микрообъектов требует освобождения рук для удобства работы с микрообъектами. В десятки раз сокращается время обследования места происшествия и обеспечивается высокая чёткость исследования микрообъектов особенно в труднодоступных местах и особенно тогда, когда смыты биологические объекты, что очень важно, потому как обеспечивает комфортную работу сотрудников.

«Осветитель» относится к переносным портативным осветительным приборам и может быть использован для освещения микрообъекта в труднодоступных местах, в частности при осмотре номерных знаков и агрегатов транспортного средства, проверке специальной маркировки на машинах и подлинности документов.

Портативный малогабаритный многофункциональный осветитель удобен в работе, обеспечивает возможность проверки подлинности отдельных агрегатов и деталей транспортного средства и документов на них, а 10-кратная выносная лупа, соединённая с корпусом осветителя, позволяет получать высокую чёткость изображения микрообъектов.

В ходе расследования преступлений, имеющих экономический характер либо иной другой, а также в

ходе осмотра места происшествия или при производстве следственных действий сотрудники правоохранительных органов (ПОО) выявляют документы, повреждённые механическим способом. Для установления содержания данных документов сотрудникам ПОО требуется большое количество времени и сил, особенно если на экспертизу представлено большое количество объектов, уничтоженных в устройствах типа «Шредер».

Предметом криминалистического исследования документов является изучение закономерностей способов изготовления документов, внесения изменений в содержание их реквизитов, а также закономерностей формирования и изменения признаков письма, отображающихся в рукописях, для разработки и совершенствования методов осмотра и изучения документов как источников информации о преступлениях в целях их раскрытия и расследования.

Документы по их процессуальной природе включают в себя две разновидности: документы – вещественные доказательства и иные письменные документы.

К документам – вещественным доказательствам в соответствии со ст. 81 УПК РФ относятся документы, которые служили средством совершенного преступления.

К иным письменным документам относятся документы, отражающие юридические факты, зафиксированные в содержании и имеющие значение для уголовного дела (ст. 84 УПК РФ).

Для решения данной проблемы автором были разработаны новые технологии для установления содержания документов, повреждённых механическим способом.

Недостатком известных технических решений является невозможность установления содержания документов, повреждённых механическим способом.

Указанные недостатки устраняются с использованием новых технологий, где имеется: приёмник документов, принимающий их электронным способом, библиотека для упомянутых документов, принтер, монитор, система опрыскивания химическими реактивами изогнутых фрагментов документов, ЭВМ, в которой установлено специальное программное обеспечение, а также порт для подключения и передачи данных к устройству для обработки полученных данных (ПК), в котором используется специальное программное обеспечение.

Осуществление работы устройства установления содержания документов, повреждённых механическим способом, происходит следующим образом.

При подключении заявленного устройства к электропитанию и включении при помощи кнопки включения с помощью сенсорного дисплея и ЭВМ управляются: освещение, вентилирующее устрой-

ство, сканирующее устройство, устройство подачи химических реактивов и видеокамера.

Устройство для хранения и подачи химических реактивов пополняется химическими реактивами при необходимости. После придания необходимой формы повреждённым фрагментам документов при помощи вентилирующего устройства просушиваются выравненные фрагменты документов, далее сканируется одна поверхность фрагментов повреждённых документов сканирующим устройством, затем переворачивается вручную каждый фрагмент повреждённых документов и сканируется другая

сторона повреждённых фрагментов документов. Все сканированные изображения сохраняются в базе данных ЭВМ. При работе ЭВМ и установленного на ней специального программного обеспечения ведётся наблюдение при помощи видеокамеры за происходящим в камере при включённом освещении. Получаем изображение и при помощи порта для подключения и передачи данных (на рисунках не указано) передаём на устройство для обработки полученных данных со сканирующего устройства. Все выводится на печать при помощи копировально-множительной техники.

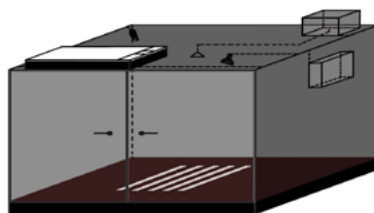

Рис. 1. Общий вид устройства установления содержания документов, повреждённых механическим способом

Предлагаемое изобретение «Устройство установления содержания документов, повреждённых механическим способом» используется в криминалистической технике, в частности, при установлении содержания документов, повреждённых механическим способом, путём сканирования с двух сторон фрагментов документов после химической обработки изогнутых фрагментов документов, с формированием базы данных отсканированных фрагментов документов и дальнейшей обработкой полученных фрагментов документов, содержащихся в базе данных, и формирования исходного содержания документов с помощью специального программного обеспечения с дальнейшим выводом на печать сформированного установленного документа. Устройство работает при освещении и при включённой видеокамере, где весь процесс химической обработки изогнутых фрагментов, их выравнивание, сканирование и запись всех фрагментов документов осуществляются в течение всего времени.

Технический результат состоит в увеличении скорости установления содержания документов, повреждённых механическим способом, в десятки раз, удобстве и простоте установления содержания повреждённых документов механическим способом, а также в повышении точности экспертизы [6].

Для криминалиста не менее важным является возможность обнаружения металлов на различных поверхностях.

Для изъятия и анализа металлов и их соединений на обследуемых поверхностях в ходе осмотра места происшествия нами предлагается использовать разработанные «Одноразовые бахилы» [4].

Данная полезная модель относится к обуви для сбора металлов при проведении химического анализа, которая может найти применение в криминалистике в качестве специально изготовленных одноразовых бахил, предназначенных для обнаружения металлов и их соединений на обследуемых поверхностях, например почвах и других поверхностях, и изъятия их на спецполосках для проведения предварительного криминалистического исследования путём растворения металлов и проведения качественного анализа.

Техническим результатом заявляемой полезной модели является расширение функциональных возможностей бахил, обеспечивающих успешное их применение для обнаружения, изъятия соединений металлов с поверхности почвы и других обследуемых поверхностей для предварительного исследования соединений металлов непосредственно на месте происшествия и в рамках производства последующей судебной криминалистической экспертизы [4, 5].

Следует остановиться на других ПМ, таких как «Одноразовый персональный экологически безопасный браслет контроля доступа со штрих-кодом и радиочастотной меткой» [8], «Персональный браслет

контроля доступа со штрих-кодом, радиочастотной меткой с приёмопередатчиком сигнала GLONASS/GPS) и «Экологически безопасный персональный браслет оповещения сотрудников правоохранительных органов по сигналу "Сбор"» [7, 8].

Что касается браслетов, разработанных на кафедре криминалистической техники Волгоградской академии МВД России, то они описаны в патентах полезных моделей и в книгах «Инновации в криминалистике» (2016 г.), а также «Химия для криминалистов» и «Химия металлов на службе криминалистики» (2015 г.) [1, 2, 11, 12].

Оповещение сотрудников правоохранительных органов по сигналу «Сбор» особенно важно в условиях ЧС. В такой ситуации жизненно важно, чтобы сотрудники ПОО в течение условно короткого времени согласно инструкции были оповещены о ЧС и прибыли к месту сбора. Чрезвычайно важно, чтобы браслет использовался по назначению, был прочным, экологически безопасным, работал исправно и был очень удобным в использовании. Важно знать, что при создании браслета использовались современные достижения техники: коротковолновая радиосвязь, светодиоды, антенны и элементы питания, пьезоизлучатель, дешифратор, корпус из экологически безопасного полимера.

К недостаткам всех известных аналогов относится их невозможность применения в условиях отсутствия электроэнергии в сети, при полном отключении энергоснабжения жителей города или посёлка, при этом работа GPS Navstar, мобильных телефонов невозможна.

Необходим простой, доступный браслет, который снабжён функцией приёма коротких волн и реагирования на этот приём световым и звуковым сигналом. Согласно инструкции это означает, что через определённое время всем сотрудникам полиции необходимо быть на месте сбора, при этом работа браслета не зависит от наличия или отсутствия электроэнергии в городе или посёлке.

Транслятор КВ-диапазона при включении электрогенератора находится на определенной территории (например, в Волгоградской академии МВД России), работает автономно, посылает коротковолновые радиочастотные волны в радиусе 100 км, используя устройство ввода команды.

Браслет имеет приёмник коротких волн с антенной внутри, через дешифратор включает красный диод и динамик со звуковым сигналом — через пьезоизлучатель.

Таким образом, сотрудником полиции сигнал «Сбор» получен, и он немедленно выдвигается к месту сбора. Браслет постоянно находится на руке сотрудника полиции, он компактен, работает на расстоянии 100 км.

Предложенный персональный браслет представляет собой совокупность средств позиционирования, объединённых в корпусе браслета, который будет расположен на запястье руки пользователя. Для изготовления персонального браслета будет использован комплекс материалов, включающих поливинилхлорид, а также экологически безопасный полимерный материал — полисилоксан, который наносится на нижнюю поверхность браслета, соприкасающуюся с телом полицейского. Выбран материал исходя из обеспечения прочностных свойств браслета и придания ему экологической безопасности, небольшой массы изготавливаемого браслета, изящности, простоты в использовании. Электрическое питание браслета обеспечивается с помощью батареек, и что самое главное, браслет используется в условиях ЧС, т.е. в отсутствии электроэнергии в городе или посёлке.

Браслет обладает отличительными особенностями, которые делают его простым в использовании в чрезвычайной ситуации. Единственно, что должен сделать полицейский, это надеть браслет и простым движением зафиксировать его на руке. Функционируя, он выдаёт звуковые и световые сигналы, управление которыми осуществляется в соответствии с состоянием браслета. Важной характеристикой заявленного браслета является автоматическая активация браслета при его надевании.

Проблесковый свет и звуковой сигнал автоматически включаются при поступлении в КВ-приёмник сигналов от генератора через транслятор.

Таким образом, экологически безопасный персональный браслет оповещения сотрудников правоохранительных органов срабатывает по сигналу «Сбор», при этом включаются браслет и устройство персонального оповещения. Отличие заключается в том, что в корпусе браслета в качестве устройства персонального оповещения встроен красный светодиод, пьезоизлучатель, дешифратор, приёмник с антенной для приёма коротких волн, элемент питания, а корпус выполнен из полимерного поливинилхлорида, а нижний слой покрыт экологически безопасным полисилоксаном.

Авторским коллективом ВА МВД России создано устройство для идентификации транспортных средств, содержащее корпус с размещённым в нём ЭВМ с дисплеем, предназначенным для вывода изображений, получаемых с видеокамеры, к корпусу которой крепится насадка с помощью магнитных вставок и наноприсосок, с возможностью удержания видеокамеры, линзы и осветителей, яркостью которых управляет ЭВМ, при этом резьба насадки предназначена для крепления гофрированной металлической трубки к корпусу устройства, внутри указанной трубки расположены провода для передачи сигналов видеокамеры через USB / Micro USB-порт на ЭВМ, выпол-

ненной с возможностью идентификации транспортных средств [9].

Устройство для идентификации транспортных средств предназначено для визуального контроля в нестационарных условиях труднодоступных мест в условиях недостаточной освещенности с применением видеокамеры, блока освещения ультрафиолетового и видимого света, магнитными вставками и наноприсосками для надёжного крепления к изучаемой поверхности. Основные области применения – экспертиза состояния различных объектов; решение задач досмотра и контроля пассажирских и грузовых перевозок на таможне; ликвидация последствий чрезвычайных происшествий (осмотр завалов, труднодоступных мест); досмотр и техническое обслуживание транспортных средств; исследование маркировочных обозначений транспортных средств [9].

Осмотр исследуемой поверхности осуществляется с помощью длинного гибкого видеозонда с ультрафиолетовой и видимой подсветкой, передающего изображение на экран монитора на расстоянии более 10 м.

Предлагаемое устройство позволяет использовать увеличенную до 60 крат фото- и видеозапись результатов экспертизы, крепится к металлическим или стеклянным поверхностям. Оснащено оно картой памяти на 16 Гб, USB-кабелем, литий-ионным аккумулятором с подзарядкой, имеются порты USB/MicroUSB, программное обеспечение для идентификации транспортных средств.

Устройство предназначено для проверки маркировочных обозначений узлов и деталей автотранспортных средств. Может быть использовано сотрудниками дорожной инспекции для контроля состояния идентификационных номеров (VIN), выявления подделки маркировочных обозначений, раскрытия и расследования обстоятельств угонов автомобилей и иных видов преступлений.

Полезная модель относится к устройствам для установления групповой принадлежности лакокрасочных покрытий, она может быть использована в криминалистике при предварительном криминалистическом исследовании объектов с места происшествия с целью раскрытия преступлений по горячим следам при проведении досмотровых мероприятий на транспорте, автодорогах, аэропортах и является эффективным средством борьбы с нарушителями дорожного движения, с преступниками, покинувшими место дорожно-транспортного происшествия (ДТП) и др.

Объектами криминалистической экспертизы лакокрасочных материалов и покрытий при расследовании ДТП являются лакокрасочное покрытие конкретно окрашенного транспортного средства (далее – ТС) и предположительно отделившиеся от этого покрытия части. Чаще всего это бывает, когда

при осмотре места ДТП обнаруживают отслоившиеся части лакокрасочных покрытий (далее – ЛКП) деталей, механизмов, агрегатов конкретного ТС при столкновении или наезде на препятствие или части лакокрасочного покрытия, образовавшегося от переноса с одного предмета на другой при соприкосновении (контактном взаимодействии) их поверхностей.

Основными задачами рассматриваемого вида экспертизы являются:

- обнаружение микрочастиц лакокрасочных материалов и покрытий (далее – ЛКМ и П), расположенных как на поверхности перемещаемых предметов-носителей (ТС, одежда, обувь), так и на поверхности неподвижных объектов (участков местности);
- определение природы, состава, назначения ЛКМ и П;
- определение общей родовой и групповой принадлежности сравниваемых ЛКМ и П;
- отождествление конкретно окрашенного предмета по отдельным частям ЛКП или следам-наложениям;
- установление источника происхождения.
- установление факта и механизма контактного взаимодействия исследуемых объектов ТС с одеждой пешехода, двух ТС по взаимопереходящим веществам, в состав которых входят ЛКМ.

При покраске автомобиля целиком обычно бывает достаточно произвести компьютерный подбор краски на основании номерного кода цвета окрашиваемого автомобиля. При покраске отдельных элементов кузова автомобиля возникает необходимость подбора колера эмали, максимально приближенного по яркости, цветовому тону и насыщенности к подбираемому цвету. Лаборатория для компьютерного подбора красок компании «Spies Hecker» обеспечивает наилучшее качество в этом направлении.

Подбор краски для автомобиля – это сложный процесс получения нужного оттенка путем смешения цветов в определенной пропорции. Цветовая палитра автоэмалей очень широка. Поэтому при подборе краски очень важно на 100% добиться совпадения заводского цвета и цвета окрашиваемой детали.

Таким образом, отметим главное – для чего предназначено предлагаемое «Устройство»:

- 1) для криминалистического установления групповой принадлежности ЛКМ и П;
- 2) для определения кода цветов ЛКМ и П для ТС, строительных материалов и т.д. (цветового тона, насыщенности и яркости цвета).

Портативное многофункциональное устройство для установления групповой принадлежности лакокрасочных материалов и покрытий по цветовому тону, насыщенности и яркости цвета в цифровом эквиваленте содержит: корпус в виде цилиндрической емкости, кнопки управления вкл/выкл, аккумуля-

тор, разъём для подключения зарядного устройства, ЭВМ, микроконтроллер, светодиоды инфракрасного, ультрафиолетового и видимого излучения, сенсорный дисплей, microUSB-порт, приёмопередающее устройство, работающее по протоколу Bluetooth (v.3), защитную крышку, ручку для транспортировки, регулятор интенсивности излучения штатных источников света, приёмопередающее устройство GSM, а также дополнительно содержит видеокамеру, автофокус, инфракрасный светодиод автофокуса, защитную крышку сенсорного дисплея, насадку, наноприсоски, магнитную вставку и программу для ЭВМ, которая обеспечивает работу всех систем: получение изображения с видеокамеры, обработку данного изображения и получение численного значения длины волны λ -излучения, отраженного от ЛКМ и П: цветового тона, насыщенности и яркости цвета в цифровом эквиваленте, формирование полученных результатов, выведение их на сенсорный дисплей.

В мировой практике для обнаружения и установления групповой принадлежности полимеров, в т.ч. ЛКМ и П, как правило, применяется высокоаналитическое оборудование: ИК-Фурье спектрометры, эмиссионно-спектральный и рентгеновские методы анализа, а также тонкослойная газовая и газожидкостная хроматография и др.

Технический результат заявленной ПМ – создание достаточно простого в эксплуатации и стабильного в работе «Устройства», лишённого главного недостатка прототипа – нестабильности оценки интенсивности флуоресценции и невозможности получить цветовой код ЛКМ и П, т.е. невозможность точно оценить цветовой тон, насыщенность и яркость цвета в числовом эквиваленте.

Таким образом, внося конструктивные изменения в «Устройство», программное обеспечение (далее – ПО) для электронно-вычислительной машины решает экспертно-диагностическую задачу сравнения двух образцов, один из которых является частью ЛКМ и П, полученных в результате обнаружения на месте происшествия по факту ДТП с ЛКМ и П, в ре-

зультате обнаружения предполагаемого транспортного средства, с более высокой точностью и стабильностью измерения.

Технический результат и решение поставленной задачи достигаются предлагаемым «Устройством», включающим: корпус в виде цилиндрической емкости, кнопки управления вкл/выкл, аккумулятор, разъём для подключения зарядного устройства, ЭВМ, микроконтроллер, светодиоды инфракрасного, ультрафиолетового и видимого излучения, сенсорный дисплей, microUSB-порт, приёмопередающее устройство, работающее по протоколу Bluetooth (v.3), защитную крышку, ручку для транспортировки, регулятор интенсивности излучения штатных источников света, приёмопередающее устройство GSM, которое согласно предлагаемой ПМ дополнительно содержит видеокамеру, автофокус, инфракрасный светодиод автофокуса, защитную крышку сенсорного дисплея, насадку, наноприсоски, магнитную вставку и программу для ЭВМ, которая обеспечивает работу всех систем: получение изображения с видеокамеры, обработку данного изображения и получение численного значения длины волны λ -излучения, отраженного от ЛКМ и П: цветового тона, насыщенности и яркости цвета в цифровом эквиваленте, формирование полученных результатов, выведение их на сенсорный дисплей.

Описанное выше «Устройство» позволяет достигнуть такого технического результата, как простота и стабильность работы «Устройства», что повышает точность измерения ЛКМ и П по цветовому тону, насыщенности и яркости цвета в цифровом эквиваленте, т.е. получения численного значения длины волны λ -излучения, отраженного от ЛКМ и П.

После запуска программы через экран видеокамеры наводится прицел на необходимую точку исследуемого объекта, в режиме реального времени видим название этого цвета и обозначение в цветовых координатах RGB или HSV. Любой цвет можно сохранить в библиотеке пользователя, которая находится в соседней вкладке.

Таблица 1

Примеры	Особенности образцов	Результаты исследования		
		Цвет	RGB	HSV
Исследуемый образец № 1	Осколок ЛКМ, изъятый в ходе осмотра места происшествия по факту ДТП по адресу: г. А., ул. Б., д. 1.	красный	76 58 260	250% 80% 97%
Образец для сравнения	Дверца машины, имеющая повреждения ЛКМ, которая предположительно могла участвовать в ДТП по адресу: г. А., ул. Б., д. 2.	красный	77 58 260	250% 80% 98%

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА, ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Примеры	Особенности образцов	Результаты исследования		
		Цвет	RGB	HSV
Исследуемый образец № 1	Осколок ЛКМ, изъятый в ходе осмотра места происшествия по факту ДТП по адресу: г. В., ул. Г., д. 1.	бордо	84 89 252	238% 68% 97%
Образец для сравнения	Дверца машины, имеющая повреждения ЛКМ, которая предположительно могла участвовать в ДТП по адресу: г. В., ул. Г., д. 2.	бордо	84 89 251	238% 69% 97%

Рассмотренные научно-технические средства не исчерпывают всего многообразия поисковой техники. Постоянно разрабатываются новые приборы, приспособления, химические составы, которые по-

сле прохождения экспериментальной проверки внедряются в практическую деятельность правоохранительных органов.

Литература

1. Инновации в криминалистике / Г.К. Лобачева, К.К. Сейтенов, А.С. Киосе. Астана, 2016.
2. Инновации в оперативно-розыскной деятельности / Н.В. Павличенко, Г.К. Лобачева. Волгоград, 2014.
3. Патент на полезную модель «Маска-очки» № 154162 от 05.11.2014. Авторы: Г.К. Лобачева, А.С. Киосе и др.
4. Патент № 135497 «Одноразовые бахилы». Авторы: Г.К. Лобачева и др.
5. Патент № 134326 «Устройство для обнаружения и идентификации металлов и их соединений на обследуемых поверхностях». Авторы: Г.К. Лобачева и др.
6. Патент на ПМ «Устройство для установления содержания документов, поврежденных механическим способом» № 177072 от 07.02.2018. Авторы: Г.К. Лобачева и др.
7. Патент на ПМ № 152331 опубл. 20.05.2015. Бюл. № 14. Экологически безопасный персональный браслет оповещения сотрудников правоохранительных органов по сигналу «Сбор». Авторы: Г.К. Лобачева, Н.В. Павличенко, А.А. Курин, С.А. Ковалев, И.В. Соколов, Е.А. Давиденко.
8. Патент на ПМ № 150117 опубл. 27.01.2015. Одноразовый персональный экологически безопасный браслет контроля доступа со штрих-кодом и радиочастотной меткой. Авторы: Г.К. Лобачева, С.А. Ковалев, Н.В. Павличенко, Б.П. Смагоринский, В.Б. Вехов, А.А. Курин.
9. Патент на ПМ «Устройство для исследования маскировочных обозначений и идентификации транспортных средств» № 175096 от 17.04.2017. Авторы: Г.К. Лобачева и др.
10. Портативный малогабаритный многофункциональный осветитель: патент на полезную модель RUS 143416 12.03.2014 / Г. К. Лобачева и др.
11. Химия для криминалистов / Т.М. Нарикбаев, Г.К. Лобачева, К.К. Сейтенов, А.А. Курин, Д.В. Кайргалиев. Астана, 2015.
12. Химия металлов на службе криминалистики / Г.К. Лобачева и др. Астана, 2015.

УДК 343.983

А.Н. Охлупина

адъюнкт Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

E-mail: stasya.zharova@inbox.ru

ПРОБЛЕМА ОДНОЗНАЧНОСТИ ВЫДЕЛЕНИЯ ПРИЗНАКОВ ПОДПИСЕЙ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПРОЦЕСС АВТОМАТИЗАЦИИ ЭКСПЕРТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье поднимается проблема отсутствия формализованного языка описания признаков подписи, раскрывается влияние этого явления на процесс автоматизации экспертного исследования. Обращается внимание на влияние субъективных факторов при выделении почерковых признаков, делается акцент на тенденцию упрощения современной подписи. Описываются ход и результаты проведенного автором эксперимента по выделению признаков в одном и том же почерковом объекте (подписи) десятью экспертами-почерковедами различных экспертно-криминалистических подразделений со стажем работы в области проведения судебно-почерковедческих экспертиз от 4 до 14 лет. Проводится анализ результатов проведенного эксперимента, который подтверждает наличие субъективизма при выделении признаков в почерковых объектах. Предлагается описание признаков подписей, являющихся наиболее проблемными с точки зрения однозначности их определения.

Ключевые слова: автоматизация, интеллектуальные системы, подпись, признаки подписей, современная подпись, формализация, эксперт.

A.N. Okhlupina

postgraduate student of Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: stasya.zharova@inbox.ru

THE PROBLEM OF UNAMBIGUOUS IDENTIFICATION OF SIGNATURES AND ITS IMPACT ON THE AUTOMATION OF EXPERT RESEARCH

The article raises the problem of the lack of a formalized language for the description of signature signs, reveals the influence of this phenomenon on the process of automation of expert research. Attention is paid to the influence of subjective factors in the allocation of handwriting signs, focusing on the tendency to simplify the modern signature. The author describes the course and results of the experiment to highlight the signs in the same handwriting object (signature) by ten handwriting experts of various forensic departments with experience in conducting forensic handwriting examinations from 4 to 14 years. There is an analysis of the results of the experiment, which confirms the presence of subjectivity in the selection of signs in handwriting objects. A description of the signatures signs are the most problematic in terms of the uniqueness of their definition is proposed.

Key words: automation, intellectual systems, signature, signs of signatures, modern signature, formalization, expert.

Сегодня особого внимания ученых-криминалистов заслуживает вопрос криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений. В исследованиях по данному направлению выделяются проблемы, которые касаются использования современных достижений науки и техники в целях объективизации раскрытия и расследования преступлений. Судебная экспертиза всегда являлась основным институтом использования подобных достижений в работе правоохранительных органов. В контексте данной статьи остановимся на судебно-почерковедческой экспертизе, входящей в перечень традиционных криминалистических экспертиз, проводимых в нашей стране.

Одной из ключевых проблем, препятствующих автоматизации почерковедческих исследований, было и остается на настоящий момент отсутствие единообразного, формализованного языка описания почерковых признаков. Неоднократно учеными и практическими сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений подчеркивалась большая доля субъективизма при выделении экспертами почерковедческих признаков как в рукописных текстах,

так и в подписях. Это подтверждали и многочисленные эксперименты, результаты которых свидетельствовали о необоснованном использовании экспертом ограниченного перечня признаков почерка, сформировавшихся в зависимости от системы преподавания почерковедения в рамках получения допуска к производству экспертизы; стажа экспертной деятельности в области проведения почерковедческих экспертиз и исследований и других субъективных аспектов, и наличии различных подходов к описанию одного и того же признака.

В рамках исследования данного вопроса проведен эксперимент по выделению идентификационных частных признаков подписи. В эксперименте принимали участие 10 экспертов со стажем работы в области проведения почерковедческих экспертиз от 4 до 14 лет. Каждому из участников эксперимента было предложено выделить в подготовленном увеличенном изображении подписи (см. рис. 1) одного лица максимальное количество идентификационных признаков подписи. Участниками была использована традиционная система описания частных признаков подписи.

Рис. 1. Исследуемая подпись

Полученные данные были проанализированы и для лучшего восприятия приведены в упрощенной модели представления обработанных данных (см. рис. 2). В диаграмме показывается процентное соотношение групп признаков подписи, выделенных экспертами. Самая многочисленная группа признаков – относительное размещение движений при

выполнении знаков и элементов, она заняла больший сегмент по результатам исследования – 52%. Лишь 1% заняла группа признаков – соотношение наклонов знаков и их элементов. Данные результаты в целом подтверждают уже имеющиеся данные о частоте выделения различных групп признаков подписи.

Рис. 2. Соотношение групп выделенных частных признаков подписи

Последующая обработка выделенных признаков подписи показала процентное соотношение совпавших и не совпавших между собой признаков в пределах одной группы, описанных экспертами, участвующими в эксперименте:

- форма движений при выполнении знаков и элементов: 38,7% признаков совпало; 61,3% – не совпало;
- направление движений при выполнении знаков и элементов: 31,6% признаков совпало; 68,4% – не совпало;
- протяженность движений по вертикали при выполнении знаков и элементов: 12,5% признаков совпало; 87,5% – не совпало;
- протяженность движений по горизонтали при выполнении знаков и элементов: 55,6% признаков совпало; 44,4% – не совпало;
- количество движений при выполнении знаков и элементов: 44,5% признаков совпало; 55,5% – не совпало;
- вид соединения движений при выполнении знаков и элементов: 60% признаков совпало; 40% – не совпало;
- относительное размещение движений при выполнении знаков и элементов: 45,1% признаков совпало; 54,9% – не совпало;
- площадь замкнутого пространства при выполнении знаков и элементов: 50% признаков совпало; 50% – не совпало;
- соотношение наклонов при выполнении знаков и элементов: выделен всего 1 признак.

Таким образом, 58,1% выделенных экспертами признаков различны, наряду с этим 41,9% совпадаю-

щих признаков описаны по-разному, т.е. отсутствует единообразие описания. Всего экспертами в исследуемой подписи было выделено от 16 до 50 частных признаков. Это обстоятельство еще раз подтверждает наличие большой доли субъективизма данного процесса и показывает наличие проблемы единого методического подхода по формализованному описанию частных признаков.

Одна из главных причин субъективизма в оценке почерковых признаков, по мнению некоторых ученых-почерковедов [4], заключается в личностных качествах эксперта, проводящего исследование. В связи с этим перед почерковедами встает вопрос о научно обоснованном комплексе личностных качеств эксперта-почерковеда, который способствует эффективному проведению подобных исследований. На настоящий момент однозначного подхода к элементам, которые должны входить в такой комплекс, нет.

Группа общих признаков почерка, отражающая степень и характер сформированности письменного двигательного навыка, признается некоторыми почерковедами [4] наиболее проблемной с точки зрения однозначности ее определения. Степень выработанности эксперты традиционно определяют, анализируя координацию движений и темп исполнения. В свою очередь, нередко являются практические ситуации, когда темп определить сложно. Это может быть связано, например, с выполнением печатного текста или подписей с низкой степенью связности элементов в очень быстром темпе.

Группа общих признаков, характеризующих движения по их траектории, также не лишена недо-

статков. Это связано в первую очередь со слишком общим подходом к их определению. Примером здесь может служить использование такого общего признака, как преобладающая форма движений. Определяя этот признак, эксперт мысленно сравнивает буквы и элементы в исследуемом почерковом материале с имеющимися в его памяти геометрическими формами.

В продолжение этому обратимся к группе частных признаков почерковых объектов – форме движений при выполнении письменных знаков и их элементов. Здесь проблема стоит еще острее, т.к. подобный «общий» подход вуалирует информативность признака.

Обычно в почерковедении форму описывают как прямолинейную, возвратно-прямолинейную, угловатую, дуговую, петлевую, завитковую, извилистую. Но есть возможность расширения этой классификации. Например, петля бывает обычной и замкнутой, в традиционных исследованиях это, как правило, не указывается, а разница, в свою очередь, между этими признаками имеется. По аналогии дуговые элементы можно подразделять на выпрямленные дуговые, псевдозамкнутые, дуговые, приближающиеся к угловым [5, с. 107]. Но для объективного определения признака здесь необходимо вмешательство математики.

Касаясь вопроса автоматизации исследования подписей, в т.ч. с использованием интеллектуальных систем (в т.ч. ДСМ-метода автоматического порождения гипотез [2, 3, 5]), необходимо расширение традиционного признакового поля, что обусловлено дефицитом графической информации данного почеркового объекта. Дефицит в ряде случаев связан не только с малым количеством букв, которые содержат подписи, в отличие от текстовых реализаций, но и особенностями «современной» подписи.

Подписи традиционно подразделяются на буквенные, смешанные и безбуквенные, а «современная» подпись все более и более стремится к упрощению как на качественном, так и количественном уровнях. Буквенные элементы все чаще заменяют безбуквенные, отсюда и дефицит информации. Здесь явно выражена проблема формализации. Если при проведении почерковедческих исследований подписей по традиционной качественно-описательной методике такая проблема не столь очевидна, то при постановке вопроса об автоматизации подобных исследований она является препятствием к осуществлению данного процесса.

Вопрос об упрощении «современной» подписи и трудностях идентификации таких почерковых объектов также является насущной проблемой в судебной экспертизе, ведь идентифицировать исполнителя краткой подписи по объективным причинам довольно сложно. В связи с этим практические сотрудники экспертно-криминалистических подразделений часто при проведении подобных исследований формулируют вывод в форме «НПВ» (ответить на вопрос не представляется возможным), что недостаточно помогает работе правоохранительных органов в борьбе с преступностью. Это обстоятельство предопределило идею создания «служебной» подписи, к содержанию которой предъявлялись бы определенные требования. Такие подписи используются в ряде зарубежных государств и при проведении почерковедческих исследований с подобного рода подписями проблем с проведением идентификации возникает меньше. Но пока это остается лишь предложением, и безбуквенные подписи все также поступают на исследования экспертам. Таким образом, очевидна необходимость создания рекомендаций по формированию состава подписей, хотя бы применительно к определенным группам документов. Данные рекомендации должны быть предельно понятными и простыми.

Вопросу о тенденции упрощения современной подписи и способах ее защиты от подделки, наряду с другими учеными в области почерковедения, уделил внимание П.В. Бондаренко [1]. К способам защиты подписи от подделки он относит:

- слитное выполнение элементов подписи;
- размашистость выполнения подписи;
- наличие в подписи нетипичных способов соединения элементов подписи и изменение последовательности выполнения движений;
- введение возвратных, охватывающих, перечеркивающих движений и др.

Подводя итог, можно говорить о том, что сложившаяся ситуация ставит перед нами задачу по приведению системы признаков почерковедческих объектов к определенному единообразию в целях использования современных компьютерных технологий, в т.ч. интеллектуальных систем. Мы предлагаем решить данный вопрос путем использования в интеллектуальных системах заранее подготовленных параметров и значений признаков. Рассмотрим преимущества такого упорядочения на примере одного частного признака подписи (см. рис. 3-5). В качестве примера взят частный признак «Форма движений при выполнении заключительной части 1-го элемента буквы «А»-завитковая».

Выбрать тип признака	Форма движений при выполнении элементов
Выбрать букву	А
Выбрать элемент буквы	1 элемент
Конкретизация	1 элемент
Выбрать значение	2 элемент
Конкретизация значения	3 элемент
	вся буква

Рис. 3. Выбор элемента буквы

На рисунке 3 видно, что для буквы «А» программой предусмотрено разбитие элементов по номерам, что исключает использование таких обозначений

элементов, как, например, «вертикальный», «горизонтальный», «левый», «правый» и др.

Выбрать тип признака	Форма движений при выполнении элементов
Выбрать букву	А
Выбрать элемент буквы	1 элемент
Конкретизация	заключительная часть
Выбрать значение	нижняя часть
Конкретизация значения	начальная часть
	средняя часть
	заключительная часть
	точка начала
	точка окончания
	дополнительный элемент
	левая точка нижней части
	строчная часть
	точка соединения 2 и 3 элемента
	верхняя точка
	нижняя точка
	левая точка
	правая точка
	точка соединения средней и заключительной частей
	подстрочная часть

Рис. 4. Выбор конкретизации элемента буквы

По аналогии для каждого элемента букв предусмотрены свои значения, конкретизирующие элементы (см. рис. 4), таким образом, мы уходим от

явления терминологического разброса. Также касается и выражения самого частного признака (см. рис. 5).

Выбрать тип признака	Форма движений при выполнении элементов
Выбрать букву	А
Выбрать элемент буквы	1 элемент
Конкретизация	заключительная часть
Выбрать значение	завитковая
Конкретизация значения	петлевая
	угловатая
	дуговая
	прямолинейная
	извилистая
	ломаная
	треугольная
	завитковая
	овальная
	незамкнутый овал
	округлая

Рис. 5. Выбор значения признака

Заранее установленные параметры не дают экспертам-почерковедам, проводящим исследование, называть одни и те же признаки по-разному, что позволяет избежать ошибок в работе интеллектуальных систем.

Решение задачи разработки единого методического подхода формализованного описания признаков подписей, т.е. построения своего рода модели описания подписи, позволит повысить теоретический уровень почерковедения, что является одной из

приоритетных задач судебной экспертизы для осуществления задач уголовного судопроизводства [6].

Необходимо отметить, что сегодня подготовке судебных экспертов, в т.ч. экспертов-почерковедов, уделяется большое внимание, создаются институты судебной экспертизы [7], работа которых направлена на повышение качества обучения специалистов данного направления деятельности, а оно, в свою очередь, напрямую зависит от своевременного обогащения теории науки.

Литература

1. Бондаренко П.В. Защита подписи от подделки // Вестник Саратовского юридического института МВД России. 2003. № 10, 11 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.textology.ru/article.aspx?aId=158> (дата обращения: 17.12.2017).
2. Гусакова С.М., Комаров А.С., Устинов В.В., Федорович В.Ю. Применение ДСМ-метода к решению задач почерковедческой экспертизы // Труды 10-ой национальной конференции по искусственному интеллекту с международным участием (г. Обнинск, 26-28 сентября 2006 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.raai.org/resurs/papers/kii-2006/> (дата обращения: 17.12.2017).
3. Гусакова С.М., Комаров А.С. Интеллектуальная система для решения идентификационной задачи в почерковедении // Искусственный интеллект и принятие решений. М., 2010. № 4. С. 49-54.
4. Кошманов М.П., Кошманов П.М., Шнайдер А.А. Проблемы оценки экспертом признаков почерка [Электронный ресурс]. URL: <http://sud-expertiza.ru/library/problemy-ocenki-ekspertom-priznakov-pocherka/> (дата обращения: 17.12.2017).
5. Охлупина А.Н. К вопросу совершенствования модельных методов криминалистического исследования подписей // Вестник экономической безопасности. 2016. № 6. С. 104-108.
6. Федорович В.Ю. Приветственное слово участникам второй ежегодной всероссийской научно-практической конференции «Уголовное судопроизводство: стратегия развития» // Вестник Московского университета МВД России. № 1. 2018. С. 12.
7. Яланжи Е. Путь один – работать по всем направлениям (Интервью начальника Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя И.А. Калиниченко) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ormvd.ru/interview/igor-kalinichenko-put-odin-rabotat-po-vsem-napravleniyam/> (дата обращения: 16.12.2017).

УДК 343.346:343.13

Е.И. Попова, канд. юрид. наук, доцент

Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

E-mail: popovaelena03@yandex.ru;

К.С. Латыпова, канд. юрид. наук

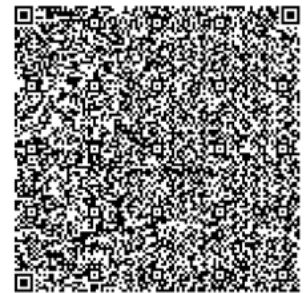
Бурятский государственный университет

E-mail: krista.100@mail.ru

ТИПИЧНЫЕ СУДЕБНЫЕ СИТУАЦИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О НАРУШЕНИИ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ И БЕЗОПАСНОСТИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ, СВЯЗАННЫХ С НАЕЗДАМИ НА ПЕШЕХОДОВ, И РЕКОМЕНДАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОМУ ОБВИНИТЕЛЮ ПО ИХ РАЗРЕШЕНИЮ

В статье рассматриваются судебные ситуации, возникающие по уголовным делам о дорожно-транспортных преступлениях, связанных с наездами на пешеходов. Авторы предлагают государственным обвинителям рекомендации по наиболее эффективному разрешению таких ситуаций.

Ключевые слова: прокурор, государственный обвинитель, дорожно-транспортные преступления, типичные судебные ситуации, рекомендации.

E.I. Popova, PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor

East Siberia State University of Technology and Management

E-mail: popovaelena03@yandex.ru;

K.S. Latypova

Buryat State University

E-mail: krista.100@mail.ru

STANDARD LEGAL SITUATION IN CRIMINAL CASES OF THE VIOLATION OF TRAFFIC AND VEHICLE SAFETY RELATED PEDESTRIAN ACCIDENTS AND RECOMMENDATIONS ON SETTLEMENTS BY PUBLIC PROSECUTOR

The article discusses the judicial situations that arise in criminal cases concerning road traffic offences associated with pedestrian accidents. The authors offer the public prosecutors recommendations on the most effective solution of such situations.

Key words: attorney, public prosecutor, traffic offense, standard legal situation, recommendations.

По данным Всемирной организации здравоохранения, травмы, полученные в результате дорожно-транспортных происшествий, занимают восьмое место в списке основных причин смертности в мире и являются главной причиной смерти молодых людей в возрасте от 15 до 29 лет. При этом ежегодно на дорогах мира погибает свыше 1 млн чел., а ущерб, причиняемый этими ДТП, достигает миллиардов долларов [15].

В России из года в год совершается значительное число дорожно-транспортных происшествий, в результате которых причиняется вред здоровью [7]. Однако особое беспокойство вызывает проблема наездов на пешеходов в том числе и потому, что зачастую такие происшествия совершаются водителем в состоянии алкогольного опьянения и вызывают серьезный общественный резонанс.

Вместе с тем до настоящего времени, на наш взгляд, недостаточно внимания уделяется созданию системы криминалистических рекомендаций по поддержанию государственного обвинения по уголовным делам о дорожно-транспортных преступлениях, связанных с наездами на пешеходов [12, с. 721-742].

С учетом этого считаем возможным обратить внимание на типичные судебные ситуации, наиболее характерные и распространенные при рассмотрении судом уголовных дел о нарушениях правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, связанных с наездом на пешеходов, и предложить государственному обвинителю рекомендации по разрешению таких ситуаций.

1. Подсудимый не согласен с заявленным гражданским иском полностью или в какой-либо части. Совершение анализируемых нами преступлений, как правило, связано с причинением физического и морального вреда. Кроме того, следствием их совершения зачастую является и имущественный вред (к примеру, если у пешехода в момент наезда находились вещи, которые пришли в негодность: золотые изделия, планшет, телефон, шуба и т.д.). Как известно, действующее уголовно-процессуальное законодательство закрепляет, что потерпевший вправе предъявить требование о возмещении ему вреда, причиненного в результате совершения преступления (ст. 44 УПК РФ). Такое право, на наш взгляд, нашло свое отражение в законе в связи с тем, что государство считает важным обеспечить возможность получения материальной компенсации лицу, потерпевшему от совершенного в отношении него преступления. Задача же государственного обвинителя, как представляется, заключается в том числе в обеспечении прав такой категории лиц – участников уголовного судопроизводства, в первую очередь потерпевшего.

Вместе с тем следует отметить, что типичными являются ситуации, когда потерпевший необосно-

ванно завышает требования о компенсации вреда, причиненного ему в результате совершения преступления. О том, что сталкивались с такими случаями злоупотребления правом со стороны потерпевшего, указали в рамках интервьюирования 62% респондентов из числа работников прокуратуры, в чьи полномочия входит поддержание государственного обвинения¹. При выявлении подобного рода обстоятельств государственный обвинитель в целях обеспечения законности при производстве по уголовному делу должен обратить внимание суда на явно завышенные требования потерпевшего.

Как показало проведенное нами исследование, по уголовным делам о преступных наездах на пешеходов подозреваемые / обвиняемые, как правило, признают свою вину, тем не менее часто не соглашались с заявленным гражданским иском полностью (5% от числа изученных нами уголовных дел) или в какой-либо части (32% от числа изученных нами уголовных дел)².

При отказе признать требования гражданского истца в полном объеме рекомендуем государственному обвинителю уточнить причины такой позиции лица, подвергающегося уголовному преследованию. Как показало анкетирование работников прокуратуры, чаще всего такая позиция бывает вызвана тем, что: гражданский истец увеличил сумму гражданского иска по сравнению с той, что была им заявлена в ходе предварительного следствия (82% опрошенных); подсудимый не согласен с исковыми требованиями, поскольку, по его мнению, они являются завышенными (32% опрошенных); подсудимый к моменту судебного разбирательства уже выплатил всю сумму (4% опрошенных).

При наличии любого из обозначенных мотивов отказа признать гражданский иск государственному обвинителю следует оценить обоснованность требований гражданского истца и заявлений подсудимого, подтверждение их позиции имеющимися материалами дела, вновь представленными в судебном заседании материалами (при наличии последних).

Государственный обвинитель при рассмотрении судом вопросов, связанных с заявленным гражданским иском, должен занимать активную позицию, быть гарантом соблюдения прав и законных интересов непрофессиональных участников уголовного судопроизводства, прежде всего потерпевшего, гражданского истца, их законных представителей, подсудимого.

¹ Нами было проведено анкетирование 54 прокуроров, в чьи полномочия входит поддержание государственного обвинения, осуществляющих свою деятельность в Республике Бурятия, Иркутской и Новосибирской областях.

² Данные приводятся на основе изучения 211 материалов уголовных дел о дорожно-транспортных преступлениях, связанных с наездами на пешеходов (ст. 264 УК РФ).

В случае обоснованности требований гражданского истца о компенсации вреда, причиненного в результате наезда, рекомендуем государственному обвинителю ознакомить подсудимого с соответствующими документами, подтверждающими расходы, понесенные потерпевшим на лечение, реабилитацию потерпевшего и т.д.

Так, если потерпевший увеличил гражданский иск в счет компенсации вреда (морального, физического), следует выяснить у него, в чем причины, послужившие принятию такого решения. В ситуациях очевидной необоснованности завышения требований гражданского истца рекомендуем напомнить потерпевшему, что по каждому предъявленному гражданскому иску суд обязан принять процессуальное решение (п. 10 ч. 1 ст. 299 УПК РФ). При явно завышенных требованиях гражданского истца суд вправе удовлетворить иск лишь в какой-то части либо оставить его без рассмотрения. В обозначенных случаях потерпевший может реализовать свое право заявить иск в рамках гражданского судопроизводства. Стоит обратить внимание на то, что заявление и рассмотрение иска в гражданском процессе потребуют от потерпевшего как минимум дополнительных затрат времени.

Государственный обвинитель вправе сделать соответствующие разъяснения публично в зале судебного заседания либо в рамках индивидуальных бесед с потерпевшим. Последнее возможно, поскольку Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 29 июня 2010 г. «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» [8] указал: «...принимая во внимание, что согласно п. 47 ст. 5 УПК РФ потерпевший, его законный представитель и представитель относятся к участникам судопроизводства со стороны обвинения, суд вправе при наличии к тому оснований удовлетворить ходатайство государственного обвинителя в судебном заседании о предоставлении ему возможности согласовать свою позицию с этими лицами» (п. 14).

Хотелось бы акцентировать внимание на недопустимости оказания давления на потерпевшего с целью склонения его к принятию того или иного решения. Разъяснить – не значит принудить. То или иное решение потерпевшим должно быть принято добровольно, самостоятельно, путем взвешенного подхода, на основе знания норм действующего законодательства и практики его применения.

Вместе с тем типична ситуация, когда потерпевший не принимает во внимание разъяснения со стороны должностных лиц и продолжает в рамках уголовного судопроизводства поддерживать гражданский иск с явно завышенными требованиями. В этом случае рекомендуем государственному обвини-

телю как гаранту соблюдения законности при производстве по уголовному делу, излагая суду свое мнение по существу рассматриваемого вопроса, указать на желательность удовлетворения гражданского иска лишь в какой-то части (указать, в какой именно части и почему) либо оставить его без рассмотрения.

В контексте исследуемого вопроса важно обратить внимание на следующее. По уголовным делам о дорожно-транспортных преступлениях, связанных с наездом на пешехода, гражданский иск при наличии к тому оснований следует заявлять не только по отношению к подсудимому, но и при наличии к тому оснований к другим субъектам, например страховой компании, медицинскому учреждению, в котором скончался пострадавший пешеход ввиду того, что ему не была оказана медицинская помощь надлежащим образом.

Так, гр. К. совершил наезд на пешехода Р., в результате чего последней был причинен тяжкий вред здоровью и она была доставлена в ЦРБ Александровского района Томской области. В больнице Р. умерла, согласно заключению СМЭ № 242 от 08.02.2013 по вине врачей. Однако требования о компенсации морального вреда в связи со смертью Р. ее дочерью гр. С. (признанной потерпевшей по уголовному делу и заявившей гражданский иск) первоначально предъявлены к гр. К. Суд первой инстанции требования гражданского истца удовлетворил. В дальнейшем суд апелляционной инстанции указал, что исковые требования следует предъявлять к ЦРБ Александровского района Томской области [13].

При наличии приведенной и иных сходных с ней ситуаций государственному обвинителю рекомендуется разъяснять потерпевшему особенности заявления гражданского иска, обозначая субъектов, к которым он должен быть предъявлен.

2. Участник(и) судебного разбирательства инициирует изменение обвинения. Как показало изучение материалов уголовных дел, на изменении обвинения, как правило, настаивают: 1) потерпевший, указывая на необходимость вменения подсудимому такого квалифицирующего признака, как совершение преступления лицом, находящимся в состоянии опьянения; 2) суд, по мнению которого из обвинения следует исключить названный квалифицирующий признак; 3) другие участники процесса (подсудимый, его защитник, законные представители потерпевшего).

Государственному обвинителю необходимо всесторонне изучать материалы уголовного дела на предмет определения наличия / отсутствия оснований для вменения подсудимому обозначенного квалифицирующего признака. Следует помнить, что проверка доказательств производится путем сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголов-

ном деле, а также установления их источников, получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство (ст. 87 УПК РФ). Несмотря на это, казалось бы, известное каждому профессиональному участнику уголовного судопроизводства правило, именно неверная квалификация действий лица, подвергающегося уголовному преследованию, является одним из наиболее распространённых оснований к отмене или изменению приговора суда первой инстанции судом второй инстанции.

В подтверждение сказанного приведем данные, полученные путем изучения 93 решений судов апелляционной инстанции. В 49 случаях (52,6%) пересмотр не вступившего в законную силу приговора суда инициировался только потерпевшим или как потерпевшим, так и иными лицами (защитником, осужденным, государственным обвинителем и т.п.). При этом в 36 случаях (38,7%) потерпевшие обжалуют решение суда, в т.ч. в связи с тем, что суд не принял во внимание обстоятельства, указывающие на то, что осужденный в момент ДТП находился в состоянии опьянения, либо не согласны с тем, что суд, по их мнению, ошибочно исключил из обвинения ранее вменяемый подсудимому квалифицирующий признак – совершение преступления «лицом, находящимся в состоянии опьянения». В 20 случаях (21%) жалобы потерпевших в этой части становились основанием для отмены, изменения приговора.

С учетом изложенного представляется, что следует рекомендовать государственному обвинителю принимать активное участие в исследовании всех обстоятельств наезда на пешехода с целью установления наличия или отсутствия оснований для вменения обозначенного квалифицирующего признака.

С этой целью рекомендуется:

- *допросить подсудимого, потерпевшего, свидетелей, в т.ч. очевидцев происшествия.* Вопросы, задаваемые этим лицам, должны иметь целью установление следующих обстоятельств: кто или что может свидетельствовать о том, что водитель (подсудимый), управляя транспортным средством, не находился / находился в состоянии опьянения; употреблял ли подсудимый алкогольные напитки, наркотические, иные вещества (жидкости и др.), вызывающие состояние опьянения до или после дорожно-транспортного происшествия; каким образом могут быть проверены его заявления о том, что он принял алкогольные напитки или медикаменты, содержащие алкоголь, уже после ДТП и т.п. Для выяснения этих вопросов государственным обвинителем перед судом, кроме прочего, может быть заявлено ходатайство о вызове ранее не заявленных свидетелей, которым известны важные для установления обстоятельств совершенного ДТП сведения;

- *оценить результаты освидетельствования,* в т.ч. период времени, прошедший между наездом на пешехода и этим следственным действием; при необходимости заявить ходатайство о вызове в суд и допросе специалистов с целью установления наличия или отсутствия у подсудимого состояния опьянения при совершении ДТП;

- *изучить иные документы,* например собственноручно написанное объяснение подсудимого, составленное им после совершенного ДТП, объяснения свидетелей, протоколы осмотра места происшествия и пр. Изучение содержания этих документов может способствовать установлению состояния, в котором находился водитель. Это особенно актуально для случаев, когда состояние опьянения (в т.ч. возникшее в результате употребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов либо новых потенциально опасных психоактивных веществ) у водителя визуально констатировалось сотрудниками правоохранительных органов, свидетелями-очевидцами, потерпевшим и т.п., а в ходе освидетельствования оно не было установлено [6, с. 108-132].

Прокурору, поддерживающему государственное обвинение, следует стремиться к тому, чтобы ни у него самого, ни у иных участников судебного разбирательства не осталось сомнений по поводу достоверности установления наличия или отсутствия у водителя состояния опьянения при совершении дорожно-транспортного преступления.

В случае установления при рассмотрении уголовного дела судом того, что преступление было совершено в состоянии опьянения, а соответствующий квалифицирующий признак не был вменен лицу, подвергающемуся уголовному преследованию, государственному обвинителю рекомендуется заявить ходатайство о возвращении уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом. Такая рекомендация обусловлена нормативным требованием о том, что судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению. Изменение обвинения в судебном разбирательстве допускается, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту (ст. 252 УПК РФ).

3. Стороной либо судом инициируется прекращение уголовного дела (уголовного преследования) по нереабилитирующим основаниям. Рассмотрим наиболее распространенные из таких оснований (в связи с изданием акта амнистии, деятельным раскаянием, примирением с потерпевшим), отметив, что чаще ходатайство о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) по нереабилитирующим основаниям заявляется представителями стороны защиты.

Прежде всего при наличии ходатайства участника(ов) уголовного судопроизводства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования необходимо удостовериться, что для этого имеются установленные законом основания (ст. 75, 76, 76.2 УК РФ). Такие основания, как правило, зависят от категории преступлений. Именно поэтому в правильной квалификации действий подсудимого не должно возникать сомнений. Такие сомнения могут иметь место, как минимум если в ходе досудебного производства (административного расследования) допущены ошибки / нарушения закона, выявленные на судебных стадиях; при одновременном наличии обстоятельств, характерных для ранее рассмотренной типичной ситуации № 2 и т.д.

В случае если сторона защиты ходатайствует о прекращении уголовного преследования подсудимого в связи с деятельным раскаянием, следует устанавливать, действительно ли имела место совокупность всех или ряда условий, указанных в соответствующих нормах закона (ст. 75 УК РФ, ст. 28 УПК РФ), а именно: подсудимый впервые совершил преступление; оно подпадает под категорию небольшой или средней тяжести; лицо, подвергающееся уголовному преследованию, добровольно явилось с повинной, способствовало раскрытию и расследованию преступления, возместило причиненный ущерб или иным образом загладило вред, причиненный в результате преступления; подсудимый вследствие деятельного раскаяния перестал быть общественно опасным. Определяя, какие из перечисленных условий должны быть соблюдены в каждом конкретном случае, следует руководствоваться разъяснениями, данными в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», согласно которым «...по смыслу ч. 1 ст. 75 УК РФ, освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием возможно при условии выполнения всех перечисленных в ней действий или тех из них, которые с учетом конкретных обстоятельств лицо имело объективную возможность совершить (например, задержание на месте преступления объективно исключает возможность явиться в правоохранительные органы с сообщением о совершенном преступлении, однако последующее содействие лицом раскрытию и расследованию преступления, возмещение им ущерба и (или) заглаживание вреда иным образом могут свидетельствовать о его деятельном раскаянии)» (п. 4) [9].

В свою очередь, прекращение уголовного дела и освобождение подсудимого от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим возможно при одновременном наличии следующих

условий: лицу вменяется совершение преступления небольшой или средней степени тяжести; достигнуто примирение сторон; подсудимый загладил (начал заглаживать) вред, причиненный потерпевшему (ст. 76 УК РФ, ст. 25 УПК РФ). При этом государственному обвинителю следует помнить, что «при решении вопроса о возможности прекращения уголовного дела и (или) уголовного преследования на основании ст. 25 УПК РФ суду надлежит проверить добровольность и осознанность заявления о примирении потерпевшего, являющегося физическим лицом, а также наличие полномочия у представителя организации (учреждения) на примирение» (п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»).

С учетом изложенного государственному обвинителю рекомендуется устанавливать, что «...подсудимый действительно принимает и в дальнейшем намерен совершать действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного в результате совершения преступления. Однако в случае необоснованно завышенных требований потерпевшего государственному обвинителю, вероятно, стоит воспользоваться соответствующими рекомендациями, изложенными при рассмотрении обозначенной выше типичной судебной ситуации (когда подсудимый не согласен с заявленным гражданским иском полностью или в какой-либо части)» [6, с. 217].

При наличии оснований для прекращения уголовного дела или уголовного преследования с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ, ст. 25.1 УПК РФ) рекомендуем государственному обвинителю удостовериться, действительно ли и подсудимому, и потерпевшему понятно содержание соответствующих норм уголовного и уголовно-процессуального закона. Для этого, полагаем, имеет смысл использовать вышеизложенные рекомендации, данные применительно к разъяснению содержания ст. 75, 76 УК РФ, ст. 25, 28 УПК РФ в той части, в которой они не противоречат содержанию ст. 76.2 УК РФ и ст. 25.1 УПК РФ и практике применения этих норм.

Кроме того, для целей обеспечения законности рекомендуем государственному обвинителю при наличии оснований для прекращения уголовного дела разъяснять подсудимому юридические последствия принятия такого решения судом, а также выяснять, согласен ли этот участник уголовного судопроизводства на прекращение уголовного дела (п. 15 ч. 4. ст. 15, п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»).

Нами рассмотрены лишь некоторые из разнообразных типичных ситуаций, возникающих при поддержании государственного обвинения по уголовным делам о нарушениях правил дорожного движения и безопасности транспортных средств, связанных с наездом на пешеходов [4, с. 217-232; 5, с. 256-273; 2, с. 279-357]. Вместе с тем в ходе судебного разбирательства по уголовным делам рассматриваемой категории могут иметь место и иные ситуации, в т.ч. те, что становились предметом исследования других авторов-криминалистов. В числе таких ситуаций следующие:

1) подсудимый, потерпевший или свидетель изменяют ранее данные ими показания или отказываются от дачи показаний (А.Н. Вдовин [1, с. 139-147], Д.В. Ким [2, с. 307-334], А.А. Кириллова [3, с. 143-149]);

2) при рассмотрении уголовного дела судом выясняется, что подсудимый / потерпевший не владеет (не достаточно владеет) языком уголовного судопроизводства (А.Н. Вдовин);

3) в ходе судебного разбирательства выявляются ошибки, допущенные в ходе предварительного расследования (административного производства) или

при проведении оперативно-разыскных мероприятий (А.Н. Вдовин);

4) сторона защиты заявляет ходатайство о признании доказательств недопустимыми (А.Е. Хорошева [14, с. 156-195]);

5) подсудимый признает себя виновным полностью; признает себя виновным частично; не признает себя виновным и полностью отрицает свою причастность к совершенному преступлению (Д.В. Ким, А.А. Кириллова);

6) данные предварительного следствия в суде подтверждаются полностью; данные не подтверждаются; данные подтверждаются частично (Д.В. Ким).

С учетом изложенного очевидно, что многие из обозначенных ситуаций типичны и при рассмотрении судом уголовных дел о нарушениях правил дорожного движения и безопасности транспортных средств, связанных с наездом на пешеходов. В связи с этим предложенные в работах названных авторов рекомендации по разрешению таких ситуаций во многом могут быть учтены прокурором при поддержании государственного обвинения по уголовным делам рассматриваемой нами категории.

Литература

1. Вдовин А.Н. Особенности методики расследования и поддержания государственного обвинения по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом оружия и боеприпасов (по материалам приграничных регионов Сибирского федерального округа): дис. ... канд. юрид. наук. Новосибирск, 2015.
2. Ким Д.В. Проблемы теории и практики разрешения криминалистических ситуаций в процессе раскрытия, предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2009.
3. Кириллова А.А. Основы криминалистической методики судебного разбирательства по уголовным делам об убийствах: дис. ... канд. юрид. наук. Улан-Удэ, 2013.
4. Кисленко И.Л., Кисленко С.Л. Криминалистические основы поддержания государственного обвинения: монография. М., 2013.
5. Корчагин А.Ю. Организационно-тактические и методические основы криминалистического обеспечения судебного разбирательства уголовных дел: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2008.
6. Латыпова К.С. Особенности методики расследования и поддержания государственного обвинения по уголовным делам о нарушениях правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, связанных с наездами на пешеходов: дис. ... канд. юрид. наук. Улан-Удэ, 2017.
7. Официальный сайт ГИБДД РФ. URL: <https://гибдд.рф/news/region> (дата обращения: 30.06.2018).
8. О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 (ред. от 16.05.17). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 (ред. от 15.11.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Попова Е.И., Вдовин А.Н. Особенности подготовки государственного обвинителя к судебному разбирательству по уголовным делам о незаконном обороте оружия и боеприпасов, назначенных к разбирательству судом в особом порядке (гл. 40 УПК РФ) // Алтайский юридический вестник». 2016. № 2 (14).
11. Попова Е.И. Расследование с использованием норм об особом порядке (гл. 40 УПК РФ) / науч. ред. д-р юрид. наук, проф. Ю.П. Гармаев. М.: Юрлитинформ, 2017.
12. Серова Е.Б. Особенности поддержания государственного обвинения по делам о преступлениях в сфере нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспорта // Руководство для государственного обвинителя: учебное пособие / под ред. О.Н. Коршуновой. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2015.

13. Уголовное дело № 22-1196/2014 // Росправосудие. URL: [http: www.rospravosudie.com](http://www.rospravosudie.com) (дата обращения: 15.05.2018).

14. Хорошева А.Е. Проблемы теории и практики криминалистической методики судебного разбирательства с участием присяжных заседателей по уголовным делам об убийствах: дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2011.

15. Global status report on road safety 2013: supporting a decade of action // World health organization 2013. URL: http://www.who.int/violence_injury_prevention/road_safety_status/2013/report/ru/ (дата обращения: 15.06.2018).

УДК 343.132

Л.В. Черепанова, канд. юрид. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: cherepanovalv@mail.ru

СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ, КАКИМИ ИМ БЫТЬ?

В статье ставится вопрос о расширении возможностей органов публичного уголовного преследования в применении познавательных приёмов при производстве по уголовному делу, при безусловном сохранении процессуальных гарантий. Несоразмерное ограничение прав и свобод человека и гражданина в конкретной правоприменительной ситуации может быть предупреждено жесткой формальной определенностью правовой нормы. Анализируя дополнения и изменения, внесенные в последнее время в УПК РФ в части регулирования следственных действий, автор ищет уровень сбалансированности между четкой детализацией в законе процессуального порядка их производства, возможностью охватить регулированием всё разнообразие следственных ситуаций, возникающих при этом, и возможностью соответствующего субъекта доказывания реализовать право на собирание доказательств или выполнить процессуальную обязанность, связанную с установлением истины по делу. Возможность достижения гармонии автор видит в разработке нормативной модели следственного действия (модельного следственного действия).

Ключевые слова: следственные действия, познавательные приемы, модельные следственные действия, процессуальные гарантии, досудебное производство, объяснение.

L.V. Cherepanova, PhD. (Candidate of Juridical Sciences),
assistant-professor

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: cherepanovalv@mail.ru

INVESTIGATIVE ACTIONS, WHAT SHOULD THEY BE?

The article raises the question of expanding the capacity of public prosecution in the application of cognitive techniques in criminal proceedings, with the unconditional preservation of procedural guarantees. The disproportionate restriction of human and civil rights and freedoms in a specific law enforcement situation may be prevented by the strict formal certainty of the legal norm. Analyzing the additions and changes made recently in the code of criminal procedure, in terms of regulation of investigative actions, the author is looking for a level of balance between a clear detail in the law of the procedural order of their production, the ability to cover the regulation of all the variety of investigative situations that arise in this case, and the possibility of the relevant subject of proof to exercise the right to collect evidence or perform procedural duty related to the establishment of the truth in the case. The author sees the possibility of achieving harmony in the development of a normative model of investigative action (model investigative action).

Key words: investigative actions, cognitive techniques, model investigative actions, procedural guarantees, pre-trial proceedings, interrogation.

Интерес к институту следственных действий не ослабевает, поскольку процесс установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу в отечественном досудебном производстве, будучи до суда и для суда, сохраняет свою фактическую приоритетность в формировании позиции обвинения, являющейся изначально двигателем уголовного процесса. При разнообразии задач, стоящих перед правоведами, учеными и практиками, все они стремятся к эффективности, релевантности и достаточности в совокупности следственных действий для решения задач досудебного производства.

Ведущие ученые уделяют значительное внимание проблемам, связанным с понятием, сущностью, перечнем, наименованием, общей системой следственных действий, возможностью расширения содержания каждого из них, включения в их перечень оперативно-разыскных мероприятий, процессуальным порядком производства отдельных из них и возможностью их производства на определенных этапах уголовного процесса [4, 5, 6, 7, 10, 11, 13, 14, 15, 18].

Незавершенность теоретической проработки этих и ряда других вопросов отражается на качестве правового регулирования процесса доказывания в целом и затрудняет процесс производства следственных действий, оценку и использование доказательств, полученных в результате их производства.

Например, широкое понимание сущности следственного действия, неоднозначность толкования уголовно-процессуального закона позволяли эксгумацию трупа, получение образцов для сравнительного исследования, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемку, а ранее и задержание относить к следственным действиям [17].

Сторонники этой позиции предлагают предать статус следственного действия всякому акту, направленному на ввод в уголовно-процессуальные отношения предметов и документов, уже полученных или получаемых правоохранительными органами в правовом поле иных правоотношений, и включать в перечень следственных действий представление, истребование, изъятие предметов, документов, информации. Обосновывается такая необходимость обеспечением правовыми гарантиями производства этих «как бы» процессуальных действий.

Узкий подход к следственным действиям как познавательным приемам, проводимым в целях установления новых обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, в результате которых формируются доказательства, исключает эти процессуальные действия, а также выемку, очную ставку, судебную экспертизу из перечня следственных действий. Несмотря на то что указанные действия включены в главы, статьи УПК РФ, регламентирующие про-

цессуальный порядок следственных действий, они таковыми не являются, полагают другие учёные, поскольку не содержат познавательной составляющей. Их относят к действиям обеспечительного характера, создающим условия для производства следственных действий [12, с. 34].

Предлагается, в частности, исключить из системы следственных действий выемку, включив её в новую главу УПК РФ, которая бы регламентировала процедуру легализации предметов или документов, посредством в том числе представления, истребования, поскольку эти процессуальные действия играют исключительно обеспечительную роль легализации предметов, документов, имеющих значение для уголовного дела [8, с. 55-156; 12, с. 28-32].

Очная ставка в настоящее время все чаще используется не для получения новых сведений при устранении противоречий в полученных ранее показаниях, а в целях реализации права обвиняемого оспаривать показания, данные против него, высказывать свои возражения, поскольку суд не вправе ссылаться в приговоре на показания, оспаривать которые подсудимый не имел возможности, в т.ч. и в ходе очных ставок с его участием во время предварительного расследования [1, с. 24-25; 3, с. 31-33].

Несмотря на то что судебная экспертиза направлена на установление имеющих значение для уголовного дела обстоятельств и с высокой степенью процессуальной гарантированности обеспечивает доброкачественность получаемого доказательства, есть мнение о недопустимости её отнесения к следственным действиям, поскольку процессуальное познание в данном случае осуществляет участник уголовного процесса, не обладающий процессуально-распорядительными полномочиями, и его познание ограничено вопросами, поставленными субъектом расследования [19, с. 20-21].

Остро стоит вопрос о соотношении следственных действий с иными формами получения сведений, имеющих значение для уголовного дела. В практику в качестве следственных действий законом введены оперативно-разыскные мероприятия (контроль и запись переговоров (ст. 186 УПК РФ), получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ)), при этом сам прием получения сведений, имеющих значение для уголовного дела, остался по существу тем же. Расширяются возможности стороны защиты в собирании доказательств. Участники уголовного процесса вправе посредством частной детективной деятельности получать и предоставлять сведения по уголовному делу.

Потребность в новых способах получения информации по уголовному делу постоянно возрастает. Перечень следственных действий, их детализи-

рованный порядок производства устанавливаются УПК РФ. Нарушение процессуальной формы, получение сведений посредством комплекса познавательных приемов, не закрепленных законом в качестве следственных действий, проведение комбинации следственных действий (например, одного в рамках другого) или получение сведений способом, не установленным законом во всей полноте применяемых следователем приемов (до введения в закон проверки показаний на месте это были допрос на месте происшествия или осмотр места происшествия с участием подозреваемого; сейчас – реконструкция осуществляется как следственный эксперимент или допрос и осмотр места происшествия), являются основанием для того, чтобы поставить под сомнение допустимость полученного таким образом доказательства.

Полагаем, что основной причиной, вызывающей проблемные ситуации, связанные с применением института следственных действий, и полифонизм (разноголосицу) в доктрине следственных действий, является в первую очередь недостаточная четкость позиции законодателя по этим вопросам, её нестабильность. Основанием тому является не только возрастающая скорость изменения качества и способов коммуникаций, передачи информации, международная интеграция, но и в определенной степени необходимость решения ситуационных политических и экономических задач¹.

В настоящее время доказательство определенного вида может быть получено в результате различных следственных действий, более того, следственные действия не являются единственным способом получения доказательств. Сведения, добытые в результате получения объяснения, заключения специалиста по результатам исследования до возбуждения уголовного дела в порядке ч. 1 ст. 144 УПК РФ, являются допустимыми доказательствами, если досудебное производство закончилось обвинительным постановлением (п. 2, 3 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ). Однако они не признаются таковыми, если предварительное расследование завершено обвинительным актом или обвинительными заключениями. Процессуальное действие «объяснение» не является способом получения показаний, но при производстве дознания в сокра-

щенной форме может заменять допрос. Положения Федерального закона от 04.03.2013 № 23-ФЗ судами, рассматривающими уголовные дела, предварительное расследование по которым производилось в сокращенной форме дознания, изначально восприняты были неоднозначно. Появился повод для дискуссии о двойных стандартах в оценке материалов, на основе которых принимаются процессуальные решения.

Введение в уголовный процесс объяснения с требованием обеспечения гарантий, характерных для допроса (ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ), демонстрирует нецелесообразность формирования для решения задач стадии возбуждения уголовного дела дополнительных самостоятельных процессуальных действий, проверочных мероприятий, например, таких как изъятие (получение, истребование) предметов и документов или личный досмотр, дублирующих соответствующие следственные действия. Лица, осуществляющие досудебное производство, а также иные участники уголовного процесса (свидетели, эксперты) единодушны в том, что необходимо исключить существование двойных процедур производства фактически одних и тех же процессуальных действий (объяснение – допрос, истребование – выемка, исследование – экспертиза). Судьи согласны с тем, что результаты (доказательства), полученные в ходе одних и тех же процессуальных, следственных действий, имеют (должны иметь) одинаковую юридическую силу независимо от формы досудебного производства.

Важную роль в функционировании института следственных действий в условиях нестабильности законодательства играет конституционный контроль. Механизм конституционного контроля, насколько позволяет его орбитальный метод регулирования, вскрывает и показывает уход законодателя, правоприменителя в ряде случаев от конституционно-правового смысла регулируемого или производимого следственного действия².

Анализ уголовно-процессуального законодательства с учетом конституционно-правовых позиций

¹ Достаточно вспомнить Федеральный закон от 18.12.2001 № 177-ФЗ, устанавливающий введение в действие УПК РФ с 1 июля 2002 г. при одновременном исключении отдельных положений, например, связанных с помещением подозреваемого, обвиняемого, не находящегося под стражей, в медицинский или психиатрический стационар для проведения судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы и вводимых с 1 января 2004 г. Федеральным законом от 29.05.2002 № 59-ФЗ, федеральный закон «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» был изменен в указанной части.

² В качестве примера можно привести такие решения Конституционного Суда Российской Федерации, как определения № 433-О-О и № 518: Определение Конституционного Суда РФ от 08.04.2010 № 433-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тарасова Николая Алексеевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 176 и частью первой статьи 285 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», Определение Конституционного Суда РФ от 05.03.2014 № 518-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Брамма Виталия Викторовича и Навального Алексея Анатольевича на нарушение их конституционных прав пунктом 43 статьи 5, статьями 144 и 176 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

в части регламентации следственных действий позволяет определить относительно устойчивые закономерности развития института. Совокупность признаков, обуславливающих процессуальное действие в качестве следственного, исходя из познавательного, удостоверительного, процессуального аспектов, составляют процессуальные действия, установленные УПК РФ, по собиранию, исследованию, проверке сведений, имеющих значение для уголовного дела, направленные на установление обстоятельств, подлежащих доказыванию, выполняемые лицом, производящим расследование непосредственно или опосредованно через лицо (орган), которому лицом, производящим расследование, дано соответствующее поручение¹.

Темпы научного технического прогресса, усложнение средств и форм фиксации и передачи информации, средств и форм коммуникации, слеодообразования в целом, а также консолидация преступности требуют смены вектора реформирования процессуального законодательства. Реализация объективной потребности органов публичного уголовного преследования в расширении познавательных и удостоверительных приёмов по уголовному делу должна осуществляться при безусловном сохранении процессуальных гарантий, обеспечении прав и законных интересов участников уголовного процесса, гарантий достоверности получаемых сведений и в итоге обеспечивать достижение целей уголовного судопроизводства.

Закрепление в законе процессуального порядка производства следственных действий, стабильность процессуальной формы всегда оценивались как позитивный компонент в достижении целей уголовного процесса. Вместе с тем степень регламентации отдельных следственных действий различна. Для производства одних, например обыска, установлены жесткие правила, для других, например проверка показаний на месте, достаточно соблюдения общих правил производства следственных действий. Как верно заметил С.А. Шейфер, сформировавшаяся система следственных действий «накладывает на процесс своего дальнейшего развития определенные ограничения» [18, с. 115]. Детальная регламентация процедуры каждого следственного действия становится препятствием к развитию как системы в целом, так и возможностей применения определенного следственного действия.

¹ В этой связи придерживаемся позиции Е.А. Зайцевой, изложенной в диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук (см., например: Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 27.), об уголовно-процессуальном познании следователем в опосредованных формах.

К яркими примерам отставания современного уголовно-процессуального закона от познавательных возможностей следователя апеллирует В.Ю. Стельмах при анализе применения ст. 186.1 УПК РФ. Употребление в законе термина «абонент» препятствует получению информации о соединениях между средствами электросвязи, а термин «абонентское устройство» не распространяется на компьютеры. Перечисление в п. 24.1 ст. 5 УПК РФ видов сведений, установление которых возможно при получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, ограничивает следователя в получении информации, фиксируемой операторами связи, возможности аппаратуры которых возрастают постоянно. «Лишение права следственных органов получать всю информацию, которой располагает оператор связи, не имеет ни моральных, ни законных, ни технических оснований», – приходит к выводу ученый [16, с. 141-153].

Расширить возможности органов публичного уголовного преследования в применении познавательных приёмов и средств при производстве по уголовному делу, увеличение перечня которых является объективно обусловленной тенденцией, возможно посредством отказа от конкретизации, детализации каждого способа получения сведений, имеющих значение для уголовного дела как самостоятельного следственного действия, от перечисления всех возможных следственных ситуаций в УПК РФ, следует конструировать нормы более обобщенного характера, более устойчивые, практически реализуемые, отражающие существенные, принципиальные позиции законодателя, посредством разработки нормативных модельных следственных действий.

Безусловно, принудительный характер в той или иной степени практически всех следственных действий требует исключения расширительного толкования норм, ограничивающих права и законные интересы участников уголовного процесса, сведения к минимуму усмотрения следователя в части обеспечения гарантированных законом прав.

«Чтобы исключить возможность несоразмерного ограничения прав и свобод человека и гражданина в конкретной правоприменительной ситуации, норма должна быть формально определенной, точной, четкой и ясной, не допускающей расширительного толкования установленных ограничений и, следовательно, произвольного её применения», – говорится в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации [9].

Трудно представить достижение гармонии между свободой, активностью процесса познания по уголовному делу и жёсткой детализацией в законе всех возможных следственных ситуаций, тогда как дополнения и изменения в УПК РФ, внесенные в по-

следнее время в части регулирования следственных действий, свидетельствуют именно о такой тенденции.

Нормативная модель следственного действия, как и всякая норма права, должна быть формально определенной, точной, четкой и ясной. Полагаем, что разумная стабильность нормы позволила бы в определенной степени не только обеспечить законность правоприменительной практики, но и снискать доверие граждан к действиям органов расследования (к государству).

Переход к состязательному уголовному процессу в первую очередь обусловлен смещением правового регулирования от императивного метода воздействия к диспозитивному. Однако, продекларировав состязательность процесса, мы продолжаем базироваться на разрешительном типе регулирования, где все, что прямо не предписано законом, является запрещенным. Полагаем, что при производстве следственных действий круг дозволенного должен быть шире, тогда как запреты – установлены более четко и с безусловной гарантией их выполнения.

Литература

1. Артамонова Е.А. О правомерности производства очной ставки с обвиняемым, отказавшимся от дачи показаний // Российский следователь. 2017. № 9.
2. Васюков В.Ф. Некоторые вопросы проведения следственных действий, направленных на обнаружение, фиксацию и изъятие электронных сообщений, переданных посредством мобильных абонентских устройств сотовой связи // Российский следователь. 2016. № 23.
3. Желтобрюхов С.П. О необходимости введения нового следственного действия // Российская юстиция. 2016. № 5.
4. Заец А.М. Особенности проведения обыска в страховой компании во время досудебного расследования правонарушений в сфере страхования // Алтайский юридический вестник. 2014. № 3 (7).
5. Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008.
6. Кальницкий В.В., Ларин Е.Г. Следственные действия: учебное пособие. Омск: Омская академия МВД России, 2015.
7. Лизунов А.С., Юнусов А.А. Некоторые проблемы проведения осмотра места происшествия в жилище до возбуждения уголовного дела // Современное право. 2018. № 2.
8. Муратов К.Д. Сущность, значение и правовые последствия выемки по уголовным делам. М.: Юрлитинформ, 2013.
9. Победин А.В., Яшин В.Н. Следственные действия: монография. М.: Юрлитинформ, 2016.
10. Россинский С.Б. Следственные действия: монография. М.: Норма, 2018.
11. Россинский С.Б. Выемка: следственное действие или процессуальная форма изъятия? // Российский следователь. 2017. № 19.
12. Россинский С.Б. Понятие и сущность следственных действий в уголовном судопроизводстве: дискуссия продолжается // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 2.
13. Семенцов В.А. Следственные действия в досудебном производстве (общие положения теории и практики): монография. Екатеринбург: Изд-во «Уральская государственная юридическая академия», 2006.
14. Стельмах В.Ю. Следственные действия, направленные на получение сведений, передаваемых по средствам связи: монография. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2015.
15. Стельмах В.Ю. Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами // Lex russica. 2017. № 3.
16. Супрун С.В., Черкасов В.С. О противоречивом характере новеллы в законодательном регулировании следственного действия «наложение ареста на почтово-телеграфные отправления» // Вестник Омской юридической академии. 2017. № 1.
17. Шейфер С.А. Следственные действия – правомерны ли новые трактовки? // Lex russica. 2015. № 10.
18. Шейфер С.А. Место экспертизы в системе средств уголовно-процессуального познания // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: мат-лы международной научно-практ. конф-ции. М., 2007.

Гражданско-правовые отношения

УДК 343.1

И.Д. Гайнов, канд. юрид. наук

Казанский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации

E-mail: gainov@yandex.ru

КОНТРОЛЬ ЗА РАСХОДАМИ ОТДЕЛЬНЫХ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

В статье рассматриваются правовые основы и общие положения института контроля за расходами отдельных должностных лиц. Автором определены тенденции, характеризующие развитие механизма обращения в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством Российской Федерации о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы; исследованы некоторые решения районных судов по гражданским делам соответствующей категории; рассмотрены правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации; выявлены проблемы, возникающие в правоприменительной практике при обращении в доход государства имущества, в отношении которого не представлены доказательства его приобретения на законные доходы, и предложены пути их решения.

Ключевые слова: контроль за расходами отдельных должностных лиц, прокурорский надзор, противодействие коррупции, обращение в доход Российской Федерации имущества, сведения о доходах, сведения о расходах, судебная практика, доказательства и доказывание.

I.D. Gainov, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

Kazan Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor General's
Office of Russia

E-mail: gainov@yandex.ru

EXPENDITURE CONTROL OF PUBLIC OFFICIALS: PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT

The article deals with the legal framework and general provisions of the control institute over the expenses of public officials. The author defines the trends that characterize the development of the mechanism of forfeiture the property to the Russian Federation, to relation of which evidence of its acquisition on legal income in accordance with the legislation of the Russian Federation on combating corruption are not presented; some decisions of district courts in civil cases of the relevant category are investigated; legal positions of the constitutional court of the Russian Federation and the Supreme court of the Russian Federation are considered; there are problems arising in law enforcement practice at the forfeiture the property to the state to relation of which evidence of its acquisition on legal income in accordance with the legislation of the Russian Federation on combating corruption are not presented. The ways of their decision are offered in the article.

Key words: control of expenses of separate officials, public Prosecutor's supervision, anti-corruption, the appeal to the income of the Russian Federation of property, data on the income, data on expenses, judicial practice, proofs and proof.

В Российской Федерации коррупция правомерно рассматривается как одна из угроз национальной безопасности. Она серьезно затрудняет нормальное функционирование всех общественных механизмов, препятствует проведению социальных преобразований и модернизации экономики, вызывает в обществе серьезную тревогу и недоверие к государственным институтам.

В соответствии с приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 29 августа 2014 г. № 454 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции» важной задачей надзорной деятельности является своевременное предупреждение коррупционных правонарушений, выявление и устранение их причин и условий, минимизация и (или) ликвидация последствий коррупционных правонарушений [10]. Решение указанной задачи возможно лишь путем комплексного применения всех правовых средств отечественного законодательства о противодействии коррупции, одним из которых является своевременный и полный контроль за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам, поскольку незаконное приобретение личного состояния может нанести ущерб демократическим институтам, национальной экономике и правопорядку всего государства [5].

На необходимость дальнейшего противодействия коррупции неоднократно обращал внимание Президент Российской Федерации В.В. Путин. Так, в Послании Федеральному Собранию от 22.12.2011 он положительно оценил введение процедуры контроля за расходами лиц, занимающих государственные должности Российской Федерации и некоторые должности федеральной государственной службы, в тех случаях, когда расходы этих лиц явно не соответствуют их доходам [13]. Именно с этой целью был принят Федеральный закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» (далее – Федеральный закон № 230-ФЗ).

В соответствии со ст. 17 указанного федерального закона Генеральный прокурор Российской Федерации или подчиненные ему прокуроры при получении материалов, свидетельствующих о несоответствии расходов лица, замещающего (занимающего) одну из должностей, указанных в п. 1 ч. 1 ст. 2 данного федерального закона, в т.ч. должностей государственной (муниципальной) службы, а также расходов его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей их общему доходу, в порядке, установленном законодательством о гражданском судопроизводстве, обращаются в суд с заявлением об обращении в доход Российской Федерации земельных участков, других

объектов недвижимости, транспортных средств, ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций), в отношении которых таким лицом не представлено сведений, подтверждающих их приобретение на законные доходы.

Необходимо отметить, что на сегодняшний день количество фактов, требующих проверки соответствия расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам, является не существенным. Так, согласно сведениям Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в первом полугодии 2017 г. прокурорами инициировано 200 процедур контроля. За этот же период в суды направлено 17 исковых заявлений об обращении в доход государства движимого и недвижимого имущества на общую сумму свыше 75 млн руб. С учетом ранее поданных судом удовлетворено 13 исковых заявлений на сумму 230 млн рублей. За весь период работы прокуроров в этой сфере выявлено более 14 тысяч нарушений закона, вследствие чего инициировано свыше 800 процедур контроля за расходами. За последние три с половиной года прокурорами направлено 58 исковых заявлений об обращении имущества в доход государства, из них 33 исковых заявления удовлетворено (56%). Общая стоимость имущества, обращенного в доход государства, составила более 2,2 млрд рублей [9].

Кроме того, согласно информации Верховного Суда Российской Федерации, со дня вступления в силу Федерального закона № 230-ФЗ и по 01.01.2017 суды окончили производство по 19 делам, по 12 из которых исковые требования прокурора полностью либо частично удовлетворены (63%), а по 7 делам (37%) в удовлетворении требований прокурора отказано [11]. В то же время уровень коррупции в Российской Федерации сложно назвать низким. Так, только в 2016 г. за совершение преступлений коррупционной направленности судами было осуждено 19 905 человек, а в 2017 г. – 17 334 человека [4].

Таким образом, можно сделать вывод, что прокуроры редко обращаются с соответствующими исковыми заявлениями, а суды удовлетворяют соответствующие требования прокуроров примерно в 60% случаях. В результате объем обращенного в доход государства имущества в масштабах страны и с учетом официальной статистики коррупционных правонарушений является явно незначительным. Все это свидетельствует о наличии проблем при практической реализации положений Федерального закона № 230-ФЗ. По нашему мнению, это главным образом обусловлено тем, что правовые нормы, регламентирующие соответствующие полномочия прокурора, появились в отечественном законодательстве сравнительно недавно [8], а судебная практика по рассмо-

трению исков данной категории находится в стадии формирования.

Обращает на себя внимание и тот факт, что с момента принятия Федерального закона № 230-ФЗ и по 03.08.2018 в него неоднократно вносились изменения (федеральные законы от 22.12.2014 № 431-ФЗ, от 03.11.2015 № 303-ФЗ, от 04.06.2018 № 133-ФЗ, от 03.08.2018 № 307-ФЗ), а дефекты законодательства восполнялись разъяснениями судебной практики Конституционного Суда Российской Федерации [12] и Верховного Суда Российской Федерации [11]. В результате правовой «образ» многих норм Федерального закона № 230-ФЗ был существенно скорректирован, однако очевидно, что на практике в процессе реализации контроля за расходами отдельных должностных лиц часто возникают проблемы, некоторые из которых в настоящее время остаются неразрешенными.

Одна из таких проблем связана с практической реализацией механизма обращения в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы. В соответствии с положениями подп. 8 п. 2 ст. 235 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [2] имущество, в отношении которого не были представлены в соответствии с законодательством Российской Федерации о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы, по решению суда подлежит обращению в доход Российской Федерации.

В соответствии со ст. 28 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) [3] такие дела в первой инстанции рассматриваются районным судом по месту жительства ответчика, в т.ч. и в случаях, когда прокурором заявлены требования об обращении в доход государства недвижимого имущества.

В силу положений Федерального закона № 230-ФЗ не только прокурор обязан представить суду доказательства, но и на объект контроля фактически возложена обязанность в предусмотренных законом случаях не только представлять сведения о расходах по каждой сделке, связанной с приобретением имущества, совершенной им либо его супругой (супругом) или несовершеннолетними детьми, но и указывать источники получения средств, за счет которых были совершены эти сделки, представляя доказательства приобретения этого имущества на законные доходы [7]. В частности, ответчиками могут быть представлены доказательства получения ими денежных средств по гражданско-правовым сделкам (например, по договорам дарения, займа). Вышеуказанная обязанность объекта контроля обусловлена презумпцией незаконности доходов, на которые

было приобретено имущество, перечисленное в ч. 1 ст. 4 и ст. 17 Федерального закона № 230-ФЗ. На это в одном из своих решений прямо указал Конституционный Суд Российской Федерации [12].

Детально устанавливая правовые и организационные основы осуществления контроля за расходами, а также его порядок, Федеральный закон № 230-ФЗ, однако, недостаточно регламентирует механизм реализации рассматриваемого института. Именно в этом некоторые авторы видят основную проблему. Так, М.В. Пресняков отмечает, что сам порядок обращения в доход государства имущества, которое предположительно получено на незаконные доходы, действующим законодательством не установлен, поэтому суды вынуждены применять нормы ГК РФ, а это не вполне оправданно [9]. Именно это, по нашему мнению, часто приводит к принятию судами диаметрально противоположных решений в схожих ситуациях.

В соответствии со ст. 55 ГПК РФ под доказательствами понимаются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела. При этом суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств (ч. 1 ст. 67 ГПК РФ).

Однако на сегодняшний день отсутствует единый подход к оценке и принятию судами доказательств, представляемых ответчиками и прокурором по гражданским делам об обращении в доход государства имущества, в отношении которого не представлены сведения о его приобретении на законные доходы. Например, Засвияжским районным судом г. Ульяновска удовлетворены исковые требования прокурора Ульяновской области, и в доход государства обращены две квартиры в Московской области общей стоимостью более 20 млн руб., принадлежавшие супруге председателя одного из подразделений администрации г. Ульяновска, сведений о приобретении которых в 2014 г. на законные доходы им не представлено. В решении суд не принял в качестве достоверных доказательств ответчиков данные о наличии у них денежных средств (якобы полученных от родственников), о которых они умолчали в ходе проведения контроля за расходами. При этом суд указал на непредставление такой информации в период проведения контрольных мероприятий и имеющуюся заинтересованность свидетелей [17]. В дальнейшем судебная коллегия по гражданским делам Ульяновского областного суда решение районного суда оставила без изменения [1].

В то же время Астраханский областной суд в практически аналогичной ситуации принял иное решение. Так, несмотря на представленные по иску военного прокурора Каспийской флотилии сведения об отсутствии у свидетелей со стороны ответчиков финансовой возможности предоставить им займы (сведения Управления Росреестра по Астраханской области, УФНС России по области, Отделения Пенсионного фонда Российской Федерации по области, кредитной организации), судом ходатайства истца о приобщении этих документов отклонены, а в качестве допустимых и достоверных доказательств приняты свидетельские показания заимодавцев. Впоследствии судебная коллегия по гражданским делам Астраханского областного суда согласилась с выводами суда первой инстанции, однако президиум Астраханского областного суда апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Астраханского областного суда отменил, дело направил на новое апелляционное рассмотрение [15]. В результате повторного рассмотрения суд апелляционной инстанции вынес прежнее решение об отказе в удовлетворении иска, а суд кассационной инстанции оставил данное решение без изменения и отказал в удовлетворении представления прокурора [14].

Таким образом, очевидно, что в отдельных субъектах Российской Федерации иногда складывается взаимоисключающая судебная практика. По нашему мнению, это связано с отсутствием единообразного применения законодательства, в частности гл. 6 ГПК РФ. Исходя из ее положений, ответчик вправе представлять любые допустимые доказательства в

подтверждение законности происхождения средств, затраченных на приобретение спорного имущества. Именно к такому выводу пришел Верховный Суд Российской Федерации. Он отметил, что в случае, когда в обоснование законности доходов ответчик ссылается на получение им денежных средств в результате совершения гражданско-правовых сделок, суд должен вынести на обсуждение вопросы о реальности получения денежных средств по таким сделкам и о том, были ли эти средства направлены на приобретение спорного имущества [11]. При этом Верховный Суд Российской Федерации конкретными примерами проиллюстрировал случаи отказа в удовлетворении заявленных прокурором требований. В основном они связаны с предъявлением ответчиком в ходе судебного разбирательства ранее не предъявлявшихся доказательств, которые подтверждают законность происхождения средств, на которые было приобретено спорное имущество. При этом суды, указывая на недостоверность и неполноту сведений, ранее представленных ответчиками, не давали должной оценки причинам таких действий и не учитывали это при принятии решений.

Такая ситуация, безусловно, может негативно отразиться как на минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений, так и на предупреждении коррупционных правонарушений, выявлении и устранении их причин и условий. В связи с этим судебная практика по рассматриваемой в настоящей статье категории дел нуждается в постоянном анализе, а возникающие вопросы правоприменения – в дальнейшем научном исследовании.

Литература

1. Апелляционное определение Ульяновского областного суда по делу № 33-1458/2016 // Официальный сайт Ульяновского областного суда. URL: http://ulobljud.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=192&Itemid=63&idCard=58244 (дата обращения: 27.10.2018).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 03.08.2018) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Данные судебной статистики по делам коррупционной направленности // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=150> (дата обращения: 27.10.2018).
5. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции: принята 31 октября 2003 г. Резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи ООН [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Лелетова М.В., Хмельницкая Т.В. К вопросу об особенностях формирования доказательств в ходе досудебного производства по уголовным делам об экономических преступлениях // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 4. С. 104-108.
7. Марасов Ю.Г. Контроль за расходами отдельных должностных лиц как одна из основных мер профилактики коррупции // Российский судья. 2018. № 4.
8. О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам [Электронный ресурс]: федеральный закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. О результатах работы прокуроров по надзору за исполнением законодательства о контроле за соответствием расходов чиновников их доходам по итогам первого полугодия 2017 года: аналитические материалы // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1229634/> (дата обращения: 27.10.2018).

10. Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции [Электронный ресурс]: приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 29.08.2014 № 454. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Обзор судебной практики по делам по заявлениям прокуроров об обращении в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.06.2017) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. По делу о проверке конституционности подпункта 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» в связи с запросом Верховного суда Республики Башкортостан: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29.11.2016 № 26-П // Собрание законодательства РФ. 2016. № 50. Ст. 7169.

13. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 22.12.2011 // Российская газета. 2011. 23 дек. № 290.

14. Постановление Астраханского областного суда от 21.12.2016 по делу № 4Г-1627/2016 // Официальный сайт Астраханского областного суда. URL: <https://oblsud--ast.sudrf.ru/modules.php?name/> (дата обращения: 27.10.2018).

15. Постановление Астраханского областного суда № 44Г-19/2016, 4Г-800/2016 от 19.07.2016 по делу № 44Г-19/2016 // Официальный сайт Астраханского областного суда. URL: <https://oblsud--ast.sudrf.ru/modules.php?name/> (дата обращения: 27.10.2018).

16. Пресняков М.В. Проблемы обращения в доход государства имущества, полученного коррупционным путем: «А Васька слушает да ест» // Административное право и процесс. 2017. № 1.

17. Удовлетворен иск прокурора Ульяновской области об обращении в доход государства имущества чиновника стоимостью более 20 млн рублей // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/archive/news-1072115/> (дата обращения: 27.10.2018).

УДК 347.441.62

Н.А. Озманов

аспирант Нижегородского института управления Российской академии народного хозяйства
при Президенте Российской Федерации

E-mail: ozmanovnnov@mail.ru

CONTRA PROFERENTEM КАК СПОСОБ ТОЛКОВАНИЯ ДОГОВОРА И ВОЗМОЖНОСТЬ РАЗРЕШЕНИЯ ВОПРОСА ДЕФЕКТНОСТИ ЕГО УСЛОВИЙ

Статья посвящена contra proferentem как средству разрешения дефектности условий договора. В рамках проведенного анализа рассматривается возможность применения contra proferentem и пределы его реализации.

Автором представлены условия, при которых возникают дефекты договора и возможность применения правила толкования договора contra proferentem.

В работе правило толкования договора contra proferentem представлено не только как правовое средство разрешения дефектности договора, но и как возможность сохранения силы договора при возникновении спора о незаключенности договора. В то же время в работе данный принцип договора не рассматривается как возможность суда на ограничение свободы договора. В связи с этим в работе представлены условия, при наличии которых у суда возникает возможность применить исследуемый принцип толкования договора.

Ключевые слова: договор, дефектность договора, условия договора, contra proferentem как правило толкования договора.

N.A. Ozmanov

postgraduate student of Nizhny Novgorod Institute of Management, branch
of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration

E-mail: ozmanovnnov@mail.ru

CONTRA PROFERENTEM AS A WAY OF INTERPRETING A CONTRACT AND THE POSSIBILITY OF RESOLVING THE ISSUE OF THE DEFECTIVENESS OF ITS TERMS

The article is devoted to Contra proferentem as a means of resolving the defectiveness of the terms of the contract. As part of the analysis, the possibility of using Contra proferentem and the limits of its implementation are considered.

The author presents the conditions under which contractual defects and the possibility of applying the interpretative rule of the contract Contra proferentem arise.

The interpretative rule of the contract Contra proferentem is presented not only as a legal means of resolving the defectiveness of the contract, but also as an opportunity to preserve the strength of the contract in the event of a dispute about the non-conclusion of the contract. At the same time this principle of the contract is not considered as an opportunity for a court to restrict the freedom of contract. In this connection, the article presents the conditions under which the court has an opportunity to apply the principle of interpretation of the contract under study.

Key words: contract, defectiveness of the contract, the terms of the contract, contra proferentem as interpretative rule of the contract.

Нормы гражданского права как частноправовой отрасли строят механизм регулирования общественных отношений с направленностью на предоставление частным лицам широких возможностей в реализации собственных интересов. В связи с этим нормы гражданского права в регулировании общественных отношений, как отмечает В.Ф. Яковлев, отличаются дозволительной направленностью [8, с. 93].

Дозволительная направленность норм гражданского права, с одной стороны, а также установленная процедура заключения договора, после прохождения которой порождается договор как юридический факт, с другой стороны, порождают условия для создания различного рода дефектов договора, в т.ч. возникающие без нарушения норм права. При этом дозволительное регулирование и диспозитивность как черта метода гражданского права позволяют решить практические проблемы, возникающие вследствие дефектности договора.

Дозволительное регулирование, присущее методу гражданско-правового регулирования, следует исследовать на предмет выявления правовых средств, предоставляемых таким регулированием. Исследуя вопрос о дозволении в методе гражданско-правового регулирования, О.М. Родионова отмечает: «...дозволения не ограничиваются разрешением на активную деятельность. В германской теории права принято выделять наряду с разрешением действия (Erlaubnis) дозволение освобождения (Freistellung)» [6]. Однако такое деление не дает точную для науки гражданского права характеристику дозволению как черте гражданско-правового метода регулирования общественных отношений.

При исследовании норм частного права, а преимущественно гражданского права, можно более детально разделить существующие в них дозволения, способствующие решению определенных нестандартных ситуаций, носящих проблемный характер в практике реализации норм права.

Основываясь на нормы частного права, можно вывести следующие дозволения:

- дозволение на обязывание кого-либо;
- дозволение на освобождение от обязанности и ответственности;
- дозволение на принятие или установление каких-либо прав и обязанностей;
- дозволение на установление, изменение или прекращение правоотношения.

Как было указано ранее, дозволительная направленность, выраженная в диспозитивном регулировании норм гражданского права в сфере заключения договора, и определенная в законе процедура заключения договора создают условия для свободного волеизъявления и возможности завершения / незавершения процедуры заключения договора, а также порождения дефектности в договоре как юридическом факте.

Дефектность договора как юридического факта может быть:

1) связана со способностью субъекта заключить договор (к примеру, заключение договора при отсутствии у лица требуемой законом лицензией);

2) связана с содержанием договора (к примеру, заключение договора с противоречивыми условиями);

3) связана с соответствием воли волеизъявлению (к примеру, мнимая или притворная сделка);

4) связана с соблюдением формы договора (к примеру, случай несоблюдения простой письменной формы сделки, относительно которого закон не устанавливает правовое последствие в виде недействительности);

5) связана с требуемым законом согласием третьего лица или органа юридического лица (к примеру, совершение крупной сделки (договора) без согласия общего собрания акционеров).

Дефектность юридического факта, в частности договора, как отмечается в юридической литературе, представляет собой негативное явление в праве, затрудняющее правовое регулирование [1, с. 355].

На наш взгляд, в цивилистике следует не только установить, классифицировать и определить правовые последствия дефектных юридических фактов, но и определиться с правовыми средствами и установить их возможность в разрешении вопроса дефектного юридического факта.

Одним из правовых средств, которым возможно разрешить проблему дефектности договора, является правило толкования договора *contra proferentem*.

Contra proferentem как правило толкования договора возможно применить только в случае рассмотрения спора судом при разрешении вопроса о толковании противоречивых условий договора.

Такого рода дефекты юридических фактов могут быть значительными или незначительными, а также исправимыми, неисправимыми либо частично исправимыми. Однако дефектность договора может возникнуть и в состоявшейся сделке (договоре). К примеру, такая дефектность может выразиться в виде противоречивых условий договора.

Данный вид дефектности договора возникает при невиновном поведении сторон договора.

Невиновное поведение, как отмечает А.М. Хужин, представляет собой «...деяние деликтоспособного лица, причиняющее вред охраняемым правом интересам, совершенное без его вины в силу особых субъективных и объективных обстоятельств, исключающее применение мер юридической ответственности» [7, с. 13].

Для применения принципа *contra proferentem* суд как минимум должен установить наличие противоречивых условий договора и сторону договора, предположившую противоречивые условия.

В нормах российского гражданского законодательства нет прямого определения правила толкования договора *contra proferentem*. Однако норма ст. 431 Гражданского кодекса Российской Федерации [2] (далее – ГК РФ) в части второй содержит диспозитивное правило, из толкования которого можно вывести правило *contra proferentem*. В связи с тем, что для установления общей воли сторон договора по определению его условий должны быть приняты во внимание все обстоятельства, суд обязан также принять во внимание и то, кем предложены противоречивые условия договора. В свою очередь, Постановлением Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» [4] (далее – ПП ВАС № 16) в п. 11 не просто выводится *contra proferentem* из толкования норм ст. 431 ГК РФ, а устанавливается для арбитражных судов также презумпция определения стороны, предложившей противоречивые условия договора, по признаку профессионализма в определенной сфере и обладания специальными знаниями (например, банк по договору кредита, лизингодатель по договору лизинга, страховщик по договору страхования и т.п.) как способы разрешения дефектности договора по модели *contra*.

Исходя из положений о заключении договора и правила *contra proferentem*, объективно требуется ответить на вопрос о применимости *contra proferentem* в случае противоречия в существенном условии договора.

Следует обратить внимание на то, что правилом толкования договора *contra proferentem* в рамках п. 11 ПП ВАС № 16 не устанавливаются ограничения по применению *contra proferentem* относительно отдельных видов условий договора. В разрешение данного вопроса следует также исходить из сложившейся судебно-арбитражной практики, направленной на сохранение договора при разрешении вопроса о заключенности договора. В частности, по право-

вой позиции, установленной в рамках Постановления Президиума ВАС РФ от 08.02.2011 № 13970/10 по делу № А46-18723/2008: «в случае наличия спора о заключенности договора суд должен оценивать обстоятельства и доказательства в их совокупности и взаимосвязи в пользу сохранения, а не аннулирования обязательства, а также исходя из презумпции разумности и добросовестности участников гражданских правоотношений, закрепленной статьей 10 Гражданского кодекса Российской Федерации» [5].

При этом, как нам видится, основываясь на правовой позиции судебно-арбитражной практики, исходя из вышеуказанного Постановления Президиума ВАС РФ от 08.02.2011 № 13970/10 по делу № А46-18723/2008, посредством *contra proferentem* нельзя разрешить вопрос при дефектности договора, связанного с противоречивыми условиями в ситуации, когда применение данного принципа толкования договора способствует недобросовестному поведению участника, в пользу которого следует толковать противоречивые условия договора.

Что касается сферы применения, то не следует рассматривать данный принцип толкования договора как возможность влияния на свободу договора судом. Нормы о свободе договора имеют свои отдельные, установленные гражданским законодательством ограничители.

Как справедливо указал А.Г. Карапетов, «данный принцип толкования не может являться способом ограничения свободы договора, когда текст условия вполне ясен, но представляется суду крайне несправедливым или нерациональным» [3, с. 30.]. Следует также отметить справедливое указание А.Г. Карапетова, что принцип толкования договора *contra proferentem* не может собой заменить такие специальные правовые средства, как недопустимость злоупотребления правом (ст. 10 ГК РФ), право оспаривания несправедливых условий договора присоединения (ст. 428 ГК РФ) и т.д. [3, с. 30].

Литература

1. Головистикова А.Н., Дмитриев Ю.А. Проблемы теории государства и права: учебник. М.: Изд-во Эксмо, 2005.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 1996. № 5. Ст. 410; 2001. № 49. Ст. 4552; 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.
3. Карапетов А.Г. *Contra proferentem* как метод толкования договора // Вестник ВАС РФ. 2013. № 7. С. 6-35.
4. О свободе договора и ее пределах: постановление Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 14.03.2014 № 16 // Вестник ВАС РФ. 2014. № 5. С. 85-90.
5. Постановление Президиума ВАС РФ от 08.02.2011 № 13970/10 по делу № А46-18723/2008 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Родионова О.М. Механизм гражданско-правового регулирования в контексте современного частного права. М.: Статут, 2013. 336 с.
7. Хужин А.М. Невиновное поведение в праве (общетеоретический аспект): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2013. 55 с.
8. Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. 2-е изд., доп. М.: Статут, 2006. 240 с.

УДК 349.3:364

А.В. Радонова, канд. ист. наук

Алтайский государственный институт культуры

E-mail: radonova@barnaul.muh.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЛЬГОТ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье раскрывается порядок предоставления льгот для социально уязвимых слоёв населения Российской Федерации. Характеризуются основные цели, приоритеты, раскрываются механизм установленных компенсационных выплат и перспективы последствий их реализации.

Ключевые слова: льготы, пенсии, пособия, инвалиды, ветераны, многодетные семьи, пособие, бесплатное обеспечение, социальная политика, государственная компенсация, бедность, вынужденная миграция.

A. V. Radonova, PhD. (Candidate of Historical Sciences)

Altai State Institute of Culture

E-mail: radonova@barnaul.muh.ru

EVOLUTION OF LEGISLATIVE REGULATION OF BENEFITS IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article reveals the procedure of granting benefits to socially vulnerable communities of the Russian Federation. The main goals, priorities are characterized, the mechanism of the established compensation payments and prospects of the consequences of their implementation are revealed.

Key words: benefits, pensions, allowances, disabled persons, veterans, large families, benefits, free security, social policy, state compensation, poverty, forced migration.

В России, как и во многих других европейских государствах, механизм законодательного регулирования льгот эволюционировал на протяжении значительного исторического периода. При этом он обладал чертами сходства и отличия, обусловленными историческими и политическими особенностями развития Российской Федерации.

Действующая система льгот в современной России формировалась в течение значительного времени существования СССР и, по своей сути, выступала как «комплекс мер по компенсации населению неполной оплаты труда, невысоких размеров государственных и трудовых пенсий и пособий» [5, с. 17].

В период и сразу после окончания Великой Отечественной войны был установлен ряд льгот для ветеранов и семей погибших воинов. Было принято множество нормативных актов, установивших в их отношении комплекс льгот. Так, 6 мая 1942 г. и 20 января 1943 г. были приняты постановления СНК СССР о мерах по трудовому устройству ветеранов Отечественной войны; 21 сентября 1945 г. утверждено Постановление СНК СССР «О мероприятиях по оказанию помощи демобилизованным, семьям погибших воинов, инвалидам Отечественной войны и семьям военнослужащих», которое установило ряд льгот для этих категорий; 15 августа 1948 г. получило юридическую силу Постановление Совета Министров СССР «О жилищных льготах семьям военнослужащих и партизан, погибших или без вести пропавших на фронтах Отечественной войны» [1, с. 47].

Благодаря принятию Постановления Совета Министров СССР от 31 августа 1948 г. на 50% была снижена оплата за содержание детей из многодетных семей и вдов военнослужащих в детских дошкольных учреждениях. Начиная с 1949 г. это снижение распространилось и на детей матерей-одиночек. Кроме того, законом 1953 г. «О сельскохозяйственном налоге» хозяйства, имеющие ветеранов Отечественной войны, были освобождены от сельскохозяйственного налога. С 1965 г. была установлена квота для ветеранов Великой Отечественной войны до 2% от общей численности работников предприятия на предоставление беспроцентных ссуд на индивидуальное жилищное строительство с выплатой в течение 10 лет для ветеранов и членов семей погибших воинов. В 1968 г. получило юридическую силу постановление «О льготах по проезду в автобусах междугородных сообщений пассажиров отдельных категорий», в 1973 г. – постановление Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению использования труда пенсионеров по старости и инвалидов в народном хозяйстве и связанных с этим дополнительных льготах». Далее в 1975 и 1978 гг. утверждались постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР о дополнительных льготных выплатах участникам

Великой Отечественной войны и семьям погибших воинов: вводилась 50% скидка на оплату жилья и коммунальных услуг, безвозмездное предоставление лекарственных средств, бесплатный проезд на транспорте и льготы по налогам для ветеранов.

23 февраля 1981 г. было принято Положение «О льготах для инвалидов Отечественной войны и семей погибших военнослужащих», предусматрившее льготы по медицинскому обслуживанию, санаторно-курортному лечению, выплате пособий, предоставлению транспорта и оплате проезда, коммунальные льготы и преимущества при трудоустройстве [4, с. 65].

Этот документ стал базисом для Федерального закона «О ветеранах» 1995 г., впервые систематизировавшего многочисленные льготы ветеранов и сформулировавшего их правовой статус. Федеральный закон 1995 г. закрепил легальные формы социальной поддержки ветеранов в Российской Федерации, гарантировал им установленный уровень жизни, уважительное отношение общества. В этом же 1995 г. произошло принятие Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», определившего основные направления политики государства по социальной поддержке инвалидов Великой Отечественной войны. Целью было обеспечение лицам с ограниченными физическими возможностями равных прав с другими гражданами по реализации гражданских, экономических, политических и других прав и свобод, предусмотренных Конституцией РФ, нормами международного права и международными договорами РФ [2, с. 72].

С момента реформ в экономике количество льгот было увеличено для сглаживания пробелов системы компенсаций Российской Федерации за причиненный гражданам вред последствиями техногенных катастроф. Хотя и с некоторой задержкой, но были приняты официальные документы, распространявшиеся на граждан: оказавшихся в зоне влияния неблагоприятных факторов после катастрофы на Чернобыльской АЭС 26 апреля 1986 г., участвовавших в ликвидации последствий этой катастрофы; подвергшихся вредному воздействию последствий ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне; радиационному влиянию вследствие аварии в 1957 г. на производственном объединении «Маяк» и радиоактивных сбросов в реку Теча [6, с. 115].

Более того, введение некоторых льгот было связано с «необходимостью оперативного реагирования на новые социальные процессы (безработица, вынужденная миграция, бедность и т.д.), возникающие кризисные ситуации (техногенные катастрофы, военные конфликты), потребности решения ряда политических проблем, одни из которых связаны с историей страны (жертвы политических репрессий, узники фа-

шизма), другие – со стремлением укрепить силовые и другие властные структуры (работники милиции, судьи, прокурорские работники, военнослужащие, депутаты и др.)» [3, с. 118].

В первой половине XX в. в Российской Федерации часть услуг медицинских и образовательных учреждений предоставлялась бесплатно или в редких случаях частично оплачивались потребителями. Конституция СССР гарантировала их бесплатность (или минимальную платность) всем российским гражданам без исключения [5, с. 27].

подавались ходатайства о расширении возмездной части этих услуг. Так, были созданы особые палаты в больничных стационарах, где больным предоставлялись возмездные услуги: терапия, обслуживание, спецпитание; дошкольные образовательные учреждения для детей из семей с высоким материальным достатком, предоставлявшие обслуживание, диетпитание и даже более профессиональные воспитательные услуги.

Однако, по мнению Е.Н. Ненашева, «увеличение платности перечисленных услуг, которые традиционно в нашей стране предоставлялись бесплатно или только частично оплачивались населением, в конечном счёте, привело к социальному расслоению, которое в таких важных областях, как здравоохранение, воспитание детей, образование, нежелательно» [2, с. 47].

По мнению А.И. Котляр и С.Г. Бочарова, «ни в коем случае нельзя допускать, чтобы российское государство одних людей лечило, обучало, воспитывало лучше, а других хуже, только в зависимости от того, есть ли у них средства на эти цели. Медицинская помощь должна строиться строго по медицинским показаниям, а не в зависимости от того, сколько денег в кармане у пациента. Это касается и воспитания детей, получения образования» [1, с. 116].

Высказанная позиция, конечно, «не означает, что не нужно было вообще расширять платность в сфере традиционно бесплатных или частично оплачиваемых населением услуг. Но при этом необходимо было найти для каждого этапа развития производительных сил страны оптимальное сочетание между платным и бесплатным предоставлением социально значимых услуг» [5, с. 54].

Разрешению этой задачи способствовал принцип специальных норм, гарантировавший бесплатное распределение основных материальных благ и услуг из государственных фондов потребления по установленным стандартам. Предоставление нуждающимся услуг (или благ) сверх минимально установленных норм осуществлялось на возмездной основе.

По уточнению М.М. Магомаева, «уровень бесплатной гарантированной нормы потребления тех или иных услуг зависел от степени их социальной

значимости. Например, были установлены гарантии бесплатного получения каждым человеком услуг здравоохранения, включая не только лечение болезней, но и систему всеобщей диспансеризации» [3, с. 83].

Ранее в нашей монографии детально был проанализирован процесс предоставления социальных услуг, в рамках которых доказано, что «развивая бесплатные медицинские услуги, выполняемые государственными больницами, поликлиниками, амбулаториями и другими учреждениями, следовало бы шире представлять в соответствии с запросами населения и услуги хозрасчётных лечебно-профилактических учреждений, увеличивать число хозрасчётных консультативно-диагностических, стоматологических, офтальмологических и других лечебных учреждений. При этом их прибыль могла бы частично расходоваться на развитие сферы бесплатного медицинского обслуживания».

Постепенно в связи «с увеличением производительных сил, подъёмом эффективности отечественного производства у российского общества появилось больше возможностей для удовлетворения социально значимых потребностей народонаселения. Поэтому повысились и гарантированные нормы бесплатного и льготного потребления отдельных благ и услуг» [5, с. 71].

Иными словами, установленные нормы являлись гарантией, с помощью которой можно было более справедливо распределять блага и услуги из государственных фондов потребления. Объединение бесплатно гарантированных с возмездными благами и услугами, предоставляемыми сверх минимально установленных, позволило удовлетворить потребности россиян с учётом их трудового вклада в развитие общественного производства.

Общественные преимущества в системе социальной поддержки видятся С.Ю. Суменкову как «наиболее насущные задачи социальной политики, первоочередному решению которых общество отдаёт предпочтение на конкретном этапе развития» [6, с. 116].

В первой половине 90-х гг. XX в. «приоритетными направлениями в сфере народного благосостояния являлись: решение жилищных проблем, совершенствование здравоохранения и медобслуживания, пенсионного обеспечения и ряд других. Именно на это направлялись дополнительные средства» [5, с. 83].

Дифференциация направлений социальной поддержки не означала забвения остальных социальных проблем. Например, совершенствование учреждений культуры, торговли, бытового обслуживания было очень важным для удовлетворения потребностей народонаселения. При этом «всё же жилищный вопрос

стоял острее, поэтому общество выделяло его из числа других социальных приоритетов» [6, с. 117].

Доказано, что «социальная политика правительства была направлена на удовлетворение растущих потребностей всех членов российского общества. Однако это общая её направленность не исключала необходимости выделять группы населения, удовлетворению специфических потребностей которых общество отдавало определённое предпочтение. К ним относились инвалиды войны и труда, лица престарелого возраста, дети, многодетные, малообеспеченные семьи и другие» [5, с. 94].

Общественная первостепенность указанных категорий выражалась в том, что общество проявляло особую заботу об условиях их жизнедеятельности, предоставляло дополнительную помощь. Например, инвалиды войны получали денежные пособия дополнительно к пенсии, а инвалидам, утратившим способность к самостоятельному передвижению, безвозмездно предоставлялся автотранспорт. Пенсионерам создавались особые условия по их обслуживанию на дому и в специализированных домах-интернатах, выплачивалась финансовая помощь

многодетным малообеспеченным семьям и т.д. В поддержке приоритетных групп народонаселения заключалась сила и гуманность российской социальной политики.

Обобщая изложенное, отметим, что специфика имевшихся льгот в первые десятилетия XXI в. заключается в сохранении установленных льгот советского периода; существенном увеличении круга граждан, пользующихся правом на льготы, и расширении перечня предоставляемых льгот.

Следовательно, постоянное увеличение количества льгот и их получателей, отсутствие чёткого закрепления их правового статуса повлекли бессистемность и неэффективность действия льгот. С течением времени накопилось такое количество льгот, что их получателем оказался практически каждый россиянин. Поэтому произошло обесценивание правового значения льгот, их целей и задач. Такое увеличение льготных выплат привело к колоссальной финансовой нагрузке на бюджет, к необходимости реформирования существующей системы и к возникновению серьёзной проблемы – как это реформирование осуществить практически.

Литература

1. Котляр А.И., Бочаров С.Г. Справочник по пенсиям и льготам военнослужащих. М.: Политиздат, 1972. 316 с.
2. Льготы и пособия ветеранам войны, труда и другим категориям граждан / под ред. Е.Н. Ненашева. Нижний Новгород: Изд-во «Прима», 1997. 214 с.
3. Магомаев М.М. Система социальной защиты населения и её роль в преодолении бедности и повышении качества жизни населения. Махачкала: Изд-во «Наука-Дагестан», 2009. 286 с.
4. Пчелинцева Л.М., Пчелинцев С.В. Льготы, гарантии и компенсации для военнослужащих, сотрудников органов внутренних дел, приравненных к ним лиц и членов их семей. СПб.: Северная звезда, 1997. 286 с.
5. Радонова А.В. Социальная политика Российской Федерации в 1990-е годы (на материалах юга Западной Сибири): монография. Барнаул: Изд-во «Концепт», 2014. 249 с.
6. Суменков С.Ю. Привилегии как политико-правовая категория // Политика и право. 2002. № 5. С. 114-119.

УДК 347.157:347.7

С.И. Суслова, доктор юрид. наук, доцент

Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России);

В.В. Белозерцева, канд. юрид. наук

Восточно-Сибирский институт МВД России

E-mail: sarrav@mail.ru

СДЕЛКОСПОСОБНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЛИЦ

Статья посвящена понятию и элементам сделкоспособности несовершеннолетних лиц. На основе проведенного исследования сделан основной вывод о том, что сделкоспособность состоит из способностей к приобретению прав и обязанностей, осуществлению прав и исполнению обязанностей, а также из способности нести ответственность за их неисполнение. Таким образом, сделкоспособностью охватываются способности не только совершать сделки, но и способность нести ответственность за эти сделки. Следовательно, законодателя нельзя упрекнуть в непоследовательности, когда он в п. 3 ст. 26 ГК РФ дифференцировал ответственность несовершеннолетнего по сделке и за причинение вреда, закрепив правило о том, что несовершеннолетние по сделкам отвечают самостоятельно (независимо от того, с согласия родителей была заключена сделка или нет), а за причиненный вред отвечают по общему правилу (т.е. в некоторых случаях родители несут субсидиарную ответственность).

Ключевые слова: сделкоспособность, деликтоспособность, несовершеннолетний, предпринимательская деятельность, мелкая бытовая сделка, субъективное право, субъективная обязанность, ответственность.

S.I. Suslova, PhD. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor

Irkutsk Institute (branch) of All-Russian State University of Justice;

V.V. Belozertseva, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: sarrav@mail.ru

BARGAINING CAPACITY OF MINORS

The article is devoted to the concept and elements of the bargaining capacity of minors. On the basis of the conducted research, the main conclusion was drawn that the bargaining capacity consists of the ability to acquire rights and obligations, exercise rights and fulfill duties, as well as the ability to be responsible for their failure. Thus, the bargaining capacity covers not only the ability to make transactions, but also the ability to be responsible for these transactions. Consequently, the legislator cannot be blamed for inconsistency, when he is in paragraph 3 of Art. 26 of the Civil Code of the Russian Federation differentiated the responsibility of a minor in a transaction and for causing harm, fixing the rule that minors are responsible for transactions independently (regardless of whether a transaction was concluded with parental consent or not), and they are generally responsible for harm caused (i.e. in some cases, parents are subsidiarily liable).

Key words: bargaining capacity, delictual capacity, minor, entrepreneurial activity, small household transaction, subjective right, subjective duty, responsibility.

В современном мире высоких технологий и электронного гражданского оборота, когда сделку может совершить любой ребенок, просто нажав кнопку на клавиатуре компьютера, вопрос о сделкоспособности несовершеннолетних лиц требует новых ответов законодателя. Прежде чем ответы на данные вопросы превратятся в норму права, ученые потратят ни один год на их обсуждение именно с целью выработать ту законодательную формулу, которая будет направлена на защиту интересов обеих сторон сделки с несовершеннолетним и удовлетворит требованиям современных реалий. В то же время возможно, что нормы, которые существуют сейчас, хороши сами по себе и просто нуждаются в правильном понимании и применении. Предметом исследования в данной статье будет лишь один аспект сделкоспособности несовершеннолетних – это способность нести имущественную ответственность за совершенные ими сделки. Прежде чем перейти непосредственно к предмету исследования, проанализируем некоторые сопутствующие факторы, без которых невозможно будет сделать правильные выводы о понятии и элементах сделкоспособности несовершеннолетних лиц.

Традиционно сделкоспособность относят к одному из элементов дееспособности и определяют как способность совершать сделки.

Понятие «несовершеннолетний» не обладает столь однозначной дефиницией, ученые даже не выработали единых критериев его определения. На наш взгляд, понятие «несовершеннолетний» построено не на критерии дееспособности, а на критерии возраста, поэтому к несовершеннолетним относятся все лица, не достигшие совершеннолетия, т.е. 18 лет [6, с. 84]. По возрасту Гражданский кодекс подразделяет несовершеннолетних на две группы: малолетние несовершеннолетние в возрасте до 14 лет и несовершеннолетние от 14 до 18 лет.

Сделкоспособность несовершеннолетних в возрасте до 14 лет редко вызывает научные дискуссии, это связано прежде всего с тем, что малолетние наделены весьма малым объемом дееспособности и все их действия в основном лежат вне пределов правового поля, а основную часть их прав и обязанностей осуществляют и исполняют законные представители, действуя в интересах своих подопечных. Хотя следует отметить, что один из элементов сделкоспособности малолетних все же нередко вызывает жаркие научные дискуссии – это способность совершать мелкие бытовые сделки. Акцент данной дискуссии смещен в сторону признаков мелкой бытовой сделки, поскольку от их определения зависит, обладают несовершеннолетние сделкоспособностью для совершения таких сделок или нет. Не вдаваясь в эту полемику, заметим, что мы считаем справедливой позицию, в соответствии с которой принято выделять

три признака мелкой бытовой сделки: возрастной, сущностный и стоимостной. Мелкая бытовая сделка должна соответствовать возрасту лица, ее совершающего, иметь бытовой характер, и цена сделки должна быть незначительной (в т.ч. соответствовать возрасту несовершеннолетнего).

Чаще всего предметом научной дискуссии выступает сделкоспособность несовершеннолетних лиц в возрасте от 14 до 18 лет. Таких несовершеннолетних законодатель наделил гораздо большим объемом сделкоспособности – ст. 26 ГК РФ.

Законодатель определил в п. 3 ст. 26 ГК РФ, что по сделкам, совершенным несовершеннолетними с письменного согласия родителей (или с последующего их одобрения), а также самостоятельно (если это допускает закон), несовершеннолетние несут ответственность самостоятельно. В то же время субсидиарную ответственность за причиненный несовершеннолетними вред могут нести их родители. Таким образом, законодатель наделил несовершеннолетних разным объемом дееспособности в рамках таких ее элементов, как сделкоспособность и деликтоспособность. Более того, ответственность за нарушение договорных обязательств с точки зрения п. 3 ст. 26 ГК РФ охватывается только сделкоспособностью, но не деликтоспособностью. С этой позиции сделкоспособность следует определять не только как способность совершать сделки, но и способность нести ответственность за их неисполнение.

Позиция законодателя не совсем последовательна, потому как за все сделки, совершенные с согласия родителей и самостоятельно, несовершеннолетние несут одинаковую ответственность – самостоятельную. Возникает вполне резонный вопрос о необходимости получения согласия родителей на сделку, если они не несут даже субсидиарной ответственности за нее. Подобное правило нивелирует дифференциацию сделок, совершенных несовершеннолетними самостоятельно и с согласия родителей, применительно к ответственности за такие сделки. В то же время для недействительности таких сделок и их последствий согласие родителей (или последующее одобрение сделки) значение имеет. Кроме того, незащищенными в полной мере оказываются права и интересы контрагентов в сделке с несовершеннолетними. Предполагается, что дополнение п. 3 ст. 26 ГК РФ правилом о субсидиарной ответственности родителей, давших согласие на сделку, решит обсуждаемую проблему [4, с. 16].

Законодатель закрепил, что согласие на сделку несовершеннолетнего должно быть дано родителями письменно, но не указал, достаточно ли будет согласия одного из родителей или его должны дать оба. Решение проблемы ученые видят в том, что достаточно согласия одного из родителей. На наш взгляд, с этим

следует согласиться, хотя бы потому, что ГК РФ напрямую не говорит о согласии обоих родителей.

Еще одним вопросом, непосредственно связанным с обсуждаемым понятием сделкоспособности, является способность несовершеннолетнего с согласия родителей заниматься предпринимательской деятельностью. В первую очередь, возраст, с которого несовершеннолетний может заниматься предпринимательской деятельностью, прямо не установлен законом, буквальное систематическое толкование ст. 26 ГК РФ и п. «з» ст. 22.1 ФЗ от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» позволяет сделать вывод о том, что в качестве индивидуального предпринимателя с согласия родителей может быть зарегистрировано несовершеннолетнее лицо, достигшее возраста 14 лет. Во вторую очередь, необходимо определить, следует ли несовершеннолетнему, зарегистрированному в качестве индивидуального предпринимателя, получать согласие родителей на совершение каждой сделки в рамках его предпринимательской деятельности либо согласие родителей на занятие им предпринимательской деятельностью является одобрением всех сделок, совершенных им в будущем. Позиция ученых в данном вопросе не одинакова [5, с. 55]. Учитывая тот факт, что предпринимательская деятельность – это деятельность самостоятельная, осуществляется на свой риск и направлена на систематическое получение прибыли, полагаем, что родители несовершеннолетнего дают согласие не просто на регистрацию несовершеннолетнего в качестве предпринимателя, а согласие на то, что он будет заниматься предпринимательской деятельностью, т.е. совершать все сделки, связанные с его предпринимательской деятельностью. Отметим еще один момент, несовершеннолетние предприниматели, как правило, приобретают полную дееспособность в результате прохождения процедуры эмансипации, как нам кажется, с целью избежать ненужных судебных споров, связанных с возможностью оспорить действительность совершенных ими сделок.

Еще одним немаловажным аспектом сделкоспособности несовершеннолетнего в возрасте от 14 до 18 лет является способность самостоятельно совершать сделки розничной купли-продажи вне зависимости от суммы сделки, достигнув возраста 16 лет. Данная проблема обсуждается очень давно, еще с 60-х годов прошлого века, и ученые в большинстве своем сходятся во мнении, что несовершеннолетним, достигшим 16 лет, следует законодательно разрешить самостоятельно совершать сделки розничной купли-продажи, тем не менее до настоящего времени данное правило законодательно не закреплено.

Кратко осветив некоторые аспекты сделкоспособности несовершеннолетних лиц, мы можем сде-

лать вывод о несомненной практической значимости данного понятия, обсуждаемые проблемы имеют далеко не теоретический характер, тем не менее основа их решения лежит в научном определении понятия сделкоспособности, ее признаков и элементов.

Как мы указывали ранее, сделкоспособность в цивилистической науке традиционно определяется как способность совершать сделки. Правило п. 3 ст. 26 ГК РФ позволяет расширить это понятие и включить в него также и способность нести ответственность за неисполнение данных сделок. Обратимся к существующей в цивилистической науке дискуссии и на основе исследования сделаем вывод о понятии сделкоспособности.

С.Н. Братусь [2, с. 21] определяет сделкоспособность как способность к совершению сделок, деликтоспособность, с его точки зрения, – это способность нести ответственность за противоправные действия. В.П. Шахматов [7, с. 66] полагал, что деликтоспособность – это способность нести ответственность за причинение внедоговорного вреда. П. Виткявичюс [3, с. 30] считал, что сделкоспособностью охватываются не только действия, связанные с приобретением конкретных прав и обязанностей, но и действия, которыми эти субъективные права осуществляются, а обязанности выполняются. В свою очередь, содержание субъективной обязанности составляют необходимость определенного поведения обязанного субъекта либо воздержания от действий, составляющих содержание данной обязанности, а также необходимость отвечать за совершение предписанных действий (необходимость претерпевания обязанным субъектом негативных последствий своей неправомерной деятельности) [1, с. 390]. Сделкоспособность, в свою очередь, – это способность приобретать и исполнять обязанности.

Анализ данных понятий позволяет сделать вывод о том, что деликтоспособностью не охватывается способность нести ответственность за неисполнение сделки. Способностями по осуществлению прав и исполнению обязанностей в рамках сделкоспособности вполне охватывается способность и нести ответственность за неисполнение сделки. С другой стороны, если сделкоспособность – это способности приобретать права и обязанности, осуществлять права и исполнять обязанности, в таком случае законодатель не предоставил несовершеннолетнему полной самостоятельности в приобретении прав и обязанностей, но предоставил полную самостоятельность в их осуществлении и исполнении, даже возложил на него самостоятельную ответственность. Позиция законодателя кажется непоследовательной, однако это не так. Субсидиарная ответственность родителей по сделкам, совершенным несовершеннолетними, предполагает их участие в исполнении взятого их детьми

обязательства, тогда теряется сам смысл такого обязательства. Участие родителей, когда они дают согласие на сделку, заключается в том, чтобы помочь несовершеннолетнему оценить свои силы и возможности (в первую очередь имущественного характера) относительно той сделки, которую он собирается совершить, дальше взятые на себя обязанности несовершеннолетний исполняет сам, родители здесь не могут и не должны участвовать.

Деликтоспособность, в свою очередь, определяется как способность нести ответственность за причинение внедоговорного вреда. В отличие от сделки, обязательство по которой приобретается вполне осознанно, обдуманно и в некоторых случаях с согласия родителей, внедоговорный вред возникает на основании деликта. Возникшее внедоговорное обязательство влечет возникновение гражданско-правовой ответственности, которая носит компенсационный характер, механизм данной ответственности настроен

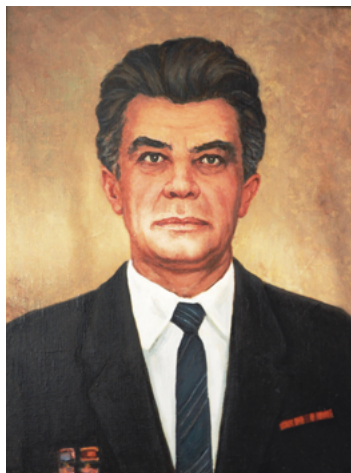
на то, чтобы причиненный вред был компенсирован (самим несовершеннолетним или его родителями, которые отвечают субсидиарно). Законодательные правила о деликтной ответственности несовершеннолетних не распространяются на ответственность по совершенным ими сделкам.

Подводя итог, следует сделать вывод о том, что ст. 26 ГК РФ доказывает необходимость разграничения способностей к ответственности в рамках договорного и внедоговорного вреда. Сделкоспособность – это способность к совершению сделок, включающая в себя способности к приобретению прав и обязанностей, осуществлению прав и исполнению обязанностей, способности к исполнению обязанностей включают в себя и способность нести ответственность за их неисполнение. Таким образом, сделкоспособностью охватывается не только способность совершать сделки и исполнять их, но и способность нести по таким сделкам ответственность.

Литература

1. Белов В.А. Гражданское право: общая и особенная части: учебник. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2003. 960 с.
2. Братусь С.Н., Пергамент А.И., Дозорцев В.А. и др. Советское гражданское право: субъекты гражданского права. М., 1984. 320 с.
3. Виткявичюс П. Гражданская правосубъектность советского государства. Вильнюс: Минтис, 1978. 73 с.
4. Осипова С.В. Сделкоспособность несовершеннолетних в гражданском праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2007. 22 с.
5. Право и экономическая деятельность: современные вызовы: монография / отв. ред. А.В. Габов. М.: ИЗиСП, Статут, 2015. 280 с.
6. Скоробогатова В.В. Понятие «несовершеннолетний» в законодательстве Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2017. № 11. С. 84.
7. Шахматов В.П. Сделки, совершенные с целью противоправной интересам государства и общества: учебное пособие. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1966. 129 с.

Имена, события, даты

УДК 343.98

С.И. Давыдов, доктор юрид. наук, доцент

Алтайский государственный университет

E-mail: davidov_ord@mail.ru;

Н.А. Дудко, канд. юрид. наук, доцент

Алтайский государственный университет

E-mail: dudkopa@yandex.ru;

М.А. Неймарк, канд. юрид. наук, доцент

Алтайский государственный университет

E-mail: neymark.m@mail.ru;

Е.Н. Петухов, канд. юрид. наук, доцент

Алтайский государственный университет

E-mail: petuchove@mail.ru

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРОФЕССОРА Е.Н. ТИХОНОВА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ (К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Статья посвящена 80-летию со дня рождения известного советского и российского ученого-криминалиста, заслуженного юриста РСФСР, доктора юридических наук, профессора Евгения Николаевича Тихонова. Дана характеристика наиболее значимых научных трудов профессора Е.Н. Тихонова в области общей теории криминалистики, криминалистической техники, криминалистической тактики, общей теории судебной экспертизы. Определяется влияние теоретических результатов его исследований о холодном и огнестрельном оружии, о взрывах на дальнейшее развитие знаний в криминалистике и судебной экспертологии.

Ключевые слова: Е.Н. Тихонов, юбилей, криминалистика, общая теория криминалистики, методология криминалистики, криминалистическая техника, криминалистическая тактика, судебная экспертиза.

S.I. Davidov, PhD. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor
Altai State University

E-mail: davidov_ord@mail.ru;

N.A. Dudko, PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor
Altai State University

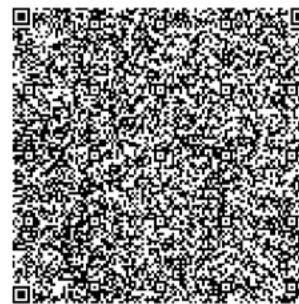
E-mail: dudkona@yandex.ru;

M.A. Neymark, PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor
Altai State University

E-mail: neymark.m@mail.ru;

E.N. Petukhov, PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor
Altai State University

E-mail: petuchove@mail.ru

SCIENTIFIC HERITAGE E.N. TIKHONOV AND ITS IMPACT ON THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF CRIMINALISTIC SCIENCE (TO THE 80th ANNIVERSARY OF THE BIRTH)

The article is devoted to the 80 anniversary of the birth of the famous Soviet and Russian scientist-criminalist, honored lawyer of the RSFSR, Doctor of Law, Professor Evgeny Nikolaevich Tikhonov. The article deals with professor Tikhonov's in the field of the general theory of criminalistics, criminalistic equipment, criminalistic tactics, the general theory of judicial expertise and defines the influence of theoretical results of his research on steel arms and firearms, and explosions on the on further development of knowledge in criminalistics and forensic examination.

Key words: Tikhonov E.N., anniversary, criminalistics, general theory of criminalistics, criminalistics methodology, criminalistic equipment, criminalistic tactics, forensic examination.

В 2018 году криминалистическая общественность отметила 80-летие со дня рождения одного из известных криминалистов современности, нашего старшего коллеги и учителя, заслуженного юриста РСФСР, доктора юридических наук, профессора, основателя кафедры уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета Евгения Николаевич Тихонова. Значение деятельности Е.Н. Тихонова для развития отечественной криминалистики и теории судебной экспертизы, других юридических наук трудно переоценить.

Евгений Николаевич Тихонов родился 22 марта 1938 г. в г. Горно-Алтайске Горно-Алтайской автономной области Алтайского края (в настоящее время – Республика Алтай). Его отец и мать работали научными сотрудниками плодово-ягодной станции в г. Горно-Алтайске. Наблюдая за их деятельностью, он, будучи любознательным ребенком, стал тянуться к знаниям. Эта детская склонность позволила ему успешно учиться в школе № 12 г. Горно-Алтайска и формировала в нем способности будущего исследователя-криминалиста.

К сожалению, в 1946 г. отец оставил семью и уехал работать в г. Красноярск. В 1950 году мать Евгения Николаевича перевели для дальнейшей работы в г. Барнаул. С ней переехал на новое место жительства и двенадцатилетний сын. В последующие годы отца ему заменил отчим – выдающийся советский ученый-садовод с мировым именем, академик ВАСХНИЛ, герой социалистического труда Михаил Афанасьевич Лисавенко. Евгений Николаевич вырос и сформировался как личность в интеллигентной семье и творческой атмосфере, которую создавали мать и отчим. После окончания с отличием в 1955 г. средней школы № 21 г. Барнаула Евгений Николаевич смотрел на будущую жизнь уверенно, с пониманием смысла жизни. Он чувствовал себя взрослым и ответственным за свое будущее. Твердо решил стать юристом, чтобы быть на передовом краю защиты общества от преступности. Реализуя свою мечту, Евгений Николаевич успешно сдал вступительные экзамены и был зачислен на первый курс отделения правоведения экономико-юридического факультета Томского государственного университета, одного из старейших российских университетов. Именно в

Томском государственном университете в студенческом научном кружке под научным руководством доцента В.П. Бурчанинова начался путь Е.Н. Тихонова в криминалистику.

После окончания университета в 1960 г. Евгений Николаевич был направлен на работу в УВД Алтайского крайисполкома, где с сентября 1960 г. по сентябрь 1964 г. трудился в должности эксперта, а затем старшего эксперта научно-технического отдела. Руководство его характеризовало как грамотного и способного работника, который проявлял творческие способности криминалиста и решал самые сложные профессиональные задачи. Евгений Николаевич оказывал неоценимую помощь органам расследования в производстве следственных действий, в отыскании и фиксации следов преступления, а также успешно проводил судебные экспертизы. За проявленные на службе выдающиеся профессиональные способности он был награжден нагрудным знаком «Отличник милиции».

По состоянию здоровья в сентябре 1964 г. Евгений Николаевич в звании старшего лейтенанта милиции был вынужден уволиться из органов внутренних дел. Так он поступил на работу ассистентом кафедры уголовного процесса и криминалистики Барнаульского юридического заочного филиала Томского государственного университета, в котором после его преобразования в самостоятельный вуз (Алтайский государственный университет) он будет трудиться всю оставшуюся жизнь – до 25 октября 1992 г.

Приступив к работе на научно-педагогическом поприще, Евгений Николаевич с учетом экспертной практики начал глубже знакомиться с научными трудами, прежде всего по криминалистической технике. Его интересовали проблемные вопросы экспертологии, идентификации, трасологии, оружиеведения и взрывотехники. Над этими вопросами он размышлял еще в студенческие годы. И не только размышлял, а пытался их изучить в прикладном аспекте. Так, удовлетворяя свое профессиональное желание, обусловленное познанием самых сложных методик производства судебных экспертиз, связанных с установлением способов образования телесных повреждений и причин смерти человека при взрывах, применения огнестрельного и холодного оружия, он в студенческие годы становится общественным помощником экспертов, работающих в Бюро судебно-медицинской экспертизы г. Томска. Серьезность увлечения Е.Н. Тихонова вопросами судебной экспертизы подтверждается таким интересным фактом его студенческой биографии – в годы его учебы он числился самым активным читателем литературы по экспертной тематике среди студентов-юристов Томского университета.

Работая в Алтайском государственном университете сначала в должности ассистента, а затем доцентом, профессором, заведующим кафедрой, деканом юридического факультета и проректором по научной работе, Евгений Николаевич основательно погрузился в науку криминалистики, которая превратилась в смысл его жизни. Обладая природным даром исследователя, он четко определил круг своих научных интересов: криминалистические исследования оружия и боеприпасов, и настойчиво следовал избранному пути всю свою жизнь.

В ходе обучения в заочной аспирантуре Центрального научно-исследовательского института судебной экспертизы (ЦНИИСЭ) к 1970 г. Евгений Николаевич провел серьезную научно-исследовательскую работу в области криминалистического исследования оружия и боеприпасов, результатом которой стала успешная защита кандидатской диссертации в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова по теме «Особенности расследования и производства судебно-баллистической экспертизы по делам, связанным с использованием атипичных боеприпасов».

Еще более крупное научное исследование, заслуженно получившее признание криминалистов в России и за рубежом, Евгений Николаевич целеустремленно, с глубокой ответственностью, проявляя талант криминалиста, провел с 1972 г. по 1982 г. Цель докторского диссертационного исследования заключалась в теоретическом обобщении и комплексном, системном решении проблемы установления групповой принадлежности в криминалистической экспертизе огнестрельного оружия, боеприпасов к нему и холодного оружия. В ходе исследования методом сплошного наблюдения был изучен и подвергнут статистической обработке колоссальный объем практики производства судебных экспертиз, экспертиз холодного оружия почти на всей территории бывшего СССР. В 1982 году Евгений Николаевич успешно защитил в специализированном диссертационном совете при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова докторскую диссертацию по теме «Проблемы теории и практики установления групповой принадлежности в криминалистической экспертизе оружия и боеприпасов».

В 1985 году Е.Н. Тихонову было присвоено ученое звание профессора по кафедре «Уголовного процесса и криминалистики». За добросовестный труд, большой вклад в развитие научных исследований и подготовку высококвалифицированных специалистов профессору Е.Н. Тихонову в 1989 г. присвоено почетное звание «Заслуженный юрист РСФСР». Он был также награжден медалями: «За освоение целинных земель», «За доблестный труд», «Ветеран труда».

Судьба Евгению Николаевичу отмерила не так уж много времени: он прожил всего 54 года. Однако он был яркой личностью и внес большой вклад в развитие науки и практики криминалистики и судебной экспертизы. Отзываясь о Е.Н. Тихонове, его друг и соратник, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор Гавло Вениамин Константинович отмечал такие его качества, как высокое чувство ответственности за порученное дело, обязательность, аккуратность, трудолюбие, творческий подход к решению проблем. Вениамин Константинович вспоминал, что Евгений Николаевич был творческим, увлекающимся человеком, прекрасно рисовал пером и тушью. Все свои научные и учебно-методические работы он сопровождал авторскими оригинальными рисунками, чертежами и графикой. Профессионально владел фотографией, и его фото поражают продуманной композицией, четкостью замысла и техникой [26, с. 6].

Результат каждого научного исследования профессора Е.Н. Тихонова был ознаменован выходом значимой для криминалистики и судебной экспертизы научной публикации. Евгений Николаевич опубликовал около 100 научных трудов, среди которых монографии, учебные пособия, научные рекомендации, статьи, рецензии. Многие из них стали настольными книгами практиков-экспертов, преподавателей, студентов юридических вузов. Самые значимые из них: «Боеприпасы к ручному стрелковому оружию» (1976); «Уголовно-правовая и криминалистическая оценка холодного оружия» (1976); «Криминалистическая экспертиза холодного оружия» (1987); «Судебно-баллистические исследования огнестрельного оружия, патронов-заменителей и следов их применения» (1990); «Судебно-баллистическая экспертиза» (1991).

Благодаря организаторским способностям Евгения Николаевича на кафедре уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета была создана одна из лучших коллекций по отечественному и зарубежному огнестрельному оружию и боеприпасам. Его доклады всегда вызывали живой интерес на многих региональных, всесоюзных и международных научно-практических конференциях, проводившихся во многих городах СССР и позже современной России. Под руководством профессора Е.Н. Тихонова на кафедре уголовного процесса и криминалистики сформировалось перспективное научное направление исследований в области криминалистической техники и судебной экспертизы. Под его научным руководством были защищены кандидатские диссертации, посвященные проблемам криминалистики и судебной экспертизы. Начатая Е.Н. Тихоновым работа в этом направлении продолжается.

Он много сделал для создания ряда уникальных учебных пособий, наглядных средств обучения по судебной баллистике, исследованию холодного оружия, назначению и производству экспертизы. Несмотря на стремительное развитие криминалистической техники и появление новых методик производства судебных экспертиз, не потеряли своего значения многие его методические рекомендации, посвященные боеприпасам к ручному стрелковому оружию, взрывотехнической экспертизе, экспертизе металлических денежных знаков, судебной экспертизе в целях восстановления уничтоженных или измененных маркировочных знаков и криминалистического исследования узлов и петель [13-17], а также и другим значимым в криминалистике и экспертологии вопросам [18-21].

Его достижения достаточно часто используются для обоснования научных идей и получают закономерное развитие в научных статьях по тематике, связанной с судебными экспертизами. Например, результаты научных разработок Е.Н. Тихонова, изложенные в работе «Судебно-баллистическая экспертиза» [22], по вопросу следов взрыва как самостоятельных объектов исследования легли в основу научных изысканий С.В. Швеца и Д.Г. Шумаева, посвященных предмету, объекту и задачам взрывотехнической экспертизы [27].

Идеи, которые разрабатывал и формулировал Е.Н. Тихонов в своем теоретическом учении о холодном и огнестрельном оружии, о взрывах, их роли и месте в сфере судебно-медицинской экспертологии, продолжают развиваться в работах ученых-медиков [4, 8, 10, 12].

Научные исследования Евгения Николаевича нашли широкое применение и в практической деятельности экспертных учреждений страны системы МВД России, Министерства юстиции России, Министерства обороны России, Министерства здравоохранения Российской Федерации. Они используются в учебном процессе при подготовке юристов и экспертов. В частности, рекомендации Е.Н. Тихонова в области баллистики используются Российским центром судебно-медицинской экспертизы Министерства здравоохранения РФ при проведении цикла повышения квалификации для судебно-медицинских экспертов медико-криминалистических отделений БСМЭ «Судебно-медицинская экспертиза. Современные методы медико-криминалистических исследований в судебно-медицинской экспертизе огнестрельной и взрывной травмы» [11].

Весомым является и личный вклад Евгения Николаевича в практическую деятельность экспертов. Более двух десятков лет, с 1964 г. по 1992 г., Евгений Николаевич был тесно связан с практикой в качестве внештатного научного сотрудника Алтайской науч-

но-исследовательской лаборатории судебной экспертизы (АНИЛСЭ), внештатного сотрудника ЭКО УВД Алтайского крайисполкома и оказывал регулярную научно-методическую и практическую помощь экспертам.

Особо следует отметить, что научные труды Евгения Николаевича достаточно плодотворно используются при подготовке учебников и учебных пособий по криминалистике [7], а также при проведении диссертационных исследований, посвященных проблемам, связанным с криминалистической сферой. Самыми востребованными работами профессора Е.Н. Тихонова в этой области являются «Криминалистическая экспертиза холодного оружия» [23] (например, ее содержание использовали при подготовке диссертаций: В.Ю. Владимиров (2002 г.), В.А. Мамурков (2002 г.), Р.В. Зайцев (2008 г.) и другие исследователи современной России [2, 5, 9]), «Понятие

боеприпасов и их классификация» [24] (например, ее содержание использовал при подготовке диссертации А.А. Беляков (2003 г.) [1]), «Исходные следственные ситуации и выбор времени назначения экспертизы» [25] (например, ее содержание использовал при подготовке диссертации В.Д. Корма (2006 г.) [6]) и «Судебно-баллистические исследования огнестрельного оружия, патронов-заменителей и следов их применения» [20] (например, ее содержание использовала при подготовке диссертации Т.А. Глаголева (2009 г.) [3]).

Несомненно, богатое научное наследие одаренного профессора Евгения Николаевича Тихонова еще долго будет предметом пристального изучения российских криминалистов и экспертов, которые в своих научных исследованиях будут идти по намеченным профессором Е.Н. Тихоновым направлениям.

Литература

1. Беляков А.А. Криминалистическая теория и методика выявления и расследования преступлений, связанных со взрывами: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2003.
2. Владимиров В.Ю. Теория и практика криминалистического оружиеведения: дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2002.
3. Глаголева Т.А. Криминалистическое исследование короткоствольных огнестрельных объектов под патроны, снаряженные резиновой пулей и следов их выстрелов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
4. Гусаров А.А., Макаров И.Ю., Фетисов В.А., Фрадкина Н.А. Особенности повреждений, возникающих у пострадавших от взрыва оболочечных взрывных устройств в салоне автомобиля // Вестник судебной медицины. 2018. Т. 7. № 1. С. 35-39.
5. Зайцев Р.В. Криминалистические экспертизы как средство получения и проверки доказательств по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
6. Корма В.Д. Основы криминалистического учения о техногенных источниках повышенной опасности: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006.
7. Криминалистика: учебник для бакалавров / под ред. д.ю.н., профессора Л.В. Бертовского. М.: Изд-во ООО «Проспект», 2018.
8. Макаров И.Ю., Понасюк И.Н., Гусаров А.А., Фетисов В.А. Судебно-медицинская характеристика огнестрельных повреждений, причиненных из пистолета Макарова эластичными пулями // Вестник судебной медицины. 2018. Т. 7. № 1. С. 27-30.
9. Мамурков В.А. Основы криминалистического учения о биологических объектах: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002.
10. Новоселов В.П., Совченко С.В., Федоров С.А. Оценка следовоспринимающих свойств тканей при проникающих колото-резаных ранениях груди // Вестник судебной медицины. 2017. Т. 6. № 4. С. 5-9.
11. Письмо-распоряжение от 1 марта 2018 г. № 1160 Директора Федерального государственного бюджетного учреждения «Российский центр судебно-медицинской экспертизы» Министерства здравоохранения РФ Ковалева А.В. начальникам БСМЭ органов управления здравоохранением субъектов Российской Федерации о проведении цикла ПК для судебно-медицинских экспертов медико-криминалистических отделений БСМЭ «Судебно-медицинская экспертиза. Современные методы медико-криминалистических исследований в судебно-медицинской экспертизе огнестрельной и взрывной травмы» (со списком рекомендованных для изучения источников). URL: http://www.rc-sme.ru/News/materials/TU_10_2018.pdf (дата обращения: 27.06.2018).
12. Солодун Ю.В., Алексеев И.В. К вопросу об идентификации орудия травмы при множественных колото-резаных ранениях со смертельным исходом // Вестник судебной медицины. 2015. Т. 4. № 3. С. 28-32.
13. Тихонов Е.Н. Боеприпасы к ручному стрелковому оружию (пособие для экспертов). М., 1976. 97 с.
14. Тихонов Е.Н. Криминалистическая взрывотехника и взрывотехническая экспертиза: методические рекомендации. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1989. Ч. 1 и 2.
15. Тихонов Е.Н. Криминалистическая экспертиза металлических денежных знаков: методические рекомендации. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1989. 25 с.

16. Тихонов Е.Н. Судебная экспертиза в целях восстановления уничтоженных или измененных маркировочных знаков: методические рекомендации. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1990. 19 с.
17. Тихонов Е.Н. Криминалистическое исследование узлов и петель: методические рекомендации. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1992. 23 с.
18. Тихонов Е.Н. Избранные труды. Барнаул: Из-во Алт. ун-та, 2008. 124 с.
19. Тихонов Е.Н. Уголовно-правовая и криминалистическая оценка холодного оружия. Томск, 1976. 160 с.
20. Тихонов Е.Н. Судебно-баллистические исследования огнестрельного оружия, патронов-заменителей и следов их применения. М., 1974. 94 с.
21. Тихонов Е.И. Судебно-баллистические исследования огнестрельного оружия, патронов-заменителей и следов их применения: методическое пособие для экспертов-криминалистов. Барнаул: Алт. государственный университет, 1991. 198 с.
22. Тихонов Е.Н. Судебно-баллистическая экспертиза. Барнаул, 1991. 95 с.
23. Тихонов Е.Н. Криминалистическая экспертиза холодного оружия: учебное пособие. Барнаул, 1987. 232 с.
24. Тихонов Е.Н. Понятие боеприпасов и их классификация // Теоретические и методические основы судебно-баллистической экспертизы: методическое пособие для экспертов. М.: ВНИИСЭ, 1984. Вып. 1 и 2.
25. Тихонов Е.Н. Исходные следственные ситуации и выбор времени назначения экспертизы // Следственная ситуация. М., 1985. С. 44-46.
26. Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае: мат-лы ежегодной межрегиональной научно-практ. конф-ции, посвященной памяти заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук, профессора Е.Н. Тихонова / под ред. проф. В.К. Гавло. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. Вып. 7-8.
27. Швец С.В., Шумаев Д.Г. Предмет, объект, задачи взрывотехнической экспертизы. URL: <https://doi.org/10.24158/tipor.2018.2.9> (дата обращения: 27.06.2018).